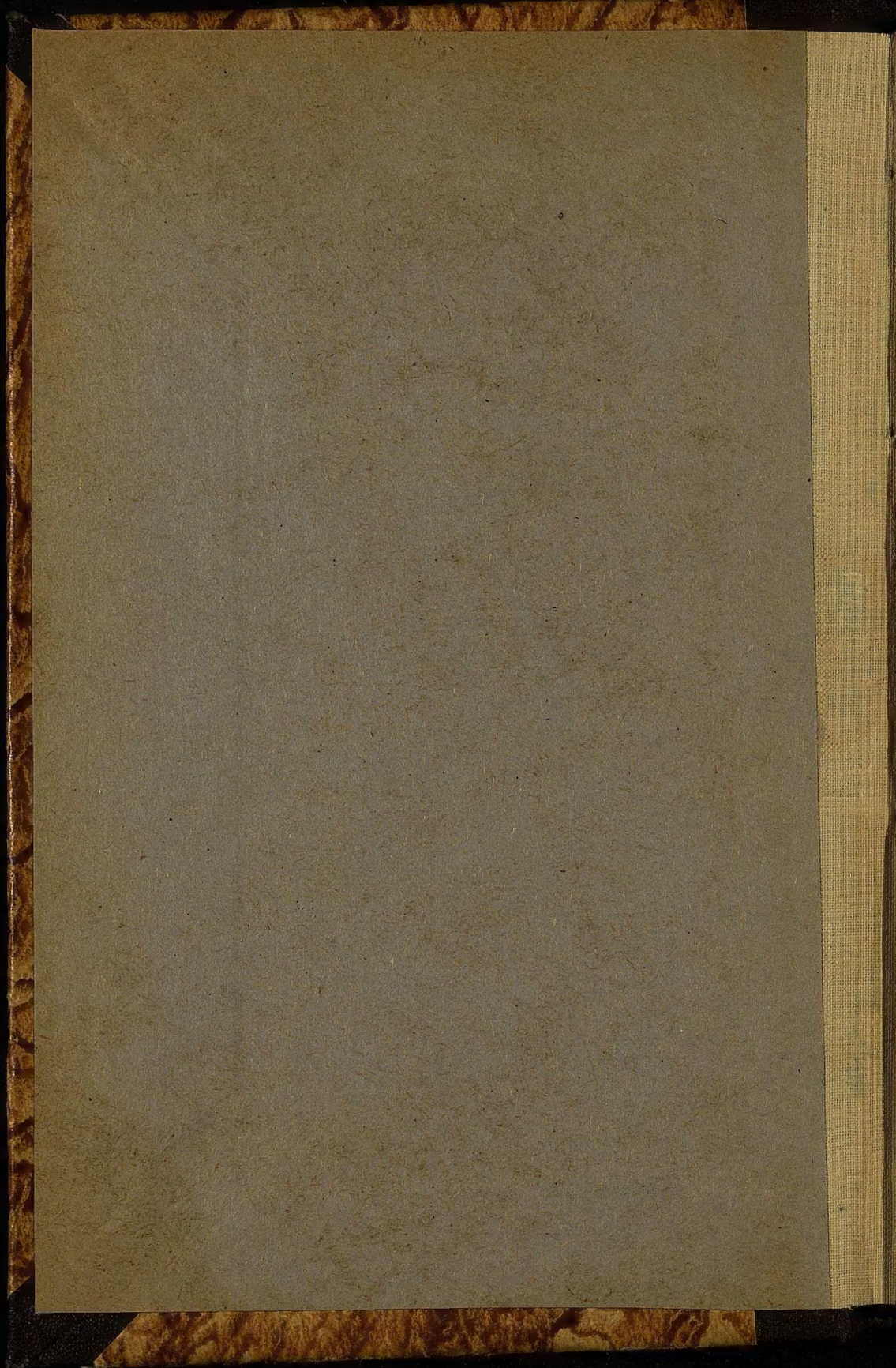
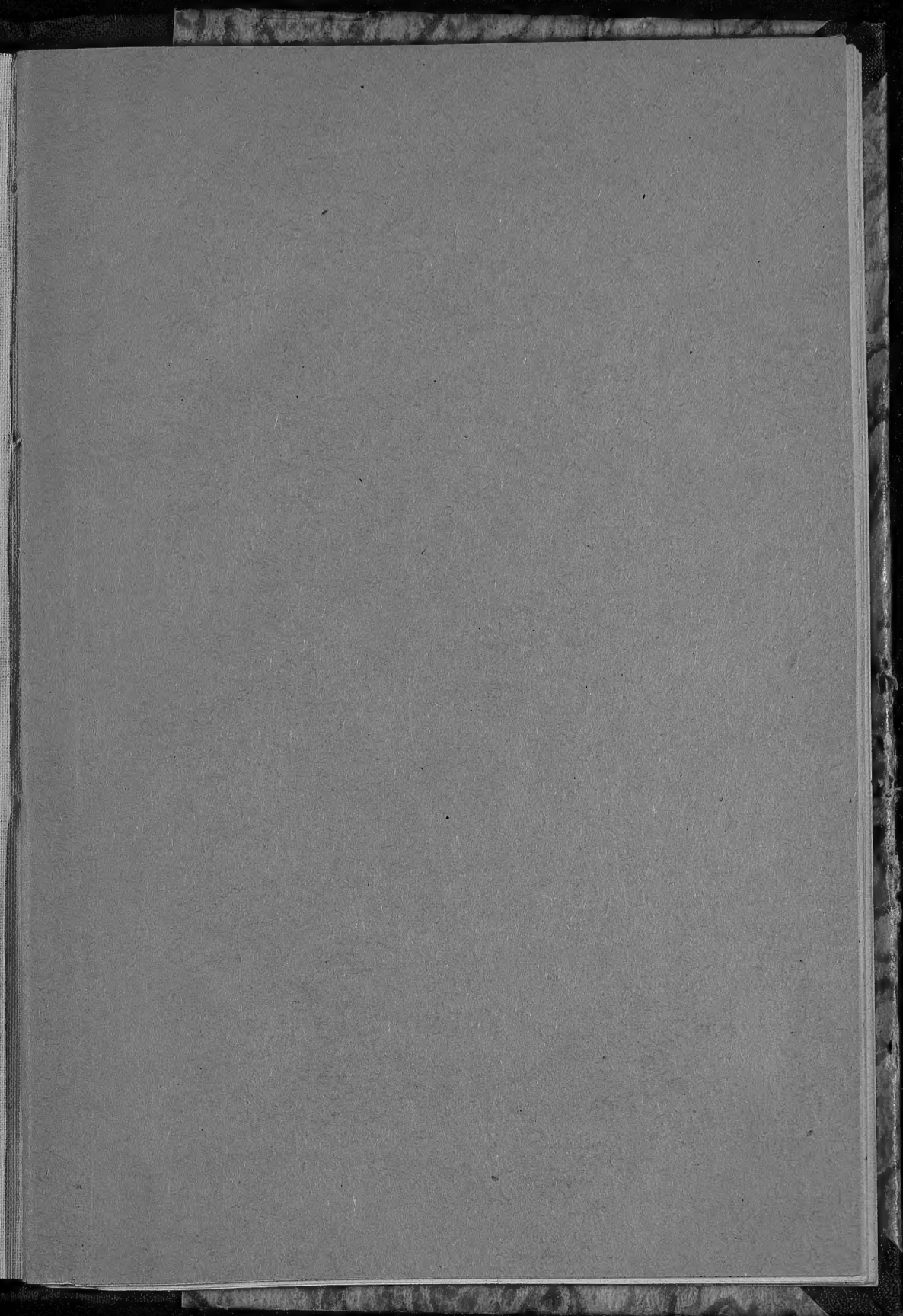
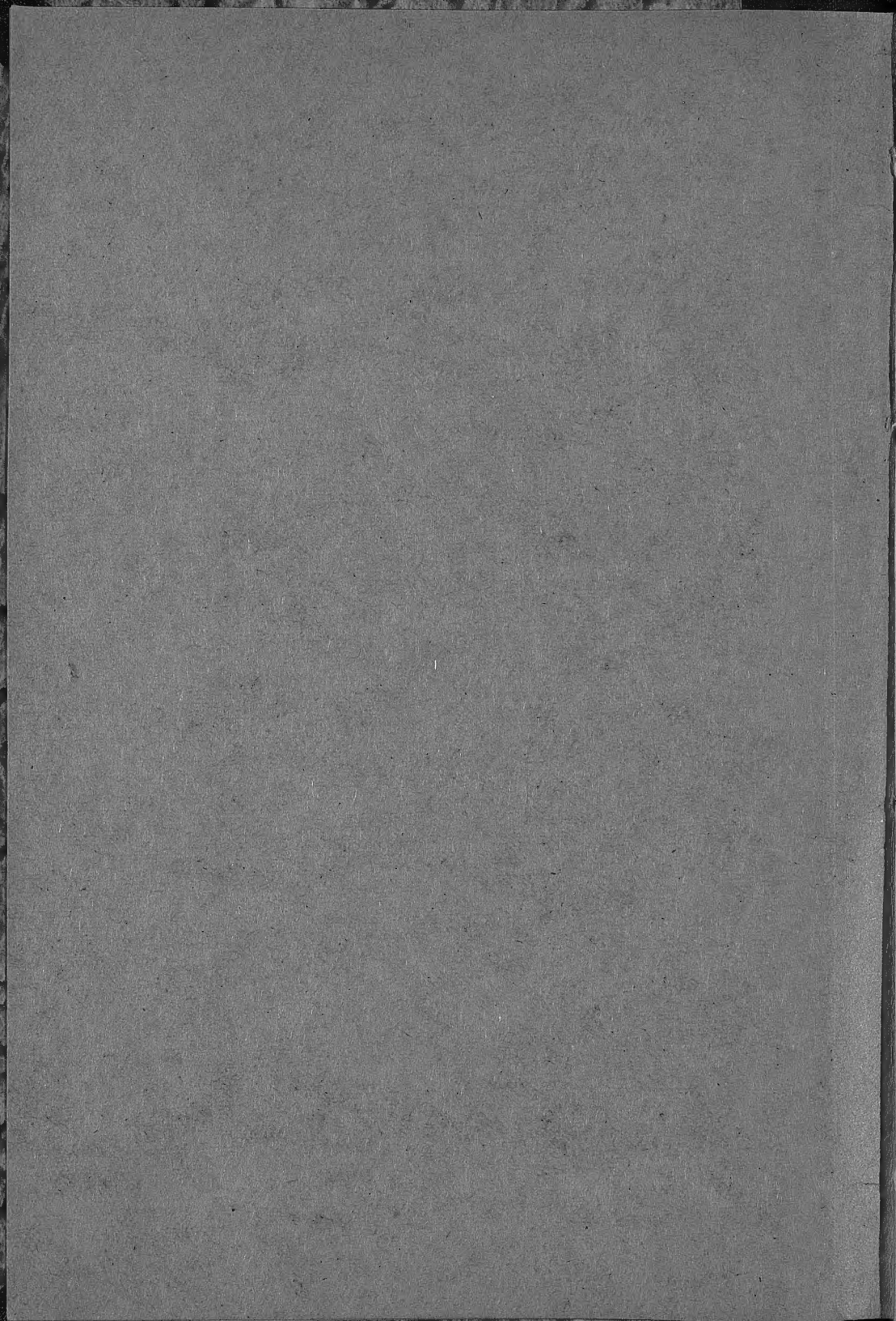

586 5
187

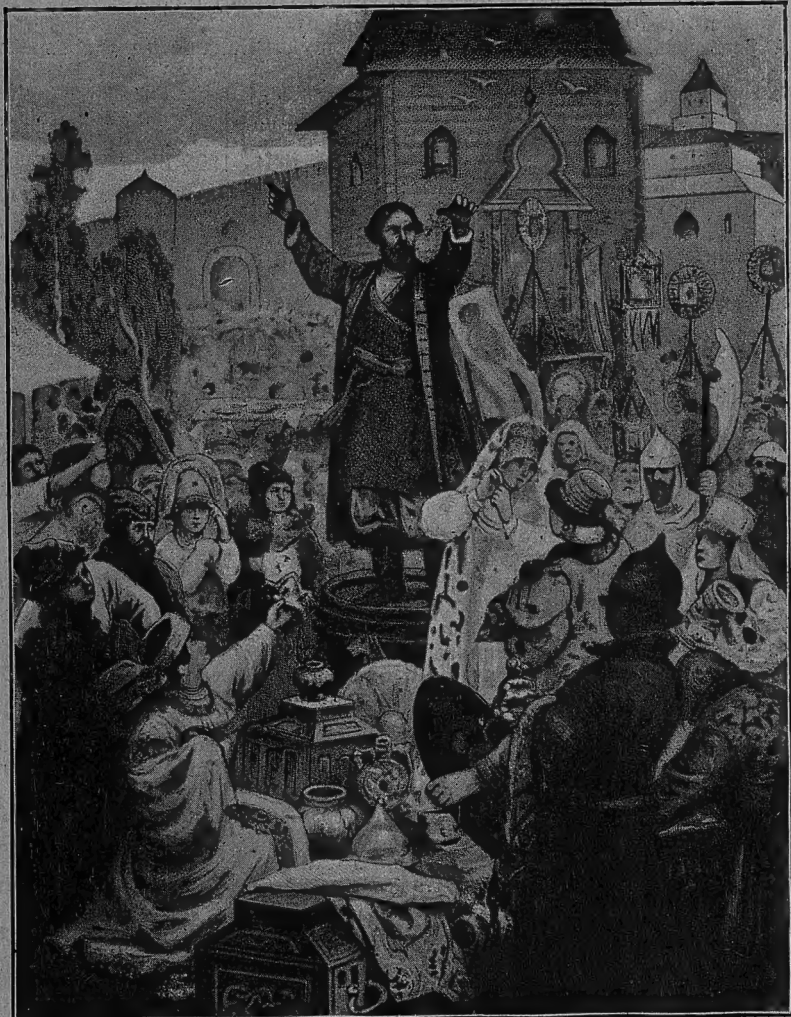

А. БЫКОВА.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ.

(1598—1613 г.г.).

Мининъ говоритъ рѣчь къ народу.

Издание С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.
МОСКВА.

Изданія С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

- Р. Авенариусъ. Критика чистаго опыта въ популярн. изложеніи Луначарскаго. Новая теорія позитивн. идеализма. (Holzappel. Panlpeal). Критическое изложеніе А. Луначарскаго; цѣна 80 к.
- В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ образующій цѣнность; ц. 40 к.
- А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ (приложеніе: уставъ Казанскаго О-ва защиты несчастныхъ женщинъ); цѣна 40 к.
- Т. Барвенкова. Раздолье (повѣсть). На мели. По способу Коха (разказы); ц. 80 к.
- *Н. Блиновъ. Жизнь Робинзона. (Въ чемъ счастье?) Изд. 4-е. Съ 102 рис.; цѣна 70 к., въ коленкор. папкѣ 1 руб.
- А. Богдановъ. Краткій курсъ экономич. науки. Изданіе 9-е, вновь исправленное; цѣна 60 к.
- А. Богдановъ. Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. Кн. I, изд. 3-е; цѣна 80 к.
- Его же. Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. Кн. II, изд. 2-е; цѣна 70 к.
- Его же. Эмпириомонизмъ. Книга III. Статьи по философіи; цѣна 75 к.
- Его же. Новый міръ. Статьи по философіи 1904—1905 г.; цѣна 40 к.
- Его же. Изъ психологіи общества; цѣна 80 к.
- Его же. Что такое либералы; цѣна 4 коп.
- Его же. Паденіе великаго фетишизма. (Соврем. кризисъ идеологіи). Въра и наука (о книгѣ В. Ильина „Матеріализмъ и эмпириокритицизмъ“); цѣна 1 р. 25 к.
- Его же. Культурныя задачи нашего времени; цѣна 60 к.
- *Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника (съ 23 рис.); ц. 50 к.
- А. Б-ичъ. Местъ крестьянина. Историческій романъ изъ временъ Людовика XIV; цѣна 25 к.
- А. Быкова. Разказы изъ исторіи Ирландіи съ XII вѣка до нашихъ дней. (Портреты: Парнелля и О'Коннелля). Изд. 2-е; цѣна 80 к.
- А. Быкова. Разказы изъ исторіи Франціи XVII—XVIII в. (Эпоха Бурбоновъ). Изд. 2-е. Съ портретами; цѣна 1 р.
- А. Быкова. Разказы изъ исторіи Италіи XIX вѣка. Съ 5-ю портретами; ц. 50 к.
- А. Быкова. Смутное время на Руси (1598—1613 гг.); цѣна 50 к.
- Бѣлорусовъ. Въ старомъ домѣ. Разказы. Воспомин. Размышленія; ц. 1 р.
- Л. Василевскій. Современная Галиція (съ картой); цѣна 80 к.
- В. Вельскій. (В. В. Кирьяновъ). Выбитые на хутора. Землеустроители и народъ. (Картинки землеустройства), цѣна 60 к.
- *Ч. Вѣтринскій. Среди латышей. Очерки (съ 12 рис.); цѣна 25 к.
- *Его же. Божьи дѣти. (Сборникъ); цѣна 7 к.
- Его же. Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина. Съ портретомъ. Ц. 20 к.
- Его же. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщич. крестьянъ. Историч. очеркъ. Съ портретъ; цѣна 5 к.
- Его же. Л. Н. Толстой. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ рисунокъ; цѣна 5 к.
- С. Гвоздевъ. Записки фабричнаго инспектора (изъ наблюденій и практики въ періодъ 1894—1908 гг.); цѣна 1 р.
- Викторъ Гюго. Маленькій Наполеонъ. Перев. съ французскаго; цѣна 50 к.
- Е. Джунновская. Средняя школа новаго типа въ западно-европейскихъ государствахъ. Съ 12 рис.; цѣна 75 к.
- С. Дороватовскій. Сочи, Красная Поляна и ихъ окрестности. Путеводитель. Съ 12 рис., картой и планомъ Сочи; цѣна 1 р.
- Н. Дьяконовъ. Возникновеніе партійной организаціи Германской социаль-демократіи; цѣна 25 к.
- Д. Н. Жбанковъ. О врачахъ; цѣна 75 к.
- Г. Жеффуа. Л. Вланки. Его жизнь и революціон. дѣятельность. Съ портретами и рисунками; цѣна 1 р.
- В. Канель. Судорабочіе и судовладѣльцы; цѣна 30 к.
- Н. Катаевъ. Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи; цѣна 25 к.
- Его же. Къ вопросу о теоріи социальнаго развитія; цѣна 80 к.
- А. А. Кирпищикова. Повѣсти и разказы. (Изъ жизни въ приуральскихъ водахъ); цѣна 70 к.

А. О. БЫКОВА.

Д 86 5
184

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ.

(1598—1613 г.г.).

Издание С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА.

~~20666
6/11 1924~~ ✓

Государств. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР ✓
20666-24 ✓м

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Московское государство въ концѣ XVI вѣка. Государственный и общественный строй.	1
ГЛАВА II. Борисъ Годуновъ	25
ГЛАВА III. Лжедмитрій I.	46
ГЛАВА IV. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.	56
ГЛАВА V. „Тушинскій воръ“.	67
ГЛАВА VI. Боярское правленіе	78
ГЛАВА VII. Очищеніе Московскаго государства и избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова.	91
Заключеніе. Послѣдствія смуты.	107

**Государственная публичная
историческая библиотека**

ПАСПОРТ		КНИГА ИМЕЕТ:	
Инвентарный №		№ тома	Список № порядковый №
7865-187	20666		
Шифр		количество страниц	Одн. томов, вып. №№
14-64	7		Таблиц, карт, фотографий
			Особые ценности: рукописи, автограф, письмо и т. п.
		Дефекты	Печатных листов
			Образ

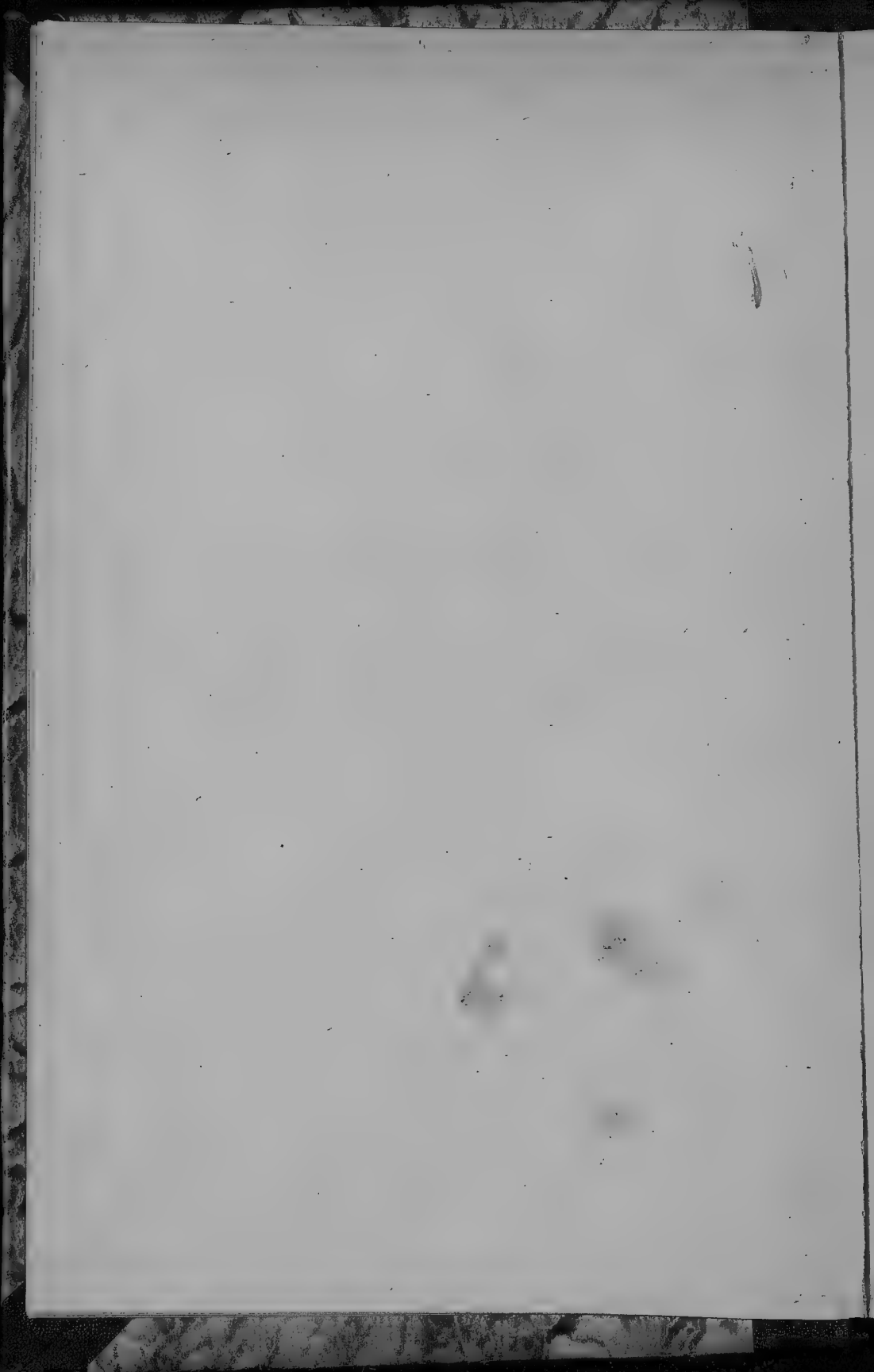
20666
6. VII 1924

V

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Московское государство въ концѣ XVI вѣка. Государственный и общественный строй.	1
ГЛАВА II. Борисъ Годуновъ	25
ГЛАВА III. Лжедмитрій I.	46
ГЛАВА IV. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.	56
ГЛАВА V. „Тушинскій воръ“.	67
ГЛАВА VI. Боярское правленіе	78
ГЛАВА VII. Очищеніе Московскаго государства и избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова.	91
Заключеніе. Послѣдствія смуты.	107

ГЛАВА I.

Московское государство въ концѣ XVI вѣка. Государственный и общественный строй.

Надѣ землею русской,
Какъ Божій гнѣвъ, пронесся царь Иванъ.
Ал. Толстой. Царь Федоръ Ивановичъ.

Великіе потомки
Князей удѣльныхъ и бояръ исконныхъ,
Мы не жили, мы только трепетали.
Островскій. Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій.

I. Московское боярство. Боярская дума. Думные чины. Боярство какъ правящій классъ. Самодержавіе. Обязательная служба. Приказы. Дьяки. Думные дворяне. Думные дьяки. Опричина.

Въ 1584 году скончался царь Иванъ Грозный, оставивъ государство Московское въ полномъ разстройствѣ. Частыя войны, набѣги татаръ, казни и опалы, разгромъ грознымъ царемъ старинныхъ богатыхъ русскихъ городовъ Новгорода и Пскова, устройство опричнины и неистовства опричниковъ довели страну до полного упадка и разоренія, вызвали всеобщее негодованіе и возмущеніе и возбудили въ населеніи тревогу и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Къ концу царствованія Грознаго недовольство широкой волной разлилось по всей землѣ русской, кромѣ самыхъ сѣверныхъ областей, такъ называемаго Поморья, гдѣ жизнь складывалась иначе, чѣмъ на всемъ пространствѣ Московскаго царства. Недовольство охватило все классы общества, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, и каждый классъ имѣлъ свои причины быть недовольнымъ. Между отдѣльными классами общества замѣчалась сильная рознь и взаимная вражда и ненависть, настолько различны и подчасъ прямо противоположны были ихъ интересы.

Самымъ высшимъ классомъ въ Московской Руси было боярство. Слово «бояринъ» старинное русское слово. Въ концѣ X вѣка совет-

Смутное время на Руси.

никовъ и ближайшихъ сподвижниковъ князя Владиміра Святого звали «боярами» или «болярами». Бояре составляли постоянный совѣтъ князя, съ которымъ онъ думалъ о ратныхъ дѣлахъ и объ устроеніи земли. Въ удѣльное время, въ XIII—XIV вѣкахъ, когда Русская земля подѣлена была на отдѣльные княжества—удѣлы, бояре были вольные слуги, которые служили тому или иному удѣльному князю по личному съ нимъ уговору. За службу князь награждалъ бояръ землями, *вотчинами*. Если бояринъ былъ недоволенъ княземъ, онъ всегда могъ отѣхать къ другому удѣльному князю, и такой отѣздъ не считался измѣной, такъ какъ живо было сознаніе, что Русская земля одно цѣлое, и князья не чужіе другъ другу. Князья охотно принимали къ себѣ на службу вольныхъ слугъ изъ другихъ княжествъ. Когда Московское княжество, благодаря счастливому положенію въ центрѣ Русской земли на торговыхъ путяхъ, и благодаря умѣлой искусной политикѣ своихъ князей, стало быстро расти и усиливаться, ко двору Московскаго князя изъ всѣхъ удѣловъ, и изъ за-границы, и изъ Крыма, и изъ Золотой Орды стекались знатные служилые люди, такъ какъ служба при московскомъ дворѣ становилась выгодной. Уже около половины XIV вѣка въ старинныхъ родословныхъ книгахъ записано болѣе 40 фамилій, родоначальники которыхъ сошлись въ Москву съ разныхъ сторонъ. Московскіе бояре перестали быть кочевыми наемниками, между ними и княземъ завязалась тѣсная связь; оставаясь вольными слугами, они стали его постоянными совѣтниками и оказывали ему дружное содѣйствіе по управленію княжествомъ и по расширенію его предѣловъ. Въ XV и XVI вѣкахъ, по мѣрѣ того какъ удѣльные княжества одно за другимъ присоединялись къ Москвѣ, новые слуги такъ и приливали въ Москву, и когда Московское княжество въ XVI вѣкѣ обратилось въ національное Русское государство, подъ рукой московскаго князя собрались не только всѣ вольные служилые люди, разсѣянные дотолѣ по разнымъ княжествамъ, но и недавніе владѣтельные князья, которые утратили свои удѣлы. Приливъ новыхъ слугъ въ Москву въ большомъ количествѣ и появленіе при московскомъ дворѣ *бояръ-княжатъ*, которые по происхожденію своему равнялись самому московскому князю, выдвинули вопросъ, какъ имъ всѣмъ размѣститься въ государственномъ управленіи, въ государственномъ совѣтѣ и за царскимъ столомъ. Установился своеобразный распорядокъ. Бывшій удѣльный князь, только потому что онъ князь, считается выше нетитулованнаго боярина, хотя бы этотъ нетитулованный бояринъ былъ стариннымъ

московскимъ слугою, изстари служилъ московскимъ князьямъ. Первые мѣста въ государственномъ управленіи и за царскимъ столомъ заняли служилые князья. Но и князья не были равны между собой: потомки великихъ князей считались выше потомковъ удѣльныхъ; удѣльные князья, утратившіе свои удѣлы и перешедшіе въ Москву со службы у другого удѣльнаго князя, считались ниже старинныхъ Московскихъ бояръ, такъ что и князь могъ быть ниже простого нетитулованнаго боярина. Такъ московское боярство подѣлилось на разряды. Высшіе разряды составили потомки удѣльныхъ князей, бояре-княжата. Старинное московское боярство отошло на второй планъ и вмѣстѣ съ потомками мелкихъ удѣльныхъ князей составило средній и низшій слои московскаго боярства. На такомъ распредѣленіи родовитыхъ фамилій по знатности ихъ происхожденія, «по породѣ», основывалось распредѣленіе должностей, *мѣстъ*, по высшему управленію. По отцу и сыну честь. Созданное предками служебное положеніе родовитаго боярина и его фамиліи и отношеніе этой фамиліи къ другимъ боярскимъ фамиліямъ т. е. его право занимать мѣсто выше или ниже другого боярина, называлось «мѣстничествомъ отечествомъ» и передавалось по наслѣдству. Государь могъ пожаловать въ бояре и незнатнаго человѣка, но это не дѣлало его родовитымъ. «За службу жалуетъ государь помѣстьями и деньгами, а не отечествомъ». Бояре очень дорожили *мѣстничествомъ*, потому что оно охраняло ихъ служебныя и правительственныя преимущества. Въ XVI вѣкѣ родовитое боярство всюду является, въ управленіи на первыхъ мѣстахъ, и во дворцѣ, и на службѣ, и на войнѣ. Люди родовитыхъ фамилій, начавшихъ служить въ Москвѣ не ранѣе XV вѣка, даютъ старинное боярство московское и своею численностью и важною занимаемыхъ ими должностей. Княжата не считали простыхъ бояръ равными себѣ «по породѣ», потому что бояре эти пошли не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей, хотя и были «искони вѣчные государскіе, ни у кого не служивали, окромя своихъ государей».

Съ уничтоженіемъ удѣловъ, удѣльный порядокъ не исчезъ. При соединеніи новаго княжества, Москва не спѣшила разрушить дѣйствовавшій тамъ старый привычный порядокъ, чтобы замѣнить его своимъ московскимъ управленіемъ. Бывшимъ удѣльнымъ владѣльцамъ, особенно если они добровольно присоединились къ Москвѣ, московскій государь оставлялъ ихъ удѣлы въ качествѣ *вотчинъ*, сохраняя за ними ихъ прежнія права; по отношенію къ населенію бывшіе

удѣльные князья оставались *государями* со всей полнотой прежней власти. Въ своихъ вотчинахъ князья имѣли свой дворъ, своихъ служилыхъ людей, свое войнство, которое выводили на службу московскаго князя. Нерѣдко княжата назначались намѣстниками въ города, которые недавно были столицею ихъ княжествъ. Такъ что присоединившись къ Москвѣ, бояре-княжата по прежнему правили своимъ бывшимъ удѣломъ и только утрачивали самостоятельность.

Потомки удѣльныхъ державцевъ сидѣли въ Государевомъ совѣтѣ — Боярской Думѣ. Съ Думой Государь совѣтывался по дѣламъ законодательства и управленія. Судебникъ 1550 года (сборникъ законовъ) признаетъ закономъ то, что постановлено „съ государева доклада со всѣхъ бояръ приговору“, т. е. возбуждалось докладомъ на государевомъ имя изъ того или другого вѣдомства. Слѣдовательно Дума была законодательнымъ учрежденіемъ, хотя права и обязанности ея не были опредѣлены закономъ. Въ удѣльное время всѣ совѣтники князя, его *думные люди*, носили одно общее званіе бояръ. Въ Московскомъ же государствѣ, вслѣдствіе разнороднаго состава, боярство раздѣлилось на чины — на бояръ и окольничихъ. Окольничимъ въ удѣльные вѣка назывался ближайшій къ князю человекъ его свиты, который постоянно находился около него. Въ XVI вѣкѣ и боярство и окольничество стали «чиномъ». Боярство и окольничество государь жаловалъ, «сказывалъ», какъ тогда говорили. Люди первостепенныхъ родовъ вступали въ Думу сразу боярами, а для второстепенной знати и созданъ былъ второй думскій чинъ, окольничаго. Члены Думы назывались «думными людьми». Назначалъ «думныхъ людей», «сказывалъ думу», государь, приказывая вновь назначенному государственному совѣтнику «сидѣть съ боярами въ Думѣ и всякія думныя и тайныя дѣла вѣдати». Своихъ совѣтниковъ, думныхъ людей, государь «прибиралъ, разсуждая ихъ отечество, кто того дородился», т. е. назначалъ думныхъ людей преимущественно изъ родовитой знати. Съ 1505—1593 гг. насчитывается 70 фамилій, члены которыхъ перебывали въ Думѣ въ званіи бояръ. Изъ нихъ болѣе 40 носили княжескій титулъ, остальные были простыя боярскія фамиліи. Изъ 200 бояръ, посидѣвшихъ въ Думѣ за это время, было 130 князей и только 70 лицъ не княжескаго происхожденія. Для вступленія въ Думу требовался солидный возрастъ, и по большинству своихъ членовъ Дума была «совѣтомъ старцевъ». Фамиліи, въ которыхъ старшіе члены умирали, не достигнувъ думнаго возраста, «не поспѣвали въ Думу». У Думныхъ бояръ было много дѣла и въ Думы. Въмѣстѣ съ

государемъ они и законодательствовали и правили,—вѣдали всё государственныя дѣла. Думный человекъ дѣйствовалъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ управленія. Боярство было «правлящимъ классомъ». Но Московскій государь правилъ Московской землей вмѣстѣ съ боярами не потому, что того требовалъ законъ, а потому что такъ «изстари повелось», такой былъ обычай, такой установился порядокъ. «Обыкли большая братія на большая мѣста сѣдати». Въ удѣльное время, удѣльные князья правили Русской землей каждый въ своемъ княжествѣ. Ихъ потомки, бояре-князата, считали себя *прирожденными правителями*, и собравшись всё вмѣстѣ въ Москвѣ продолжали править всё сообща подъ верховной властью московскаго царя.

Въ удѣльное время бояре шли на службу къ московскому князю, ища служебныхъ выгодъ. Возвышеніе московскаго князя было для нихъ выгодно, и они усердно ему помогали во всѣхъ дѣлахъ его. Между княземъ и боярами были прекрасныя дружескія отношенія. Дмитрій Донской говорилъ своимъ боярамъ: «я всѣхъ васъ любилъ, и въ чести держалъ, и вы назывались у меня не боярами, а князьями». Но въ концѣ XV вѣка дружескимъ отношеніямъ насталъ конецъ; между боярами и государемъ начались столкновенія, ихъ интересы разошлись. Когда Московское княжество обратилось въ Московское національное государство, власть московскаго государя сильно возросла. Ужъ Іоаннъ III принялъ титулъ «царя *самодержца*». Не надо однако забывать, что *самодержцемъ* называли въ древней Руси не неограниченнаго монарха, а государя независимаго ни отъ какого другого владѣтеля, не платящаго никому дани, и Московскіе *самодержцы* дѣлили свою власть съ боярствомъ, такъ изстари повелось. Іоаннъ Грозный первый изъ московскихъ государей сталъ придавать слову «самодержецъ» другое значеніе; онъ говорилъ: «како же самодержецъ наречется, аще не самъ править», и стремился къ неограниченной власти. Иностранцы отмѣчаютъ, что Московскій государь властью своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Правда то была власть надъ лицами, а не надъ установившимся порядкомъ. Свои стремленія къ самодержавію Іоаннъ выражалъ словами: «жаловать своихъ холопей вольны мы, но и казнить ихъ вольны». Въ то время, какъ съ политическимъ объединеніемъ Сѣверо-восточной Руси власть царя самодержца усилилась, служебное положеніе бояръ ухудшилось: ихъ вольной службѣ насталъ конецъ, служба эта превратилась въ обязательную. Отъѣхать изъ Москвы стало некуда,

и самое право отъѣзда само собой пало. Московское боярство очутилось прикрѣпленнымъ къ московскому царскому двору вѣчно-обязательной службой; по древне-русскому праву частная *дворовая* служба безъ договора, ограждающаго личную свободу слуги, дѣлала его «холопомъ» хозяина. Въ Московскомъ государствѣ всѣ *служилые* люди, въ томъ числѣ и бояре, въ своихъ обращеніяхъ къ государю, какъ *дворовые* слуги, стали называть себя «холопами». Правда, это названіе не дѣлало бояръ на самомъ дѣлѣ холопами, но оно унижало ихъ въ глазахъ государя и въ глазахъ общества.

Мѣстничество, за которое такъ держались бояре, оказалось недостаточной охраной ихъ правительственныхъ правъ. Дѣло въ томъ, что мѣстничество не установило точнаго и постояннаго отношенія родовитости къ правительственной должности; по правиламъ мѣстничества считаться мѣстами можно было только тогда, когда «кого съ кѣмъ пошлютъ вмѣстѣ на государеву службу за однимъ дѣломъ», т. е. когда между назначенными на должность боярами возникали отношенія начальника и подчиненнаго. Но съ мѣстнической точки зрѣнія нельзя было ничего возразить противъ назначенія *худороднаго* человѣка на самую высокую государственную должность, лишь бы родовитые люди не оказались у него въ подчиненіи по службѣ. Пока живы были воспоминанія удѣльной старины, на всѣ высшія должности назначались бояре, и не представлялось, чтобы могло быть иначе. Казалось, что такъ всегда будетъ, и бояре нисколько не опасались за свое положеніе, какъ «*правлящаго класса*», такъ они были увѣрены, что «правительства съ нихъ не снимутъ и *худородными* людьми ихъ не обезчестятъ, съ такими людьми не поровняють». Они съ упорствомъ занимались своими «мѣстническими» счетами и не замѣтили, какъ изъ рукъ ихъ стала незамѣтно ускользать власть. Для дѣлъ новыхъ, вызываемыхъ новыми потребностями выросшаго государства, выдвигались съ высокими чинами «люди обышныя», т. е. *неродовитые*. Это были дѣльцы, которые выдѣлились своею дѣятельностью въ *приказахъ*, проявили себя знатоками *приказныхъ* дѣлъ. *Приказы* это были правительственныя учрежденія, которымъ *приказано* было вѣдать ту или иную отрасль управленія или суда, то что теперь министерства и департаменты. *Посольскій приказъ* вѣдалъ всѣ дѣла по сношеніямъ съ иностранными государствами. *Разбойный приказъ* вѣдалъ всѣ уголовныя дѣла. Въ XVI вѣкѣ было до 40 приказовъ. Начальниками большихъ приказовъ царь назначалъ бояръ или окольничихъ. Начальниками мелкихъ приказовъ, во главѣ

которыхъ *непригоже* было стоять родовитому боярину, назначались служилые *землевладѣльцы* не боярскаго происхожденія. Всю переписку, теченіе дѣлъ и ихъ распредѣленіе вѣдалъ въ приказѣ *дьякъ*, у дьяка были помощники—*подьячіе*. Душой дѣятельности приказа былъ его дьякъ, который назначался сперва подьячимъ и, дослужившись до дьяка, великолѣпно зналъ все дѣлопроизводство, всѣ законы и указы и умѣлъ примѣнять и толковать ихъ. Дьяки выбирались государемъ изъ незнатныхъ людей, «поповичей и простого всенародства». Приставленные къ службѣ они только ею и дорожили, знали и дѣлали дѣло лучше, чѣмъ переменные начальники приказа изъ знати. Обязанные высокимъ служебнымъ положеніемъ личнымъ своимъ заслугамъ и государственной милости, дьяки являлись преданными слугами государя и слѣплыми исполнителями его воли. По мѣрѣ того, какъ увеличивались потребности государства, расширялась дѣятельность приказовъ, и увеличивалось значеніе ихъ въ государственной жизни. Знанія и опытность приказныхъ дѣльцовъ оказываются нужными и въ Боярской Думѣ, и въ XVI вѣкѣ при Іоаннѣ Грозномъ приказные люди вводятся въ Думу и составляютъ тамъ третій чинъ «думныхъ дворянъ»; такихъ людей не пригоже было вводить въ Думу не только боярами, но даже окольными, потому что они «изъ такой статьи родовъ, которые въ боярахъ не бываютъ». Вслѣдъ за думными дворянами въ Боярской Думѣ появляются и думные дьяки. Думные дьяки являлись докладчиками по дѣламъ своего приказа, давали нужныя справки и имѣли только совѣщательный голосъ. Они же писали думскіе приговоры. Думные дьяки нерѣдко возводились въ званіе думныхъ дворянъ и даже окольных. Такъ рядомъ съ родовитой знатію въ государственномъ управленіи становилась знать приказной службы и государственной милости. Эта выслужившаяся знать проводить мысль, что «государь какъ Богъ и малаго чинить великимъ», и что «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ».

Жестокій ударъ, ударъ отъ котораго боярство уже не могло оправиться, нанести родовитому боярству Іоаннъ Грозный учрежденіемъ *опричнины*. Грозный царь не любилъ бояръ и не довѣрялъ имъ; онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они хотятъ снять съ него власть и оставить ему лишь званіе царя. Грозный говорилъ: «подъ повелителями и приставами намъ быть непригоже». Отстаивая свое самодержавіе отъ притязаній «лукавыхъ и прегордыхъ рабовъ бояръ», царь Иванъ вступилъ съ ними въ открытую борьбу, и опричнина была однимъ изъ орудій этой борьбы. Отъ казней и опалъ Грознаго

бояре искали спасенія въ чужихъ краяхъ и бѣжали «изъ отечества неблагодарнаго, земли лютыхъ варваровъ». Грозный видѣлъ въ этомъ бѣгствѣ измѣну. Въ 1564 году царь Иванъ съ семействомъ своимъ и ближними людьми, неожиданно и никому ничего не сказавъ, покинулъ Москву и уѣхалъ въ Александровскую слободу. Черезъ мѣсяцъ царь прислалъ митрополиту грамоту, въ которой клалъ свой царскій гнѣвъ и на бояръ, и на духовенство, и на служилыхъ и приказныхъ людей за ихъ беззаконія, мятежи, расхищеніе государевыхъ земель и казны. Не терпя ихъ измѣнныхъ дѣлъ, царь и оставилъ свое государство и поѣхалъ поселиться, гдѣ Богъ укажетъ. Москва была въ смятеніи и ужасѣ. Власти растерялись. Высшее духовенство и бояре поѣхали въ Александровскую слободу бить челомъ царю, просить его вернуться на царство, «пакъ взять свой государства и править, какъ ему угодно». Царь согласился, но съ условіемъ, чтобы ему не мѣшали «на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить и имѣніе ихъ брать на себя, и чтобы учинить ему на своемъ государствѣ опричнину, дворъ ему себѣ и весь свой обиходъ учинить особый».

Вернувшись въ Москву, царь устроилъ себѣ особый дворъ, отдѣльно отъ стараго московскаго двора. При этомъ дворѣ у царя были и свои особые бояре, окольничіе, дьяки и всякіе приказные люди и «весь дворовый штатъ на всякій обиходъ». Изъ служилыхъ людей, князей и дворянъ, царь отобралъ въ опричнину тысячу человекъ. Эти опричники составили особый государевъ полкъ, на преданность и усердіе котораго царь могъ вполне положиться. Впослѣдствіи число опричниковъ постепенно увеличилось до 6000. Въ опричнину попали лишь немногіе знатные и родовитые люди, только тѣ, которые угодливостью съумѣли заслужить довѣріе подозрительнаго царя. Новые царскіе приближенные были «худородные страдчики», какъ характеризовалъ ихъ самъ царь. Опричина была учреждена для борьбы съ крамолой и для расправы съ измѣнниками и ослушниками царской воли, и являлась сыскнымъ отдѣленіемъ и высшей полиціей по дѣламъ государственной измѣны. Съ учрежденія опричнины начались опалы и массовыя казни не въ чемъ неповинныхъ людей, разгромы и опустошенія цѣлыхъ городовъ и уѣздовъ. По словамъ нашего знаменитаго историка Ключевскаго, «Іоаннъ дѣйствовалъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человекъ, который закрывъ глаза билъ направо и налево, не разбирая своихъ и чужихъ». Казнено было больше 10000 человекъ. Самыхъ опасныхъ измѣнниковъ царь видѣлъ въ боярской средѣ.

Царская опала постигала то того, то другого боярина. Тюрьма, ссылка, смертная казнь ждали измѣнника, который прогнѣвилъ царя или казался ему непокорливымъ и непослушнымъ. Казнь слѣдовала за казнью, и многіе боярскіе роды «безъ остатку миновались». Однако выметеніе измѣны не было единственной и главной цѣлью опричины, она имѣла еще и другое назначеніе. Для содержанія опричины въ опричное управленіе сперва были взяты нѣкоторые города и волости изъ разныхъ мѣстъ. Государь предупреждалъ, что если «ему доходу не достанетъ на его государскій обиходъ, и иные города и волости имати,» и ималъ. Съ каждымъ годомъ предѣлы опричины расширялись, и къ 70 годамъ XVI вѣка опричныя владѣнія охватили чуть не полъ царства. Русское государство раздѣлилось на двѣ половины, одна перешла въ опричное управленіе, другая, которую царь называлъ земщиной, осталась въ прежнемъ боярскомъ управленіи. Современники съ ненавистью отзываются объ опричинѣ и о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія она принесла странѣ. «Всю державу свою какъ топоромъ пополамъ разсѣкъ и этимъ всѣхъ смутилъ», пишутъ они. «Воздвигнулъ царь крамолу междоусобную: въ одномъ и томъ же государствѣ однихъ людей на другихъ напустилъ, однихъ опричными назвалъ, своими собственными учинилъ, а прочихъ земщиной наименовалъ и заповѣдовалъ своей части другую часть людей насиловать, и смерти предавать, и дома ихъ грабить. И была туга и ненависть на царя въ міру, и кровопролитіе и казни многія учинились». Кровопролитія и казни ожесточили народъ, вырвали изъ сердца его чувство жалости и состраданія и притупили его нравственное чувство.

Область опричины составила изъ самыхъ богатыхъ городовъ и волостей Русской земли, лежащихъ въ сѣверной и центральной части государства: 1) изъ Поморья, 2) двухъ Новгородскихъ областей, 3) изъ такъ называемыхъ «Замосковныхъ городовъ», лежащихъ на сѣверъ отъ Москвы по верхнему теченію Волги и по верховьямъ Оки, и 4) изъ городовъ *Заозскихъ*. Въ земщинѣ, въ старомъ боярскомъ управленіи, остались почти исключительно безпокойныя окраины. Отъ родовитаго боярства отнята была власть во всѣхъ внутреннихъ областяхъ государства. Лишая бояръ-княжатъ государственной власти, опричина сокрушила и ихъ земельное могущество. Въ центральныхъ областяхъ государства въ опричину отводились тѣ мѣстности, гдѣ были прежнія удѣльные княжества, и гдѣ находились родовыя вотчины княжатъ, потомковъ удѣльныхъ князей. По словамъ лѣтописи, «вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ оп-

ричинѣ, велѣлъ царь изъ тѣхъ городовъ вывести и подавать земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городахъ», большей частью въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ у бояръ-княжатъ не было никакой связи съ населеніемъ, и гдѣ они не имѣли никакого вліянія, потому что не родились тамъ и не выросли и были для населенія чужими. На новыхъ земляхъ бояре не пользовались ни прежними привилегіями, ни прежней властью надъ населеніемъ. Въ своихъ новыхъ помѣстьяхъ они уже не были «государями» и обращались въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Въ отобранныхъ у княжатъ вотчинахъ уничтожались всѣ старинные удѣльные порядки и обычаи и замѣнялись новыми московскими. Все служилое населеніе подчинялось непосредственно московскому правительству, и передъ лицомъ государя всѣ становились равны. Съ разгромомъ боярскаго привилегированнаго землевладѣнія упало политическое значеніе родовитаго боярства, и бояре не могли съ этимъ примириться.

2. Государевы служилые люди. Дворяне. Дѣти боярскіе. Московскіе дворяне. Дворяне городовые. Приборные служилые люди. Служилое землевладѣніе. Сельскохозяйственный кризисъ.

Когда Московское государство объединило подъ своей властью всѣ окружавшія его удѣльныя княжества, оно оказалось съ трехъ сторонъ окруженнымъ врагами. Съ запада грозили шведы, ливонскіе нѣмцы и Польско-Литовское королевство; съ юга и востока татары. Татарскія царства Казанское и Астраханское были завоеваны Іоанномъ Грознымъ, но набѣги крымскихъ и ногайскихъ татаръ не прекращались и не давали Москвѣ покою. Съ конца XV и до конца XVI вѣка, въ теченіи столѣтія, было три войны съ Швеціей да 7 съ Польско-Литовскимъ королевствомъ; въ общей сложности войны эти продолжались 50 лѣтъ, и это только на западной границѣ, а на юговосточной своимъ чередомъ шла непрерывная война съ татарами. Для защиты страны и борьбы съ сосѣдями приходилось увеличивать боевыя силы государства и позаботиться объ ихъ устройствѣ. Со времени Іоанна III установилось, что всякій, кто владѣетъ землей, долженъ такъ или иначе отбывать военную службу. Всѣ слуги московскаго государя, владѣвшіе вотчинами, и знатные и незнатные, превратились тогда въ служилыхъ военныхъ людей. Стремясь увеличить для военныхъ надобностей количество служилыхъ людей сверхъ своихъ старинныхъ слугъ бояръ, которыхъ не хватало, правительство подбирало подходящихъ лицъ во всѣхъ классахъ общества и сажало

ихъ на *помѣстья*, обязывая военной службой. Эти помѣщики назывались *дворянами*. Среди дворянъ не мало было сыновей боярскихъ изъ захудалыхъ или незнатныхъ родовъ. Эти боярскіе сынки составили низшій слой дворянства, извѣстный подъ именемъ «дѣтей боярскихъ». Въ 1550 году Іоаннъ Грозный приказалъ набрать по уѣздамъ тысячу лучшихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и надѣлить ихъ помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ. Эти избранные дворяне и дѣти боярскіе составили особый отборный корпусъ «*дворянъ московскихъ*». Въ эту отборную тысячу вошли всѣ знатные родовитые люди и богатые хорошаго рода дѣти боярскіе со всѣхъ угловъ тогдашней Россіи. Въ половинѣ XVI вѣка въ виду того, что «вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли», т. е. служатъ плохо, служилые люди получили опредѣленное устройство и были поделены на, «чины». Московскіе дворяне раздѣлились на 1) стольниковъ, 2) стряпчихъ, 3) дворянъ московскихъ и 4) жильцовъ.

Прежнихъ своихъ вотчинъ въ уѣздахъ дворяне московскіе не потеряли и, какъ мѣстные землевладѣльцы, хорошо знали мѣстныя нужды своихъ уѣздовъ.

Уѣздное дворянство приписано было къ городамъ и называлось по городамъ: дворяне нижегородскіе, дворяне владимірцы. Дворянство каждаго города дѣлилось на *статѣи*: большую, среднюю и меньшую. Раздѣленіе это основывалось на достаткѣ, заслугахъ и служебной годности отдѣльных помѣщиковъ. Начиналъ свою службу служилый человѣкъ съ 15 лѣтъ. До этого времени онъ числился въ «недоросляхъ», «поспѣвалъ на службу». Съ 15 лѣтъ онъ *новикъ* и можетъ получить помѣстье. Служилые люди состояли въ вѣдѣніи *Разряднаго приказа*, военного министерства тѣхъ временъ. Въ *Помѣстномъ приказѣ* вѣдались «всего государства земли, и что кому дано помѣстья и вотчинъ». Размѣры помѣстныхъ окладовъ были неодинаковы, и зависѣли отъ чина. Бояре, окольничіе и думные дворяне получали очень большія помѣстья, отъ 1200 до 3000 десятинъ. Средніе чины, — стольники и дворяне московскіе, — отъ 800 до 1500 десятинъ. Дворяне провинціальныя надѣлялись помѣстьями не свыше 800 десятинъ. Со временемъ помѣстья стали переходить по смерти отца къ сыну вмѣстѣ съ обязанностями службы, и постепенно исчезла разница между помѣстьемъ и вотчиной, т. е. наслѣдственнымъ имѣніемъ; помѣщики обратились въ служилыхъ людей наслѣдственныхъ, «по отечеству». Надо сказать, что кромѣ служилыхъ людей «по отечеству» были еще служилые чины по «прибору». Такъ называ-

лись ратные люди, которые вербовались, «прибирались», правительствомъ изъ охочихъ людей или изъ вольныхъ гулящихъ людей. Это были стрѣльцы, — (постоянная пѣхота, устроенная въ концѣ XVI вѣка), пушкари, полевые артиллеристы, пограничные казаки. Они помѣстій не получали, ихъ селили въ слободахъ.

Помѣщики обязаны были по зову царя являться «конны, людны и оружны», т. е. быть на конѣ и приводить съ собой конныхъ воиновъ, хорошо вооруженныхъ, съ каждаго 150 десятинъ пахотной земли по одному.

Уѣздное дворянство каждаго города составляло уѣздныя дворянскія общества. Когда надо было «разобрать» дворянъ и дѣтей боярскихъ извѣстнаго города, т. е. сдѣлать имъ смотръ, поверстать ихъ помѣстными окладами, или раздать имъ денежное жалованье, городовые дворяне съѣзжались въ свой уѣздный городъ и выбирали «окладчиковъ», которые крестъ цѣловали, чтобы имъ про своихъ товарищей сказывать лицамъ, производившимъ разборъ, правду, у кого какія помѣстья и вотчины, кто къ какой службѣ годенъ, и кто какъ служить. Уѣздное дворянство принимало также широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Дворяне и дѣти боярскіе выбирали всѣмъ городомъ городовыхъ прикащиковъ по одному или по два на уѣздъ. Городовой прикащикъ смотрѣлъ за городскими укрѣпленіями, распредѣлялъ подати и повинности, падавшія на землевладѣльцевъ, слѣдилъ за ихъ сборами и отбываніемъ, заботился о заготовленіи военныхъ припасовъ, велъ мѣстныя дворянскія дѣла, былъ какъ бы уѣздный предводитель дворянства.

Правительство старалось испомѣстить служилыхъ людей поближе къ границамъ, которыя приходилось охранять, и поближе къ возможному театру военныхъ дѣйствій. Сѣверная часть государства, такъ называемое Поморье, находилась далеко отъ всѣхъ враговъ Московіи: — и отъ Польско-Литовскаго королевства, и отъ Ливонскихъ нѣмцевъ, и отъ татаръ; не было никакой необходимости селить здѣсь помѣщиковъ, и земли раздавались преимущественно въ южной и западной частяхъ государства, близкихъ къ опаснымъ границамъ. Въ теченіи XVI вѣка число «государевыхъ служилыхъ людей» увеличивалось съ чрезвычайной быстротой, и скоро всѣ свободныя земли, какъ дворцовыя т. е. собственныя государевы, такъ и черныя т. е. государственныя, казенныя, въ южной половинѣ государства были розданы; чувствовался уже недостатокъ въ землѣ. Стали часты случаи, когда дѣйствительная «дача» земли была меньше положен-

наго *оклада*, и служилымъ людямъ предоставлялось самимъ подыскать количество земли, которое не «дошло» въ ихъ *окладъ*. Во второй половинѣ XVI вѣка для служилыхъ землевладѣльцевъ настала тяжкая пора. Войны были часты, границы нуждались въ усиленной охранѣ, и военная служба поглощала много времени и требовала большихъ расходовъ, а хозяйство служилыхъ помѣщиковъ пришло въ упадокъ отъ недостатка рабочихъ рукъ. Въ XVI вѣкѣ не только прекратился приливъ населенія съ юга и съ юго-запада въ срединныя области государства, но становится замѣтнымъ отливъ въ обратномъ направленіи.

Послѣ покоренія Казани и Астрахани, населеніе начало спускаться внизъ по Волгѣ на юго-востокъ и прямо на югъ по Дону на новыя черноземныя земли. Желая закрѣпить за собой новыя области, заселивъ ихъ русскими людьми, правительство сперва усиленно поощряло переселенія, давая льготы «приходцамъ». Подъ конецъ царствованія Грознаго уменьшеніе населенія въ срединныхъ областяхъ приняло столь грозныя размѣры, что возбудило тревогу какъ въ правительствѣ такъ и въ землевладѣльской средѣ. Рабочее населеніе уплывало изъ старинныхъ московскихъ областей на окраины. Въ центрѣ, на обширныхъ пространствахъ, то и дѣло встрѣчались безлюдныя села и деревни, жители которыхъ ушли кто куда. Были большія пространства «порозжихъ земель», которыя отмѣчались въ писцовыхъ книгахъ: «лежать въ пустѣ и не владѣеть ими никто», или «земля въ пустошь изнурилась», «въ запустѣніе пришла».

Всѣ заботы служилаго класса были направлены на то, чтобы спасти отъ крушенія свое хозяйство и добыть «пашенныхъ» людей, крестьянъ. Развитіе служилаго землевладѣнія весьма неблагопріятно отразилось на положеніи крестьянъ.

Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они.
Крестьяне не рабы.

Ал. Толстой. Царь Борисъ Годуновъ.

3. Крестьяне въ Московскомъ государствѣ. Вольные хлѣбопашцы. Государево тягло. Сельскія общины. Старожилы. Положеніе крестьянъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Порядныя записи. Ссуда. Пожилое. Бѣглые крестьяне. Вывозъ крестьянъ. Холопство. Холопы кабальные. Борьба за крестьянъ.

Въ XVI вѣкѣ крестьянинъ былъ вольный хлѣбопашецъ, который становился крестьяниномъ съ той поры, какъ наставлялъ соху и принимался за пашню, и переставалъ быть имъ, какъ скоро бросалъ.

заниматься земледѣлемъ. На всемъ пространствѣ государства не было крестьянъ собственниковъ, сидѣвшихъ на своей землѣ. Крестьянинъ былъ безземельный хлѣбопашецъ, который обрабатывалъ чужую землю — государственную, церковную или помѣщичью. Какъ служилые люди обязаны были отбывать для государства военную службу, такъ обязанностью крестьянъ было платить подати на государственныя потребности или, какъ тогда говорили, «тянуть государево тягло». Поэтому крестьянъ называли «тяглецами». Подати брались съ обработанной земли и распредѣлялись въ зависимости отъ количества пашни; земли, съ которыхъ брались подати, назывались «тяглыми». Для уплаты податей и отбыванія государственныхъ повинностей крестьяне соединялись въ административные округа — волости и станы, которыми управляли намѣстники и волостели, назначенные правительствомъ.

Станы и волости имѣли и свое мірское устройство, составляя сельскія тяглыя общества, крестьянскіе міры, связанные круговой порукой по уплатѣ податей. Сельскія общества черезъ посредство избранныхъ лицъ вѣдали свои мірскія дѣла по разверсткѣ податей и повинностей и по земельному хозяйству волости. Каждую волость правительство облагало опредѣленной суммой податей въ зависимости отъ количества «пашни паханой». Общество само распредѣляло назначенную сумму по отдѣльнымъ тягловымъ дворамъ. Крестьяне были люди свободные и часто покидали свои участки, выходя изъ общества. Платить за выбылыхъ до новой переписи приходилось обществу, поэтому крестьянскія общества были заинтересованы въ томъ, чтобы удержать своихъ плательщиковъ на мѣстѣ; такъ какъ уходъ ихъ накладывалъ тяжелое бремя на остающихся. Правительство съ своей стороны было заинтересовано въ податной исправности волостей, а разбродъ тяглыхъ людей велъ къ недоимкамъ и къ обремененію и разоренію оставшихся. Въ концѣ XVI вѣка установился обычай, имѣвшій силу закона, что коренное населеніе тяглыхъ черныхъ волостей, такъ называемые «старожилцы», застарѣвшіе на своихъ тяглыхъ жеребьяхъ и записанные въ *писцовыя книги* *), не могли покидать свои участки самовольно, безъ разрѣшенія

*) Отъ времени до времени правительство производило *опись* тяглыхъ недвижимыхъ имуществъ. Опись или писцовая книга описываетъ городъ и его уѣздъ, ихъ населеніе, земли, торгово-промышленныя заведенія и лежація на нихъ повинности. Писцовая книга пересчитываетъ въ каждомъ поселеніи тяглыя дворы и людей въ нихъ и высчитываетъ размѣръ тягла, падающій на селеніе по землѣ и промысламъ его.

сельскаго общества, или должны были поставить замѣстителя. Если же они уходили самовольно, то ихъ возвращали на старыя мѣста. Такъ государственные крестьяне лишились права свободнаго передвиженія и были прикрѣплены къ землѣ. Но это прикрѣпленіе не было крѣпостнымъ правомъ, это была лишь полицейская мѣра, которая вызывалась круговой порукой и стремленіемъ правительства усадить непосѣдливыхъ крестьянъ на мѣстѣ, чтобы обезпечить правильное поступленіе податей. Крѣпостное право зародилось на частно-владѣльческихъ земляхъ въ связи съ развитіемъ помѣстной системы.

Крестьяне, которые сидѣли на государственныхъ черныхъ земляхъ, такъ называемые «черносошныя», могли распоряжаться своей землей по всей своей волѣ—передавать ее по наслѣдству, закладывать, продавать. «Земля великаго государя, а нашего владѣнія», говорили они. «Земля Божья да государева, а ржи и роспаша наши». Съ переходомъ дворцовыхъ и казенныхъ земель въ руки служилаго класса въ южной половинѣ государства почти все крестьянское населеніе очутилось на частно-владѣльческихъ земляхъ. На чужой землѣ крестьяне лишались своей самостоятельности и независимости. Тяглыя общины сохранились только въ крупныхъ помѣстьяхъ, въ томъ случаѣ, если тяглая волость, дворцовая или черная, цѣликомъ переходила въ руки одного помѣщика. Если же черная или дворцовая волость шла въ раздачу мелкими участками, то крестьянскіе міры разрушались: не крестьяне, а помѣщикъ «тянулъ во всякія государевы подати»; обязанности волостныхъ выборныхъ властей переходили къ помѣщику, и крестьяне попадали отъ него въ зависимость.

Съ развитіемъ служилаго землевладѣнія на крестьянъ легла новая обязанность—своимъ трудомъ содержать служилыхъ людей. Помѣщикъ, получая помѣстье, получалъ право облагать крестьянъ податями и повинностями въ свою пользу. Крестьянинъ обыкновенно заключалъ съ помѣщикомъ арендный договоръ, который назывался «порядной грамотой» или «порядной записью». Обязанности крестьянъ въ этихъ записяхъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «и вы бы всѣ крестьяне, которые въ томъ селѣ или въ тѣхъ деревняхъ живутъ, помѣщика своего слушали, пашню на него пахали и оброкъ ему помѣщику хлѣбный и денежный платили». Иногда прибавлялось: «чѣмъ онъ васъ изоброчитъ» или «по старинѣ». Слѣдовательно обязанности состояли въ оброкахъ хлѣбныхъ и денежныхъ и въ разныхъ поборахъ въ пользу землевладѣльца. Каждый землевладѣлецъ имѣлъ въ своей вотчинѣ разныя фискальныя права, которымъ подлежалъ вся-

кій, кто селился на его землѣ. Сюда принадлежали право суда съ сопряженными съ нимъ доходами, и право на сборъ разнообразныхъ пошлинъ. Повинности крестьянъ состояли въ обработкѣ помѣщичьей земли, въ разныхъ работахъ и извозахъ. Крестьяне постоянно жаловались на то, что прикащики берутъ оброкъ и пошлыны не по грамотамъ и «не по окладу» и требуютъ съ крестьянъ лишняго. Если взять въ расчетъ всю совокупность податей и повинностей, какъ владѣльческихъ, такъ и государственныхъ, и то безчисленное множество пошлинъ и поборовъ, которые взымались всякими властями, то положеніе земледѣльца было весьма печально. Надо ли удивляться, что деревни пустѣли, и крестьяне кочевали съ мѣста на мѣсто. Постоянно раздавались жалобы, что крестьяне покидаютъ свои участки не въ срокъ, не закончивъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Во вниманіе къ этимъ жалобамъ, правительство установило опредѣленный срокъ для крестьянскихъ переходовъ: недѣлю до осенняго юрьева дня и недѣлю послѣ. (26-го ноября).

Во второй половинѣ XVI вѣка большинство крестьянъ, оставаясь вольными людьми, и пользуясь по закону правомъ свободного передвиженія, фактически утратили возможность ухода отъ землевладѣльца по экономическимъ причинамъ. Рѣдкій крестьянинъ начиналъ хозяйство на свой собственный счетъ. Огромное большинство крестьянскихъ хозяйствъ создавалось съ помощью *ссуды* или *подмоги*. Многіе приходили рядиться къ владѣльцамъ безо всего, только «душою да тѣломъ, въ готовый дворъ ко всему крестьянскому заводу». Садясь на жилой участокъ въ готовый дворъ съ озимой рожью, посѣянной и покинутой предшественникомъ, крестьянинъ получалъ отъ землевладѣльца на веденіе хозяйства *ссуду* деньгами, скотомъ, орудіями, чаще всего хлѣбомъ на «сѣмена и ѣмена» (прокормъ до жатвы). Если крестьянинъ садился на пустой участокъ, то сверхъ *ссуды* ему давалась на извѣстное число лѣтъ, глядя по пустотѣ, льгота отъ казенныхъ податей или господскихъ платежей и повинностей. *Ссуда* носила названіе *серебра*. Проценты съ этого серебра оплачивалась работой крестьянина—*издѣльемъ*. Новаго приходца принимали осторожно «съ разборомъ», нерѣдко требовали, чтобы онъ представилъ поручителей изъ мѣстныхъ крестьянъ или постороннихъ людей, которые ручались бы за него, что онъ будетъ «жить во крестьянахъ, землю пахать и дворъ строить, новые хоромы ставить, а старые починивать, жить тихо и смиренно и никакимъ воровствомъ не воровать и не сбѣжить». Въ случаѣ неисполненія обязательствъ поручители

платили неустойку. Если крестьянинъ уходилъ отъ землевладѣльца, онъ долженъ былъ вернуть сеуду и уплатить *пожилое* за пользованіе дворомъ. Пожилое платилось крестьяниномъ не изъ года въ годъ, а за всѣ прожитые годы сразу при уходѣ, и составляло такимъ образомъ постоянно нарастающій долгъ. Чѣмъ дольше жилъ крестьянинъ, тѣмъ больше ему приходилось платить. Нерѣдко сумма платежа въ общей сложности достигала 300 рублей и болѣе. Гдѣ же крестьянину было взять такія деньги? Благодаря этому, во второй половинѣ XVI вѣка право перехода замираетъ само собой безъ всякой законодательной отмѣны его. Крестьяне рѣдко подолгу засиживались на одномъ мѣстѣ въ однихъ дворахъ, но они не уходили, а оставались у того же владѣльца, и только по соглашенію съ нимъ переходили на тяглые участки меньшаго размѣра, или садились на пустошь, на которой не лежало казеннаго тягла, или становились безпашенными бобылями и платили только оброкъ владѣльцу. Бобылемъ назывался непашенный безземельный человѣкъ, который вслѣдствіе бѣдности покинулъ земледѣліе, «отбылъ пашни», какъ тогда говорили, или по неимѣнію средствъ не могъ нигдѣ пристроиться на пашню, порядиться во крестьяне. Бобыли платятъ только оброкъ и не несутъ тягла. Превращеніе крестьянъ въ бобылей происходило какъ вслѣдствіе общихъ экономическихъ условій, переживаемыхъ сельскимъ населеніемъ въ теченіи XVI вѣка,—неурожаевъ, повальныхъ болѣзней и проч.—такъ и вслѣдствіе личныхъ невзгодъ, обрушившихся на крестьянина. Иныхъ бобылей такъ и называли «невзгодниками».

Нерѣдко случалось, что не желая оставаться у землевладѣльца и не имѣя средствъ съ нимъ расплатиться, крестьяне уходили безъ расплаты. По жалобамъ помѣщиковъ правительство издавна принимало мѣры противъ «бѣглыхъ» крестьянъ. Ихъ возвращали на старыя мѣста доживать до срока. Многіе крестьяне, не имѣя средствъ расплатиться со своимъ землевладѣльцемъ и не желая *бѣжать* безъ расплаты, входили въ соглашеніе съ другимъ землевладѣльцемъ, который выкупалъ ихъ, т. е. уплачивалъ ихъ долги и свозилъ на свою землю. Во второй половинѣ XVI вѣка большинство крестьянъ уже *не переходило*, а *перевозилось*. Свободный *выходъ* крестьянъ обратился въ *вывозъ* ихъ помѣщиками. Правительство приняло мѣры, чтобы упорядочить *вывозъ*. Закономъ запрещено было вывозить крестьянъ «сильно не по сроку», «безъ отказа и безпошлинно». Отказъ состоялъ въ томъ, что откащикъ, по соглашенію съ чужимъ крестьяниномъ, заявлялъ его владѣльцу въ ноябрѣ около Юрьева дня о

своемъ желаніи свезти его къ себѣ и просилъ помѣщика принять у него «выходъ», т. е. узаконенныя пошлины за того крестьянина, а также ссуду, взятую крестьяниномъ у прежняго владѣльца. Владѣлецъ не имѣлъ права не принять правильно сдѣланнаго отказа. Землевладѣльцы однако неохотно отпускали крестьянина изъ своихъ владѣній, такъ какъ съ уходомъ его лишались работника. Во второй половинѣ XVI вѣка помѣщики нерѣдко не принимали отказовъ, считая подмогу и ссуду долгомъ и приравнивая крестьянина къ *кабальному холопу*.

Холопомъ на Руси назывался несвободный человѣкъ, рабъ, который какъ вещь, принадлежалъ, другому человѣку и не имѣлъ ни личныхъ, ни гражданскихъ правъ. Холопство изстари существовало на Руси. Древній русскій законъ «Русская Правда» знаетъ два источника холопства: продажу въ холопство и вступленіе въ личное услуженіе безъ договора, обезпечивающаго свободу слуги, «безъ ряду». Хозяинъ холопа назывался его «государемъ». Дѣти холопа оставались холопами. До конца XV вѣка были только полные холопы. Съ XVI вѣка появляются холопы неполные — кабальные. Холопъ кабальный — это должникъ, который уплачиваетъ проценты, ростъ, съ занятыхъ денегъ личной обязательной работой. Заемное письмо называлось въ древней Руси *кабалой*, отсюда и произошло названіе *кабальный*. Документъ, которымъ утверждалось кабальное холопство, назывался *кабалой за ростъ служить* или *служилой кабалой*. До конца XVI вѣка кабальные холопы, уплативъ долгъ, дѣлались свободными людьми, выходили на волю. Въ 1597 году изданъ указъ, который установилъ, что законную силу имѣютъ только служилыя кабалы, записанныя въ кабальныя книги холопьяго приказа; указъ предписалъ кабальнымъ людямъ съ женами и дѣтьми, оставаться въ холопствѣ до смерти своихъ господъ; если кабальные будутъ предлагать выкупъ, господа могутъ денегъ отъ нихъ не принимать, а челобитья о томъ холоповъ суду не слушать.

Во второй половинѣ XVI вѣка то и дѣло слышались жалобы отказниковъ на то, что помѣщики не выпускаютъ отказанныхъ крестьянъ, куютъ ихъ въ желѣза, или, согласившись на вывозъ, грабятъ «животы» вывозимыхъ крестьянъ, насчитывая на нихъ слишкомъ много пожилого. Значить землевладѣльцы притязаніе на самую личность крестьянина. Къ концу XVI вѣка среди споровъ, дракъ и насилій, ежегодно повторявшихся въ ноябрѣ, восторжествовалъ тотъ взглядъ, что *владѣльческіе крестьянъ нельзя вывозить*.

Безъ согласія ихъ владѣльца. Это было началомъ крѣпостного права. Отъ вывоза крестьянъ сильно терпѣли мелкіе малопомѣстные служилые люди. Крупные землевладѣльцы выпрашивали у государя на свои пустыя вотчины «льготу» т. е. освобожденіе земли отъ податей, съ тѣмъ, чтобы имъ «въ тѣ льготные годы въ той своей вотчинѣ на пустѣ дворы поставити, и крестьянъ назвати, и пашни распахати». Правительство охотно давало такую льготу и кромѣ того разрѣшало «называть» крестьянъ на пустыя земли, требуя только «чтобы съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ крестьянъ не называть». Получивъ такую льготу, помѣщики не считались съ запретомъ, безъ разбору набирали крестьянъ, гдѣ только могли и какихъ могли, и тяглыхъ и нетяглыхъ. Крестьяне отъ мелкихъ помѣщиковъ охотно переходили къ крупнымъ, потому что за хребтомъ вліятельнаго богатаго человѣка и на льготной землѣ было жить спокойнѣе и выгоднѣе, чѣмъ у мелко-помѣстнаго. Отъ «пустоты» гибло хозяйство мелкаго служилаго человѣка, онъ разорялся, ему «впередъ служить было нечѣмъ», и онъ бросалъ свой участокъ и шелъ бродить «межъ дворъ», ища пріюта у богатаго сосѣда. Борьба за крестьянъ порождала вражду и ненависть между мелкими и крупными землевладѣльцами, а потеря земель и свободы ожесточала крестьянъ. Въ поискахъ земли и воли крестьяне бѣжали на низовья Волги, и на тихій Донъ, и на южную Украину.

4. Города. Посадскіе люди. Гости. Гостинная и суконная сотни. Торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ. Земскіе старосты. Города Поморскіе и Замосковные. Города пограничныя: Южная Украина. Дикое поле. Оборона южной Украины. Границы. Города польскіе. Казачество.

Обязанность тянуть государево тягло раздѣляло съ крестьянствомъ городское населеніе, которое занималось торговлей и промыслами. Древнерусскій городъ состоялъ изъ крѣпости, *кремля*, расположеннаго въ центрѣ и окруженнаго стѣнами и рвомъ, и *посада*, мѣстности за стѣнами города, гдѣ собственно и селились городскіе жители, почему ихъ и называли «посадскими людьми».

По своей состоятельности посадское населеніе Московскаго государства раздѣлялось на особые разряды *лучшихъ*, *среднихъ*, и *молодшихъ* людей, которые различались размѣрами того тягла, какое они несли государству, и тяжестью службы или казенныхъ порученій, какія государство на нихъ возлагало. Въ столицѣ государства Москвѣ посадское населеніе имѣло совсѣмъ особое устройство: оно дѣ-

лилось на слѣдующіе разряды: 1) гости, 2) гостинная сотня, 3) суконная сотня, 4) торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ. «Гости»—это были большіе капиталисты, оптовые торговцы, торговавшіе на капиталъ отъ 300.000 р. нынѣшнихъ до 2-хъ милліоновъ и выше; на гостей правительство возлагало обязанность, подъ отвѣтственностью капиталомъ и за крестнымъ пѣлованіемъ, собирать большой таможенный сборъ въ большихъ и отдаленныхъ городахъ въ родѣ Астрахани, Архангельска, Вологды. Гостямъ поручалась распродажа казенныхъ мѣховъ т. е. той дани мѣхами, какую платили русской казнѣ сѣверные и сибирскіе инородцы. Гости пользовались большими правами по сравненію съ другими посадскими людьми: они могли покупать землю и получать помѣстья. Гостинная и суконная сотни отличались отъ гостей и одна отъ другой только размѣрами капитала. Сотнями назывались они не потому, что въ каждомъ разрядѣ было по 100 человѣкъ, а просто «по старинѣ», когда весь городъ дѣлился на сотни. „Торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ“ были мелкіе торговцы и ремесленники Москвы. Каждая черная сотня составляла особое общество со своими выборными старостами и десятскими во главѣ. Черныя слободы отличались отъ черныхъ сотенъ тѣмъ, что были населены ремесленниками, обязанными работать на дворецъ или служить по дворцовому хозяйству. Для удобства и вѣрности сборъ казенныхъ доходовъ былъ порученъ выборнымъ изъ среды горожанъ за отвѣтственностью и порукой ихъ избирателей. Избранными мѣстными людьми власти доставляли сборы со своихъ городовъ тѣмъ изъ московскихъ гостей, которые были назначены правительствомъ. Такимъ образомъ полнота казенныхъ сборовъ обезпечивалась еще капиталами главного сборщика-гостя.

На сѣверѣ, гдѣ не было служилаго землевладѣнія, городъ съ уѣздомъ составлялъ одну податную общину. Первымъ лицомъ въ городѣ былъ *земскій городовой или уѣздный староста*, котораго уѣздные сельскіе обыватели-крестьяне и городскіе жители, посадскіе, выбирали на сходѣ изъ своей среды. Какъ только выберутъ въ посадѣ земскаго старосту, подъячій пишетъ записъ, а всѣ избиратели подписываютъ ее. Въ записи говорилось: «всѣ посадскіе люди такого-то города выбрали и излюбили на мірскую службу въ старосты такого то. Вѣдать ему въ мірѣ всякія дѣла и объ нихъ радѣть, а намъ, мірскимъ людямъ, его слушать; а не станемъ слушать, и ему насъ вольно къ мірскому дѣлу нудить». Кромѣ земскаго старосты въ большихъ городахъ выбирались нѣсколько *старостъ* ему въ по-

мощники. При земскомъ старостѣ всегда устраивался совѣтъ изъ выборныхъ посадскихъ людей и крестьянъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старостъ съ совѣтомъ въ *земской избѣ* была раскладка податей, выборъ сборщиковъ податей и окладчиковъ и выборъ цѣловальниковъ т.-е. людей, которымъ подъ присягу поручалось отбывать какое нибудь казенное дѣло въ городѣ, напримѣръ собирать таможенные сборы. Староста съ совѣтомъ вели все городское хозяйство и толковали обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, доводя объ нихъ до свѣдѣнія мѣстнаго начальства или правительства.

Земскій староста былъ представителемъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, и онъ всегда „бьетъ челомъ во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто“.

На сѣверѣ въ такъ называемомъ Поморьѣ и въ старинныхъ областяхъ московскихъ, которыя назывались „Замосковными городами“ и лежали на сѣверѣ отъ Москвы, города были торговопромышленными центрами и находились въ тѣсной связи съ уѣздомъ. Городъ служилъ рынкомъ для своего уѣзда, гдѣ сельскій житель могъ продать свои продукты и купить, что ему было нужно. Въ Поморскихъ городахъ городское населеніе почти сплошь состояло изъ тяглыхъ посадскихъ людей. Стрѣльцы городского гарнизона «прибирались» изъ тяглыхъ людей, продолжали заниматься торговлей и промыслами и уплачивали свою долю городскихъ повинностей. Въ Замосковныхъ городахъ населеніе не было такъ однородно. Тамъ посадъ былъ окруженъ дворцовыми, боярскими или монастырскими слободами. Слобожане, занимаясь городскими промыслами и торгомъ, не несли общего тягла, а платили оброкъ или государю или владѣльцу слободы. Кромѣ слобожанъ вмѣстѣ съ посадскими людьми въ городахъ жили помимо гарнизона и служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе того уѣзда, въ которомъ находился городъ. Служилые люди являлись лично въ городъ только по дѣламъ службы и въ «осадное время», для обороны города, и жили тогда на своихъ «осадныхъ дворахъ», которые устраивались для осады и на пріѣздъ хозяевъ или въ самомъ городѣ, или на посадѣ. Въ обыкновенное время осадные дворы стояли пусты, и за ихъ цѣлостью и исправностью наблюдали *дворники*—лица, уполномоченныя дворохозяевами. Эти дворники находились въ зависимости отъ своихъ хозяевъ, въ городѣ жили временно и оставались для города людьми чужими, пришлыми. Живя въ городѣ, они занимались городскими промыслами и торгомъ, но часто не участво-

вали въ общемъ тягѣ. Въ городахъ на Окѣ и верхней Волгѣ къ концу XVI вѣка служилое населеніе завладѣло и посадомъ и городомъ, а посадскіе люди разошлись кто куда.

Въ пограничныхъ областяхъ государства многіе большіе торговые города служили также военными центрами и укрѣпленіями. Таковъ былъ напр. Смоленскъ. А иные пограничные города были исключительно крѣпостями. Южныя области, лежащія къ югу отъ Оки и Угры, представляли изъ себя настоящей военный округъ. Сюда входили такъ называемые. 1) *Заокскіе города* съ Калугой во главѣ, которые лежали на югъ отъ Москвы за Окой; 2) Украинные города, расположенные по рѣкѣ Окѣ и ея притоку Уплѣ, и имѣющіе своимъ центромъ Тулу; 3) Старинная Рязанская область и область Сѣверская или «Сѣвера», расположенная по рѣкамъ Деснѣ и Сейму, которая только въ началѣ XVI вѣка перешла къ Москвѣ отъ Литвы. На югъ отъ этихъ Украинныхъ областей простиралось «Дикое поле», необозримыя нигдѣ незанятые степи, которымъ конца краю не видать было. Въ XVI вѣкѣ не было болѣе безпкойной и опасной границы какъ южная. Съ юга постоянно грозили набѣги крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Татары вторгались въ русскіе предѣлы, пустошили землю, жгли, грабили, убивали, забирали въ плѣнъ; они заходили иногда далеко въ глубь страны, добирались и до самой Москвы. Въ 1571 и въ 1572 году ханъ крымскій дважды нападалъ на Москву съ полчищами въ 120.000 человекъ. Московскіе люди жили подъ постояннымъ страхомъ неожиданныхъ нападеній этого степного хищника. Естественно, что всѣ заботы правительства въ этомъ краю были направлены на оборону. На границахъ строились крѣпости, въ которыхъ держали постоянный гарнизонъ, и было приготовлено мѣсто для окрестнаго населенія, чтобы было куда укрыться отъ татаръ. За линіей крѣпостей устраивались сторожевые посты, «сторожи» — какъ ихъ называли, которые должны были стеречь врага и предупреждать объ его появленіи. Въ степь высылались развѣдочные отряды.

Татары двигались обыкновенно по опредѣленнымъ дорогамъ, и переходили рѣки на бродахъ, «перелазахъ». Всѣ дороги и удобные пути къ бродамъ преграждались валами и засѣками, чтобы не пропустить врага вглубь страны.

Укрѣпленная пограничная линія, «черта», постепенно шагъ за шагомъ передвигалась все далѣе къ югу, и къ концу XVI вѣка Московскимъ государствомъ занято было громадное пространство дикаго

поля; эта занятая мѣстность извѣстна была подъ именемъ «городовъ польскихъ». На всемъ этомъ пространствѣ, переходя далеко за «черту», осѣдаетъ на новыхъ земляхъ мирное земледѣльческое население, выходцы изъ центральныхъ областей. На южную Украину стекались всѣ недовольные московскими порядками, всѣ обездоленные и обиженные: и раззорившіеся провинціальныя служилые помѣщики, покинувшіе свои запустѣвшіе участки; и тяглые посадскіе люди, вытѣсненные изъ своего посада служилыми людьми; и бѣглые крестьяне, покинувшіе господскую пашню безъ расплаты съ землевладѣльцемъ; и бѣглые господскіе *холопы*.

Подвигаясь со своими укрѣпленіями къ югу, правительство постепенно накладываетъ свою тяжелую руку на этихъ займщиковъ земли, привлекая ихъ къ военной службѣ, и обращая ихъ свободныя займки въ служилыя помѣстья. Для пополненія крѣпостныхъ гарнизоновъ и сторожевыхъ отрядовъ, правительство «прибираетъ» ратниковъ среди свободныхъ гулящихъ людей, которые сбѣжали на поле «на ново» и еще не успѣли обзавестись своей пашней и своимъ хозяйствомъ. Этихъ «приборныхъ» людей селили въ слободахъ около крѣпостей и надѣляли пашней въ общей мѣжѣ.

Кромѣ военной службы «приборные люди» обязаны были работать по наряду на «государевой десятинной пашнѣ». Хлѣбъ съ этой пашни собирался въ казенныя житницы и расходывался на разныя казенныя надобности, напримѣръ посылался въ новыя крѣпости, гарнизонъ которыхъ еще не обзавелся своей пашней. Эта повинность была чрезвычайно обременительна для приборныхъ людей, потому что размѣры казенной пашни были чрезвычайно велики. Такимъ образомъ выходцы изъ срединныхъ областей попадали въ худшія условія, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ они бѣжали «не мога терпѣти» съ родины. Военная служба на окраинахъ была опаснѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ центрѣ, а государева пашня требовала труда и времени больше, чѣмъ помѣщичья. Покинувъ родину въ погонѣ за землей и волей, весь этотъ мелкій служилый и приборный людъ попадалъ изъ огня да въ полымя, и понятно не могъ быть доволенъ своей судьбой.

Далеко не всѣ бѣглецы изъ центра садились на землю или поступали на царскую службу. Многихъ ничуть не привлекалъ земледѣльческій трудъ, связанный съ тяжелыми обязанностями, не привлекала и военная служба съ работой на десятинной пашнѣ, и они предпочитали, бродяжничать, нищенствовать и разбойничать. Сѣверская область была

переполнена бродячей бездомной голытьбой. Грабежи и разбои составляли язву русской жизни. Болѣ смѣлые и энергичные люди уходили далеко за предѣлы Русскаго государства, на широкій Донъ съ его притоками да на нижнюю Волгу «погуляти» на вольномъ просторѣ южныхъ степей или «показаковати», т. е. позаняться разными промыслами: охотой, пчеловодствомъ, рыболовствомъ. Этихъ гулящихъ людей и добычниковъ звали татарскимъ словомъ «казаки». Казаки не жили въ одиночку, а соединялись въ военные дружины, и селились въ безопасныхъ мѣстахъ. Держась около рѣкъ и торговыхъ путей, казаки разбойничали, грабили торговые караваны, нападали на царскихъ и иностранныхъ пословъ. За такіе подвиги ихъ прозвали «воровскими казаками» или по просту «ворами». Казаки низовые дѣлали набѣги на татарскія и турецкія поселенія, жгли и разоряли ихъ и забирали басурмановъ въ плѣнъ, чтобы взять съ нихъ выкупъ. Они считали себя защитниками русской земли. Ряды казаковъ пополнялись главнымъ образомъ бѣглыми крестьянами и холопами. Уже въ половинѣ XIV вѣка казаковъ было очень много, и изъ пограничнаго города Путивля въ Москву доносили: „нынѣ, государь, казаковъ на полѣ много, и малороссійскихъ и твоихъ государевыхъ. Вышли государь на поле изо всѣхъ украинъ.“ На Дону и на Волгѣ основалось нѣсколько казачьихъ городковъ и станицъ, населенныхъ казаками, которые уже обжились въ степи и обзавелись домомъ и хозяйствомъ. Московское правительство не въ силахъ было подчинить своей власти все это вольное населеніе, вышедшее изъ центра, но оно старалось «прибратъ» казаковъ и по одиночкѣ и цѣлыми отрядами на военную службу въ крѣпостные гарнизоны или въ пограничную стражу. Казаки охотно шли на царскую службу и нерѣдко сами предлагали свои услуги. Они служили, пока хотѣли и всегда могли «сойти на поле». Товарищи не ставили имъ въ укоръ царскую службу, хотя служилымъ казакамъ частенько приходилось дѣйствовать противъ своей же братіи-казаковъ «воровскихъ».

Такъ къ концу XVI вѣка на южной Украинѣ и на необъятномъ пространствѣ между Дономъ и его притоками и Нижней Волгой скопилось населеніе недовольное и озлобленное и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлое, рѣшительное и вооруженное.

ГЛАВА II.

Борисъ Годуновъ.

1. Царь Федоръ Иоанновичъ. Борисъ Годуновъ—правитель государства. Его личность. Смерть Федора Иоанновича. Земскіе соборы въ XVI вѣкѣ. Ихъ составъ. Соборъ 1566 года. Соборъ 1598 года. Избраніе Бориса Годунова на царство.

За три года до смерти Іоаннъ Грозный въ припадкѣ безумнаго гнѣва ударомъ желѣзнаго посоха въ високъ убилъ своего старшаго сына царевича Іоанна, и этотъ несчастный ударъ сдѣлалъ наслѣдникомъ престола его второго сына Федора, совершенно неспособнаго къ управленію. Польскій посолъ, выдавшій царя, говоритъ: «молодой царь умъ имѣетъ скудный или, какъ я слышалъ отъ другихъ и замѣтилъ самъ, не имѣетъ никакого». Добрый, кроткій и набожный царь Федоръ, «избывая мірской суеты и докуки», помышлялъ только о небесномъ и больше всего любилъ посѣщать церковныя службы и трезвонить въ колокола. Государственныя дѣла сталъ вѣдать кружокъ ближнихъ бояръ, родственниковъ царя. Къ этому родственному кругу примыкали и князья Шуйскіе, по знатности рода занимавшіе первое мѣсто среди московскаго боярства. Наибольшей силой и вліяніемъ пользовался родной дядя царя, старикъ Никита Романовичъ Юрьевъ. Никита Романовичъ умеръ скоро послѣ воцаренія Федора, и власть захватилъ въ свои руки шурина царя, братъ царицы Ирины, Борисъ Федоровичъ Годуновъ. Царь учинилъ его надъ государствомъ своимъ во всякихъ дѣлахъ правителемъ, самъ предавшись «смиренію и на молитву». И Борисъ безраздѣльно правилъ землею «рукою великаго государя» и былъ «властодержавнымъ правителемъ всего Россійскаго царства». Борису воздавались царскія почести, онъ принималъ иностранныхъ пословъ въ своихъ палатахъ, и послы величали его «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ и пресвѣтлымъ Величествомъ». Своимъ возвышеніемъ Борисъ обязанъ былъ не только близкому родству съ царицей и умѣнью угодить царю и забрать его въ руки, но и своимъ выдающимся способностямъ и большому уму. Писатели XVII вѣка отзываются о немъ съ большою похвалою: «цвѣлъ онъ благолѣпіемъ, видомъ и умомъ всехъ людей превзошелъ; мужъ чудный и сладкорѣчивый, былъ онъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ». Современники находили въ немъ «великомудрый и многоразсудный разумъ» и признавали, что изъ царскихъ совѣтниковъ «никто не былъ ему подобенъ въ разсужденіи ума его». Отмѣчая достоинства Бори-

са, лѣтописецъ указываетъ и его недостатки: былъ онъ чловѣкъ весьма хитрый, двоедушный и неискренній. Лѣтописецъ зоветъ его «лиса лукавая» и «пронырѣ лукавый». Его считали на все способнымъ, и потому легко вѣрили обвиненіямъ, которыя на него сыпались, и клеветамъ, которыя про него распускались. Чрезмѣрная подозрительность заставляла Бориса прислушиваться къ голосамъ наушниковъ и доносчиковъ, слѣпо вѣрить имъ и жестоко расправляться съ оклеветанными людьми.

Борисъ проявилъ себя умѣлымъ и искуснымъ правителемъ. Власть попала въ его руки въ тяжелое время: надобно было успокоить страну, потрясенную жестокой политикой Грознаго съ его опричной, казнями и погромами, поднять матеріальное благосостояніе обнищавшаго населенія, помочь служилымъ людямъ возстановить хозяйство въ ихъ обезлюдѣвшихъ помѣстьяхъ. При кроткомъ Федорѣ подѣ рукой Годунова страна отдохнула отъ ужасовъ прошлаго царствованія, и русскіе писатели говорятъ: «Умилосердися Богъ Господь на люди своя, и возвеличи царя и люди, и повели ему державствовати тихо и безмятежно и дарова всяко изобиліе и нематежное на земли русской пребываніе. Начальницы же Московскаго государства, князи и бояре и воеводы, и все православное христіанство начаша отъ скорби бывшія утѣшиться и тихо и безмятежно жити». Прожившій 8 лѣтъ въ Москвѣ голландецъ Исаакъ Масса пишетъ: «состояніе всего Московскаго Государства улучшилось и народонаселеніе увеличивалось. Московія, совершенно опустошенная и разоренная вслѣдствіе страшной тираніи Іоанна, теперь, благодаря необыкновеннымъ способностямъ Годунова, снова начала оправляться и богатѣть».

Въ 1598 году царь Федоръ опасно захворалъ. Дѣтей у него не было, и съ его смертью угасала старая династія. «Кому царство и насъ сиротѣ и свою царицу приказываешь», спрашивали у умирающаго царя патріархъ и бояре, а царь отвѣчалъ: «во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ. Какъ ему угодно, такъ и будетъ». Въ самое крещеніе царь скончался, не назначивъ себѣ преемника. Москва присягнула царицѣ Иринѣ. Патріархъ и бояре били челомъ царицѣ, просили ее, чтобы сѣла она на царство, а править бы приказала Борису Годунову, какъ было при покойномъ государѣ. Но Ирина отъ царства отказалась, съѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь и постриглась въ монахини. вмѣстѣ съ сестрой поселился въ монастырь и Борисъ Годуновъ. Московское государство осталось безъ

царя. Во главѣ правленія сталъ патріархъ, который послѣ царя считался первымъ лицомъ, и Боярская Дума. Предстояло выбирать царя. Это было дѣло новое, необышное. Всѣ знали, что при Федорѣ 14 лѣтъ правилъ царствомъ Борисъ Годуновъ; своимъ мягкимъ правленіемъ онъ «всѣмъ любезенъ былъ», и въ Москвѣ говорили: «быть царемъ Борису Федоровичу». За Бориса стоялъ и патріархъ Іовъ, который возвысился благодаря Годунову. Патріархъ и бояре предложили Борису престолъ, но онъ отказался. Есть свѣдѣнія, что бояре хотѣли ограничить власть Годунова, хотѣли, чтобы онъ «государству крестъ цѣловалъ по предписанной грамотѣ». Въ первые годы опричнины бояре, бѣжавшіе въ чужіе края отъ опалы грознаго царя, упрекали знатное боярство: «видно Богъ у васъ за грѣхи умъ отнялъ, что съ такимъ терпѣніемъ отдаете себя въ жертву царской жестокости, не жалѣя женъ своихъ и дѣтей». Однако дѣйствія опричнины заставили бояръ взяться за умъ, подумать о себѣ и о своихъ семьяхъ, и они хотѣли формальнымъ договоромъ закрѣпить свои старинныя права соправителей царя и свое первенствующее положеніе въ государствѣ. Борисъ зналъ, чего хотятъ бояре, но молчалъ. Молчали и бояре. Отказываясь отъ престола, Борисъ потребовалъ, чтобы для выбора царя созванъ былъ *Земскій соборъ*. Онъ надѣялся, что соборъ выберетъ его безъ всякихъ условій.

Земскіе соборы повелись на Руси со временъ Іоанна Грознаго. Первый Соборъ царь созвалъ въ 1550 году послѣ Московскихъ пожаровъ, народнаго мятежа и татарскихъ набѣговъ. Царь былъ очень испуганъ и взволнованъ; онъ самъ такъ описываетъ свое душевное состояніе: «вниде страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, и смирился духъ мой и умилился и познахъ свои согрѣшенія». Царь рѣшилъ покончить съ боярскимъ правленіемъ, и самому приняться за государственныя дѣла и *для совѣта* созвалъ Земскій соборъ. До насъ не дошло никакихъ протоколовъ этого перваго Земскаго собора, и мы ничего не знаемъ объ его дѣятельности. Второй соборъ созвалъ царь Иванъ въ 1566 году. Шла война съ Польшей изъ за Ливоніи. Польскій король Стефанъ Баторій разбилъ русское войско и осадилъ Псковъ. Поляки предложили миръ, но на унизительныхъ условіяхъ: они требовали уступки нѣкоторыхъ русскихъ городовъ. Война продолжалась уже 8 лѣтъ, и вести ее становилось все труднѣе и труднѣе. Чтобы рѣшить, мириться или воевать, и былъ созванъ Земскій соборъ. Отъ этого собора сохранились и протоколы и акты, и мы можемъ судить какъ объ его составѣ, такъ и объ его работахъ. Во главѣ

собора стояли два высшихъ правительственныхъ учрежденія, Освященный соборъ, т. е. все высшее духовенство съ патриархомъ во главѣ, и Боярская Дума. Боярской Думѣ на соборѣ принадлежала руководящая роль, и думные бояре назначались «сидѣть съ выборными людьми», т. е. руководить засѣданіями собора. Больше половины членовъ собора (55%) составляли служилые люди, а именно столичные дворяне. Столичные дворяне въ походахъ обыкновенно назначались командирами, «головами», уѣздныхъ сотенъ, т. е. ротъ, которыя составлялись изъ служилыхъ людей того уѣзда, въ которомъ у назначеннаго командира было помѣстье или вотчина. На соборъ 1566 года и были призваны изъ столичныхъ дворянъ *головы*, командовавшіе отрядами, выступавшими противъ Польши. Они хорошо знали положеніе дѣлъ на театрѣ войны, и ихъ мнѣніе было очень цѣнно, почему ихъ и призвали. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы уѣздные сотни, т. е. уѣздное дворянство, находившееся въ походѣ по случаю войны, избрало призванныхъ лицъ своими представителями на соборъ, такъ что на соборѣ они являлись *представителями дворянскаго общества своего уѣзда не по избранію, а по должности*. Ихъ было 205 человекъ.

Кромѣ служилыхъ людей на соборъ было призвано столичное купечество—гости и купцы гостинной и суконной сотни, всего 75 человекъ. И эти торговые люди, какъ и служилые, не были избранными представителями отъ торговопромышленнаго класса. Но мы знаемъ уже, что они несли очень отвѣтственную службу государству по финансовому вѣдомству, и эта служба поддерживала ихъ связь съ мѣстными городскими обществами, изъ среды которыхъ они выходили, и дѣла которыхъ они прекрасно знали, тѣмъ болѣе что нерѣдко, получивъ чинъ московскаго гостя, продолжали жить и торговать въ своемъ родномъ городѣ. Эти купцы высшихъ статей, призванные на соборъ, считались представителями всего торговопромышленнаго класса по своему должностному положенію. Въ соборѣ принимали участіе и дьяки Московскихъ приказовъ въ числѣ 33 человекъ. Въ общей сложности на соборѣ присутствовало 374 члена. Созывая земскій соборъ, правительство хотѣло знать мнѣніе свѣдущихъ людей по особенно важному государственному дѣлу, рѣшеніе котораго не хотѣло брать на свою отвѣтственность. Кромѣ того участіе на соборѣ обязывало должностныхъ лицъ проводить на мѣстахъ принятыя рѣшенія. Въ заключенія своей дѣятельности Соборъ 1566 года составилъ приговоръ—«грамоту», и «на сей грамотѣ на своихъ рѣчахъ члены собора крестъ

цѣловали государю своему» другими словами обязывались подъ присягой исполнять соборный приговоръ.

Выборныхъ людей отъ населенія на соборъ 1566 года не было вовсе, такъ что по существу дѣла Соборъ этотъ представлялъ Совѣщаніе правительства съ должностными лицами. Но по понятіямъ того времени такое собраніе, хотя и не было на немъ выборныхъ уполномоченныхъ отъ народа, считалось *народнымъ представительнымъ собраніемъ*. Въ Москвѣ XVI вѣка считали, что извѣчныя, волей Божьей установленныя власти, — правительство и его слуги, и есть выразители воли народной, прирожденные представители населенія, волею Божьей поставленные. Эти должностныя лица были въ то же время и людьми высшихъ классовъ *земли*, почему соборъ и могъ называться *земскимъ*. Въ грамотахъ того времени говорится про участіе на соборахъ «всенароднаго множества», «всѣхъ православныхъ христіанъ всѣхъ городовъ Россійскаго государства, и всего многомиліоннаго народнаго христіанства отъ конецъ до конецъ всѣхъ государствъ Россійскаго царства». Голосъ земскаго собора считался голосомъ всей земли. Чего хочетъ соборъ, того хочетъ земля.

Когда Борисъ отказался отъ престола, патріархъ и бояре, для великаго всенароднаго дѣла — избранія царя созвали земскій соборъ (1598 г.). Этотъ соборъ по составу своему былъ однороденъ съ соборомъ 1566 года, съ той разницей, что было призвано не одно высшее купечество, но и сотскіе столичныхъ «черныхъ сотенъ», т. е. всего торговопромышленнаго класса Москвы. Никакого нарочитаго подбора членовъ изъ сторонниковъ Годунова съ цѣлью обезпечить его избраніе не было замѣтно.

Соборъ открылся въ Кремлѣ при торжественной обстановкѣ. Патріархъ Іовъ произнесъ рѣчь, которую закончилъ словами: «на Москвѣ мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Федоровича иного государя никого не искать и не хотѣть». — «Нашъ совѣтъ и желаніе одинаково съ твоими, отца нашего, всего Освященнаго собора, бояръ, дворянъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, что неотложно бить челомъ государю Борису Федоровичу и кромѣ его на царство никого не искать». Отвѣчали соборные люди громко и какъ бы одними устами. Такъ Борисъ земскимъ соборомъ единогласно избранъ былъ царемъ.

Патріархъ приказалъ три дня поститься и служить молебны, чтобы «Господь Богъ даровалъ православному христіанству по его прошенію государя царя Бориса Федоровича». На третій день патріархъ съ духовенствомъ, боярами и всенароднымъ множествомъ отправились въ

Новодѣвичій монастырь, со слезами били челомъ Борису и много молили. Но Годуновъ отъ престола отказался.

На слѣдующій день, по совѣту патріарха, пошли въ Новодѣвичій монастырь крестнымъ ходомъ. Послѣ обѣдни патріархъ съ духовенствомъ и боярами, съ крестомъ и образами вошли въ келью царицы; они били ей челомъ со слезами, долго, стоя на колѣняхъ; дворяне, гости и весь народъ, размѣстившись по всему монастырю и на монастырскомъ дворѣ, упали на землю и долго съ плачемъ и рыданіемъ вопили: «благочестивая царица, помилосердствуй о насъ, пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего Бориса Федоровича». Разсказывали, будто народъ неволей согнали пристава; нехотящихъ идти велѣно было бить, и «заповѣдь положена, если кто не пойдетъ, на томъ по два рубля править на день». Пристава понуждали людей, чтобы «съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили». Слезы, вопли и великое кричаніе тронули царицу, она сама заплакала и въ слезахъ сказала: «даю вамъ своего единокровнаго брата, да будетъ вамъ государемъ царемъ», а брату сказала: «противъ воли Божьей кто можетъ стоять; и ты бы безъ всякаго прекословія, повинуйся волѣ Божьей, былъ всему православному христіанству государемъ». — «Буди Святая воля твоя, Господи», отвѣтилъ Годуновъ.

Составлена была избирательная грамота, подъ которой имѣется до 500 подписей. И сталъ Годуновъ царемъ Московскаго государства и занялъ «превысочайшій царскій престолъ», отъ котораго такъ упорно отказывался. Черезъ недѣлю совершился торжественный вѣздъ избраннаго царя въ Москву, а въ день новаго года царь Борисъ вѣнчался на царство. Принимая благословеніе патріарха, царь громко сказалъ: «отче, великій патріархъ Іовъ, Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ государствѣ бѣднаго человѣка», и тряся воротъ рубашки своей, царь продолжалъ: «и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми».

Не смотря на единодушіе земскаго собора, выборъ Бориса въ цари произошелъ не безъ борьбы. По «отечеству» своему Борисъ, хотя и происходилъ изъ стариннаго московскаго боярскаго рода, шедшаго отъ выѣхавшаго изъ Золотой орды при Іоаннѣ Калитѣ татарскаго мурзы, но не принадлежалъ къ высшему слою Московскаго боярства — къ боярамъ-княжатамъ. Возвысились Годуновы только при Іоаннѣ Грозномъ со времени опричнины. Высшій слой боярства съ князьями Шуйскими во главѣ, по разсказу лѣтописца, «не хотяху Бориса на царство, узнаху его, что быти отъ него людямъ и себѣ гоненію». При Федорѣ «властодержавный правитель» Годуновъ по отношенію

къ родовитому боярству сохранилъ политику Іоанна Грознаго и продолжалъ отстранять отъ государственныхъ дѣлъ великородныхъ людей, возвышая безъ мѣры людей худородныхъ. Современники пишутъ, что Борисъ отстранилъ всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ и князей, замѣняя ихъ повсюду своей родней. Родовитая знать, разбитая опричниной Грознаго, не пользовалась вліяніемъ и значеніемъ при дворѣ Федора и послѣ его смерти не могла оказать особенно сильнаго сопротивленія избранію Годунова. Опасными соперниками Годунова были не князья Шуйскіе, Мстиславскіе или Голицыны, самые родовитые бояре въ то время, а Романовы, сыновья уже упомянутого нами родного дяди царя Никиты Романовича.

Романовы были ближайшими и давними родственниками царя по первой женѣ Іоанна Грознаго и пользовались въ Москвѣ любовью и уваженіемъ. По Москвѣ ходили слухи, что когда Годуновъ спросилъ умирающаго царя, кому быть на царскомъ престолѣ, то онъ указалъ на старшаго Романова, Федора Никитича; многіе думали, что Федоръ и будетъ избранъ царемъ. Борису пришлось принять мѣры, чтобы обезпечить свое избраніе. По рассказамъ современниковъ, Годуновъ всю Москву наполнилъ родными и вспомогателями, чтобы вездѣ было его «слухъ и око», и разослалъ своихъ агентовъ по городамъ, желая подготовить средніе классы къ своему избранію. Врядъ ли однако, Борису надо было прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Властодержавный правитель и такъ былъ достаточно популяренъ и хорошо извѣстенъ народу, который, по свидѣтельству иностранцевъ, былъ изумленъ его мягкимъ правленіемъ. Какъ бы то нибыло Земскій соборъ единогласно избралъ Бориса, какъ говорить лѣтописецъ, «за праведное и крѣпкое правленіе» и «людемъ ласку великую».

2. Борисъ—царь. Указы 1601—1602 годовъ. Преслѣдованіе бояръ. Голодъ 1601—1603 года. Появленіе Лжедмитрія.

•

Достигъ я высшей власти.

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;

Но счастья нѣтъ въ моей душѣ.

Онъ править нами,

Какъ царь Иванъ.

Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ?

Увѣрены-ль мы въ бѣдной жизни нашей?

Насъ каждый день опала ожидаетъ,

Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,

А тамъ, въ глуши, голодна смерть иль петля.

Пушкинъ. Борисъ Годуновъ.

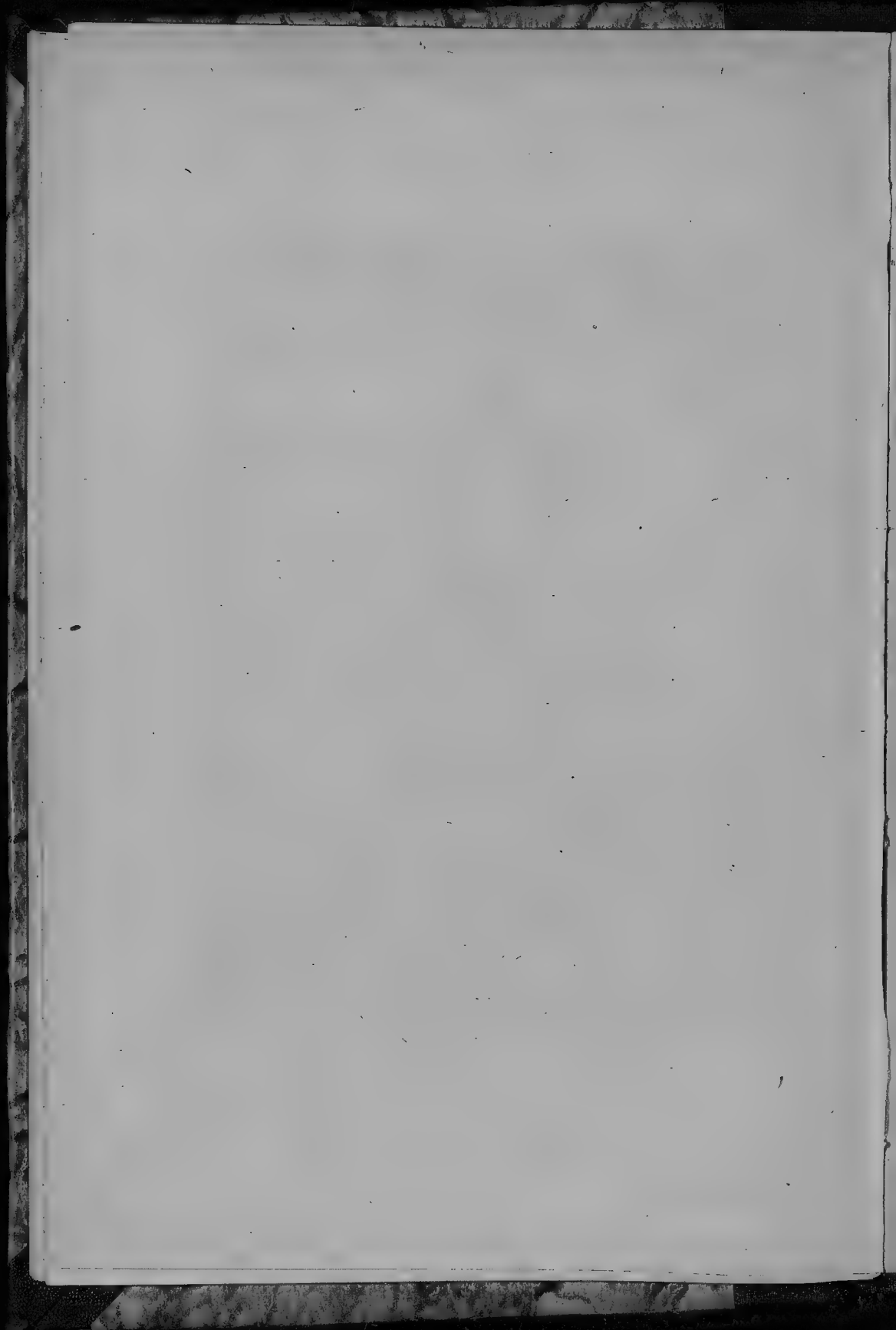
Достигнувъ престола, Борисъ продолжалъ управлять по прежнему

и главное вниманіе обращалъ на устройство внутренняго порядка въ государствѣ, на устроеніе «земли» и «на исправленіе всѣхъ нужныхъ государству вещей». Упадокъ сельскаго хозяйства въ срединныхъ областяхъ принималъ угрожающіе размѣры. Населеніе разбрелось, и некому было пахать поля; служилые помѣщики раззорялись. Правительство стремилось усадить крестьянъ на мѣсто. Еще при Федорѣ составлены были новыя «писцовыя книги», и всѣ крестьяне, которые были записаны въ этихъ книгахъ на тягломъ жеребѣ, лишились права свободнаго перехода. Эта мѣра укрѣпляла крестьянъ за землевладѣльцами, на землѣ которыхъ они жили. Однако жалобы служилыхъ помѣщиковъ на то, что крупные землевладѣльцы сманиваютъ у нихъ крестьянъ, не прекращались. Во вниманіе къ этимъ жалобамъ Борисъ Годуновъ сдѣлалъ еще шагъ къ ограниченію свободы передвиженія крестьянъ. Въ 1601—1602 году изданы были указы, которые воспрещали крупнымъ землевладѣльцамъ, — людямъ высшихъ чиновъ и монастырямъ, — возить крестьянъ „промежъ себя и у стороннихъ людей“. Свозить крестьянъ другъ у друга дозволено было только людямъ низшихъ чиновъ, да и то временно. Но вывозъ по соглашенію съ владѣльцемъ разрѣшался, а такой вывозъ по существу дѣла являлся сдѣлкой на крестьянина безъ земли. Согласно законамъ 1601—1602 годовъ не крестьянинъ говорилъ съ откащикомъ, на какихъ условіяхъ онъ согласенъ покинуть землевладѣльца, на землѣ котораго живетъ, а землевладѣлецъ сговаривался съ откащикомъ, на какихъ условіяхъ согласенъ онъ выпустить крестьянина. Законъ 1602 года ставилъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы вывозимые крестьяне и у новаго владѣльца оставались крестьянами. Согласіе крестьянина при его передачѣ однимъ землевладѣльцемъ другому не требовалось. Направленные на пользу средняго служилаго класса указы 1601—1602 года задѣвали интересы крупнаго боярскаго землевладѣнія и интересы крестьянъ. Для крестьянъ они ковали тяжелыя цѣпи надвигавшагося крѣпостнаго права.

Такимъ образомъ въ борьбѣ съ землевладѣльческимъ кризисомъ Борисъ дѣйствовалъ по старинѣ: интересы трудящихся классовъ онъ по прежнему приносилъ въ жертву интересамъ господъ. Но все же на первое время Борисъ снискалъ себѣ расположеніе народа своими заботами о бѣдныхъ и нищихъ, своею широкою благотворительностью, заботами о правосудіи и справедливости и «ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть».

Царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ.

Внѣшняя политика Бориса Годунова отличалась умомъ, миролюбіемъ и большою осторожностью. Всѣ стремленія были направлены къ тому, чтобы не втянуть слабое государство въ войну для него непосильную. Самъ Борисъ не любилъ военного дѣла и никогда не предводительствовалъ войскомъ.

Первые два года царствованія Бориса «цвѣли всеми благами».

Однако, положеніе Бориса на престолѣ было очень трудное. Бояре, которые не хотѣли его въ цари, и послѣ выборовъ относились къ нему враждебно. Изъ за царскаго вѣнца Годуновъ поссорился со своими бывшими друзьями Романовыми, которые занимали въ московскомъ обществѣ почетное положеніе и имѣли многочисленныхъ родственниковъ и друзей. Не довѣряя боярамъ и опасаясь измѣны съ ихъ стороны, Борисъ принялъ свои мѣры, чтобы оградить себя отъ «боярскихъ козней». Установлена была система тайнаго полицейскаго надзора и сыска. Пышнымъ цвѣтомъ разцвѣли доносы и клевета. Лѣтописецъ говоритъ, что «Годуновъ не могъ уподобиться древнимъ царямъ, и тернъ завистной злобы омрачилъ цвѣтъ его добродѣтели. Дьяволъ вложилъ Борису мысль все знать, что ни дѣлается въ Московскомъ государствѣ». Сталъ царь поощрять шпионовъ и доносчиковъ и щедро награждалъ этихъ низкихъ и зловердныхъ людей помѣстьями и деньгами. «И отъ такихъ доносовъ пошла въ царствѣ большая смута: доносили другъ на друга попы, чернецы, пономари, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ. И въ этихъ окоянныхъ доносахъ много крови пролилось невинной; многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всеми домами раззорили. Ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ не бывало». Съ особеннымъ озлобленіемъ царь набросился на Романовыхъ, такъ какъ ихъ сильно боялся. Одинъ холопъ донесъ, будто его «государь» Александръ Никитичъ Романовъ держитъ у себя «корень». Сдѣлали обыскъ, «корень» нашли, и всѣхъ Романовыхъ со всеми ихъ родственниками и друзьями схватили, чинили имъ допросъ, пытали, долго держали въ заточеніи въ Москвѣ, потомъ ихъ обвинили, что они «злѣдѣи измѣнники хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ». Старшаго Романова Федора Никитича, будущаго патріарха Филарета, постригли насильно въ монастырь; остальныхъ братьевъ сослали въ отдаленные города. Расправа съ врагами не успокаивала царя; подозрительность его росла съ каждымъ днемъ, и страхъ окончательно овладѣлъ его душой. Царь спрятался во дворцѣ, боялся выходить къ народу, пересталъ лично принимать челобитныя, какъ это было въ обычаѣ при прежнихъ царяхъ.

Новое столѣтіе (XVII) начиналось несчастливо для Московскаго государства. Страшныя бѣдствія обрушились на Русскую землю — сильный голодъ и вызванная имъ моровая язва. Лѣто 1601 года было дождливое, хлѣбъ стоялъ зеленый, какъ трава, его не успѣли убрать, а въ Успенье хватилъ морозъ, весь урожай погибъ. Въ этотъ годъ еще кое-какъ прокормились русскіе люди старыми запасами; новымъ хлѣбомъ засѣяли поля, а зимой всё посѣвы погибли. Запасовъ хлѣба не было, люди питались чѣмъ попало и умирали какъ мухи. Многіе падали мертвые на улицѣ. Цѣлыя селенія вымирали отъ голода и разбредались, куда глаза глядятъ. Такого страшнаго голода еще не видано было на Руси, а голодъ былъ частымъ гостемъ въ Московскомъ государствѣ.

Борисъ не остался равнодушенъ къ народному бѣдствію, но онъ растерялся и принялъ неудачныя мѣры. Царь приказалъ раздавать ежедневно въ Москвѣ деньги бѣднымъ и продавать по дешевой цѣнѣ хлѣбъ. Вѣсть объ этомъ разнеслась по странѣ, и окрестные жители стали стекаться въ Москву; столица наполнилась голодными людьми, которые не могли прожить исключительно царской милостью, тѣмъ болѣе, что при раздачѣ хлѣба и денегъ творились вопіющія злоупотребленія. Несчастные терпѣли страшныя лишенія и умирали. Стало извѣстно, что толпы голоднаго люда со всѣхъ концовъ Московскаго государства двинулись въ столицу. Борисъ испугался такого нашествія и неожиданно велѣлъ прекратить раздачу денегъ и хлѣба. Голодъ продолжался три года (1601—1604), и много народу погибло за это время. Въ народѣ стали говорить, что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, и если родъ его утвердится на престолѣ, то это не принесетъ ничего добраго Русской землѣ. Всѣ ждали Божьей кары. Борисъ былъ царь избранный, а не прирожденный, русскіе люди такъ привыкли думать, что Московская земля принадлежит царскому дому Калиты, что не могли примириться съ избраннымъ царемъ, а тутъ еще стали ходить слухи, будто живъ царевичъ Дмитрій, младшій сынъ Іоанна Грознаго. Маленькій царевичъ при царѣ Федорѣ проживалъ съ матерью своею, Маріей Нагой, въ городѣ Угличѣ, который былъ данъ ему въ удѣлъ. Родственники царевича Нагіе ненавидѣли бояръ, которые оттѣснили ихъ отъ престола, и особенно ненавидѣли Бориса Годунова. Въ Москву доносили, что царевичъ нравомъ похожъ на отца и также жестокъ, что онъ враждебно относится къ боярамъ, и имъ плохо придется, если послѣ бездѣтнаго Федора на престолъ вступитъ Дмитрій. По Москвѣ, по

свидѣтельству иностранныхъ писателей, ходили слухи, что жизнь царевича находится въ опасности отъ покушенія тѣхъ, которые простираютъ свои виды на престолъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя. Въ 1591 году разнеслась вѣсть, что царевичъ зарѣзанъ въ Угличѣ. Въ Угличъ послана была слѣдственная комиссія съ княземъ Василиемъ Ивановичемъ Шуйскимъ во главѣ. Шуйскій донесъ, что царевичъ самъ зарѣзался въ припадкѣ паучей болѣзни. Патриархъ Іовъ объявилъ, что смерть царевича приключилась судомъ Божиимъ. Но народная молва упорно твердила, что въ этомъ зломъ дѣлѣ не безъ грѣха Борисъ Годуновъ, что это онъ подослалъ убійцъ, чтобы очистить себѣ путь къ престолу послѣ бездѣтнаго Федора. Молва затихла. Борисъ сталъ царемъ. А года черезъ два послѣ его воцаренія пошли слухи, будто царевичъ убитъ не былъ, вѣрные люди спасли его, а вмѣсто него былъ убитъ другой ребенокъ.

Дѣйствительно стало извѣстно, что въ сосѣднемъ Польско-Литовскомъ королевствѣ появился молодой человекъ, который называлъ себя сыномъ Іоанна Грознаго, царевичемъ Дмитріемъ. Молодой человекъ поступилъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому и ему открылъ свое царское происхожденіе, а въ доказательство истины своихъ словъ показалъ золотой крестъ, который на него надѣли при крещеніи. Многіе польскіе паны заинтересовались названнымъ Дмитріемъ и наперерывъ приглашали его къ себѣ въ гости, оказывая ему царскія почести. Проживая у Сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, самозванецъ влюбился въ его дочь, красавицу Марину, и хотѣлъ на ней жениться. Честолюбивый Мнишекъ радъ былъ выдать Марину за русскаго царевича, но отложилъ свадьбу до того времени, какъ Дмитрій сядетъ на престолъ Московскій; кромѣ того Мнишекъ потребовалъ, чтобы Дмитрій перешелъ въ католичество. Дмитрій согласился на это условіе. Кромѣ страстной любви къ Маринѣ имъ руководилъ и политическій расчетъ: онъ понялъ, что въ его положеніи нѣтъ лучшаго средства обезпечить себѣ помощь со стороны польскаго короля Сигизмунда, яраго католика, и со стороны всей католической Польши, какъ переходъ въ католичество. Католическая церковь съ папой во главѣ уже давно мечтала ввести католичество въ Московскомъ государствѣ. Польское духовенство надѣялось, что при посредствѣ Дмитрія ему удастся, наконецъ, осуществить свои завѣтныя мечты. Царь католикъ, конечно, захочетъ ввести свою вѣру въ своемъ царствѣ, а въ Московскомъ государствѣ царь все, его власть неограничена, народъ привыкъ повиноваться, и съ воцареніемъ

Дмитрія дѣло будетъ сдѣлано. Переходъ въ католичество привлекалъ на сторону Дмитрія все польское духовенство, понятно, какъ это было для него важно. Въ Самборѣ былъ заключенъ брачный договоръ между Мариной Мнишекъ и названнымъ царевичемъ, котораго уже величали «славнѣйшимъ и непобѣдимымъ Дмитріемъ Ивановичемъ, императоромъ Великой Руси, государемъ и наслѣдникомъ всѣхъ царствъ Московскаго Государства». Въ даръ будущей царицѣ предназначались Новгородскія и Псковскія области.

Польскій король Сигизмундъ, узнавъ о появленіи чудесно спасеннаго царевича, захотѣлъ его видѣть. Паны привезли молодого человѣка къ королю. Король принялъ его милостиво, призналъ его московскимъ царевичемъ и даже назначилъ ему жалованье. Однако Сигизмундъ не былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ дѣла и не хотѣлъ открытой помощью самозванцу нарушить миръ съ Москвой и подвергнуть свое государство всѣмъ случайностямъ и бѣдствіямъ войны. Сигизмундъ употребилъ хитрость: онъ разрѣшилъ польскимъ панамъ помогать царевичу. За такое разрѣшеніе Дмитрій долженъ былъ обѣщать, когда займетъ престолъ московскій, вернуть Польшѣ городъ Смоленскъ и Сѣверскую землю.

Дмитрій сталъ готовиться къ походу въ Москву. Во главѣ предпріятія сталъ Сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ. Онъ набралъ тысячи двѣ войска въ польскихъ владѣніяхъ, рассчитывая, что ряды этого немногочисленнаго ополченія быстро пополнятся московскими людьми.

3. Личность Самозванца. Его происхожденіе и причины его успѣха. Мѣры, принятія Борисомъ. „Прелестныя“ письма Самозванца. Успѣхи Самозванца. Смерть Бориса. Манифестъ Дмитрія. Сверженіе Годуновыхъ. Въѣздъ Лжедмитрія въ Москву.

Молва такая ходитъ—
Не самъ царевичъ Дмитрій закололся,
Но былъ убитъ. Иные же говорятъ,
Что не его убили, а другого,
Ошибкою.

(Ал. Толстой. Царь Борисъ Годуновъ).

Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Дмитрія на насъ
Идетъ войной. Литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасъ ему.
Кто этотъ воръ неслыханный и дерзкій?

Ал. Толстой. Борисъ Годуновъ.

Триста лѣтъ прошло со времени Самозванца, но и до сихъ поръ

не выяснено, кто былъ этотъ таинственный молодой человекъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Лжедмитрія I. Московское правительство, объявляя о войнѣ съ Самозванцемъ, называло его Гришкой Отрепьевымъ, сыномъ мелкаго галицкаго дворянина. Гришка былъ холопомъ у Романовыхъ, потомъ постригся въ монахи, взятъ былъ въ книгописцы къ патриарху и вдругъ началъ говорить, что онъ будетъ царемъ въ Москвѣ. Затѣмъ онъ скрылся изъ монастыря и очутился въ Польшѣ слугою у Адама Вишневецкаго. Былъ ли названный Дмитрій дѣйствительно Григорій Отрепьевъ или кто другой, ученымъ до сихъ поръ не удалось разгадать, не смотря на всѣ усилія, и личность Самозванца остается загадочной. Обвиняли поляковъ, что это они подстроили самозванца, желая завести смуту въ Московскомъ государствѣ, чтобы ослабить сильнаго сосѣда и поживиться на его счетъ. Для исторіи смуты, которая дѣйствительно вспыхнула съ появленіемъ самозванца, совершенно неважно, кто онъ былъ. Его успѣхъ былъ обезпеченъ условіями тогдашней русской жизни, а не его царскимъ происхожденіемъ; вѣдь и истиннаго царевича могли не признать въ Московскомъ царствѣ и счесть за самозванца. Нечего и говорить, что никакіе козни поляковъ не могли бы завести и въ продолженіи десяти лѣтъ поддерживать смуту въ чужомъ государствѣ, если бы для возникновенія и развитія этой смуты не было подходящей почвы.

По словамъ нашего знаменитаго историка, покойнаго Ключевского, «самозванецъ былъ только испеченъ въ польской печкѣ, а заквашенъ въ Москвѣ» и заквашенъ въ недовольной боярской средѣ. Своими гоненіями Борисъ сталъ ненавистенъ боярамъ, и они рѣшили отъ него избавиться. Борисъ былъ законно избранъ на престолъ земскимъ соборомъ, ему торжественно присягали, и поднять противъ него возстаніе или просто свергнуть его съ престола не представлялось возможнымъ, бояре и придумали самозванца. Сыну Грознаго Борисъ долженъ бы былъ отдать престолъ. Мысль о самозванцѣ, по всей вѣроятности, зародилась въ самомъ гонимомъ боярскомъ кружкѣ съ Романовыми во главѣ. Современники, описывая смуту, говорятъ, что «разныя досады отъ Бориса величайшимъ, т. е. боярамъ, вонзили въ сердца величайшихъ неугасну стрѣлу гнѣва къ ненависти», и что Борисъ погибъ, потому что «навелъ на себя отъ всѣхъ русскія земли чиновначальниковъ негодованіе». Самъ Борисъ въ появленіи самозванца обвинялъ бояръ.

Самозванца посадили на престолъ бояре, но причины успѣха

всего этого предпріятія коренятся въ условіяхъ русской жизни того времени, въ томъ общественномъ строѣ, который порождалъ общественный разладъ и возбуждалъ всеобщее недовольство. Юрій Мнишекъ увѣренно говорилъ, что пограничныя русскія крѣпости сдадутся безъ боя, и дѣйствительно настроеніе населенія въ южныхъ областяхъ какъ нельзя болѣе было благоприятно самозванцу. По словамъ современниковъ, въ первые годы XVII вѣка болѣе 20000 чело-вѣкъ, способныхъ носить оружіе, сошло «на ново» въ украинныя города; этому выселенію въ пограничныя мѣста способствовали, помимо общихъ уже извѣстныхъ намъ причинъ, и указъ 1597 года о ка-балныхъ холопахъ и вольныхъ слугахъ, и трехлѣтній голодъ, и опалы Бориса на бояръ.

Указъ 1597 года предписывалъ кабалнымъ людямъ съ женами и дѣтьми оставаться въ холопахъ до смерти своихъ господъ, и если кабалные будутъ предлагать выкупъ, господа могутъ денегъ отъ нихъ не принимать; челобитья о томъ холоповъ суду не слу-шать, а выдавать ихъ въ службу по тѣмъ кабаламъ до смерти ихъ господъ.

Рядомъ съ кабалными тогда существовали вольные слуги, слу-жившіе безъ кабалъ, какъ вольнонаемная прислуга, «добровольные холопы», какъ называютъ ихъ документы. Иные служили такъ лѣтъ по десять и больше, не желая давать на себя кабаль своимъ хо-зяевамъ и сохраняя за собой право, признанное указомъ 1555 года, отойти, когда захотятъ. Законъ 1597 года назначилъ срокъ для та-кой добровольной службы—меньше полугода. Прослужившій полгода или больше обязанъ былъ давать на себя кабалу «государю» т. е. хозяину, который его «кормилъ, одѣвалъ и обувалъ». Это сдѣлано было для того, чтобы уменьшить количество вольныхъ гулящихъ людей, которые въ боярскихъ дворахъ укрывались отъ глазъ пра-вительства, поступая вольными слугами.

Послѣ этого указа много вольныхъ людей обращены были въ холоповъ, нерѣдко силою или обманомъ. Во время голода многіе господа не могли или не хотѣли кормить свою многочисленную челядь, и многихъ холо-повъ отпустили на волю, а установленныхъ отпускныхъ имъ не да-вали, надѣясь вернуть своихъ слугъ, когда кончится голодъ. Несча-стные нигдѣ не находили себѣ пристанища и спасались на Украину въ надеждѣ тамъ найти и пропитаніе и независимость. Опальные бояре, преслѣдуемые Годуновымъ, лишались своего имущества, а холопы ихъ получали свободу съ «заповѣдью никому тѣхъ холо-

новъ къ себѣ не принимать». И этихъ освободившихся холоповъ принимала все таже гостепріимная Украина, тѣ же польскіе и сѣверскіе города, пріютъ всѣхъ голодныхъ, гонимыхъ и обездоленныхъ. Къ прежнему безпокойному населенію южной Украины прибавились десятки тысячъ новыхъ приходцевъ изъ центра государства, испытавшихъ и ужасы голода, и гнетъ господъ и преслѣдованіе правительства. Озлобленіе и глубокую ненависть къ безжалостнымъ господамъ, къ преслѣдующему ихъ правительству и къ тому государственному и общественному строю, который лишалъ ихъ земли и воли, затаили они въ сердцахъ своемъ, и нуженъ былъ только толчекъ, чтобы чувства эти вырвались наружу и проявились въ открытомъ возстаніи и противъ правительства и противъ господствующихъ классовъ. Такимъ толчкомъ и послужило появленіе самозванца, которое взбудоражило всю южную Украину.

Когда въ Москвѣ стало извѣстно о появленіи самозванца, царь Борисъ ужаснулся и растерялся: для него это былъ страшный врагъ. Годуновъ приказалъ доставить въ Москву мать убитаго царевича, инокиню Марфу, и допрашивалъ ее о сынѣ. Марфа твердила: «не знаю, живъ ли мой сынъ или убитъ; вѣрные люди говорили мнѣ, что онъ спасся». За такія слова царица чуть не избила Марфу.

Борисъ послалъ грамоту польскому королю: «Въ вашемъ государствѣ объявился воръ-разстрига, а прежде онъ былъ дьякономъ въ Чудовомъ монастырѣ. И мы дивимся, какимъ обычаемъ такого «вора» въ вашихъ государствахъ приняли и повѣрили ему, не пославши къ намъ за новыми вѣстями».

Годуновъ требовалъ, чтобы Сигизмундъ приказалъ казнить вора. Въ Москвѣ патріархъ Іовъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій угоняли народъ не вѣрить слухамъ о царевичѣ. Шуйскій говорилъ къ народу рѣчь: «я вамъ цѣлую крестъ на томъ, что Дмитрія царевича нѣтъ на свѣтѣ, я самъ своими руками положилъ его тѣло во гробъ въ Угличѣ, и тотъ, кто называется этимъ именемъ, разстрига, бѣглый монахъ, наученный сатаною, осужденный на казнь за свои мерзкія дѣла. Собирайтесь лучше Богу молиться, чтобы отвратилъ отъ насъ гнѣвъ свой, и твердо стойте на истинѣ, такъ и все поправится».

А въ народѣ толковали: «это говорятъ они по неволѣ, боясь Бориса. А Борису нечего другого говорить. Если этого ему не говорить, то надобно царство оставить и о животѣ своемъ промышлять». На границѣ былъ установленъ строгій надзоръ. Не смотря на та-

кой надзоръ, грамоты самозванца къ московскому народу, «прелестныя письма», въ которыхъ онъ «прельщалъ» русскихъ людей отстать отъ Бориса, перевозились черезъ границу тайно въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ или въ лодкахъ. Въ этихъ грамотахъ говорилось: «Богъ милосердый по своему произволенію покрывалъ насъ отъ измѣнника Бориса Годунова, хотѣвшаго насъ предать злой смерти, не восхотѣлъ исполнить злокозненнаго его замысла, укрылъ меня, прироженнаго царя вашего государя своею невидимою рукою и много лѣтъ хранилъ меня въ судьбахъ своихъ; и я, царевичъ Дмитрій, теперь приспѣлъ въ мужество и иду съ Божьей помощью на прародителей моихъ, на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія. Вспомните наше прироженіе, православную христіанскую вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ вы цѣловали крестъ отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и намъ дѣтямъ его—хотѣтъ во всемъ добра. Отложите нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ, и впредь уже служите, прямите и добра хотите намъ, государю своему прироженному, какъ отцу нашему блаженный памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси; а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердому обычаю, и буду васъ свыше въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и въ благоденственномъ житіи».

На призывъ Дмитрія раньше всѣхъ отзывались донскіе казаки. Въ Польшу прибыли два казацкихъ атамана, которые отъ имени казаковъ признали Дмитрія царемъ и обѣщали ему свою помощь. Въ это время казаки особенно злобились на Бориса, который не велѣлъ пускать ихъ ни въ одинъ городъ; ѡслушниковъ хватали и сажали въ тюрьмы. Дмитрій послалъ также письмо Борису, въ которомъ обѣщалъ помиловать его и пожаловать помѣстьями, если онъ оставитъ царскій престолъ, которымъ овладѣлъ неправдою. На это письмо Борисъ отвѣчалъ Дмитрію браннымъ письмомъ, въ которомъ называлъ своего невѣдомаго врага чертовымъ сыномъ, крамольникомъ, чародѣемъ. Годуновъ послалъ войска къ границамъ, а воеводы говорили: «трудно противъ природнаго государя воевать».

Въ октябрѣ 1604 года Дмитрій вступилъ въ предѣлы Московскаго государства въ область Сѣверскую. Города сдавались одинъ за другимъ безъ боя, и вездѣ происходила одна и та же исторія: воеводы и все воинское начальство хотѣли защищать городъ, а всѣ ратные люди смуту учиняли, отворяли ворота и признавали Дмитрія ца-

ремъ. Только въ Новгородѣ Сѣверскомъ крѣпко держался воевода Петръ Федоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова. Борисъ велѣлъ набирать полки. Въ приказѣ о наборѣ царь признавался, что его войска очень оскудѣли: «одни, прельщенные воровъ, передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись». Набралась рать въ 50000 человекъ, и подъ Новгородомъ Сѣверскимъ сошлась съ войскомъ Самозванца. У самозванца было всего 15 тысячъ. Однако въ царскомъ войскѣ царило смятеніе и нерѣшительность.

«У русскихъ точно не было рука для сѣчи», говоритъ очевидецъ. Дмитрій смѣло ударилъ на врага и одержалъ побѣду. Послѣ этой побѣды поляки потребовали денегъ и грозили уйти, если не получать. У Дмитрія денегъ не было; онъ умолялъ поляковъ потерпѣть и послужить ему, билъ даже челомъ до земли; но поляки ничего слышать не хотѣли и почти всѣ ушли съ Мнишкомъ во главѣ, который получилъ извѣстіе, что въ Польшѣ не особенно довольны затѣяннымъ походомъ. Дмитрій былъ очень огорченъ и не зналъ, что ему дѣлать, но его выручили изъ бѣды малороссійскіе дѣпровскіе казаки, которые явились къ нему на службу въ числѣ 12000. Много помогли и донскіе казаки, которые наступали на Московское государство по крымской дорогѣ, да «на полѣ» собирались большіе отряды на помощь царю Дмитрію. Борисъ послалъ въ подкрѣпленіе къ своимъ разбитымъ войскамъ князя Василя Ивановича Шуйскаго съ многочисленнымъ войскомъ. На этотъ разъ самозванецъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Борисъ былъ несказанно радъ побѣдѣ, а самозванецъ палъ духомъ и хотѣлъ даже бѣжать въ Польшу, но русскіе люди, которые связали съ нимъ свою судьбу, его не пустили и указывали ему, что дѣло его вовсе не проиграно, потому что у Бориса много враговъ. Дѣйствительно, въ русскихъ областяхъ число приверженцевъ Дмитрія все увеличивалось. Царскіе воеводы дѣйствовали неумѣло и нерѣшительно и вмѣсто того, чтобы сражаться съ Дмитріемъ, расправлялись съ мирными жителями, наказывая ихъ за приверженность къ самозванцу, не щадили ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Борисъ «раскручинился» на воеводъ и послалъ имъ сказать: «ведете вы дѣло нерадиво. Сколько рати побили, а того Гришку не умѣли поймать». Воеводы и все войско оскорбились, и въ войскѣ, по словамъ лѣтописца, «стало мнѣніе и ужасъ отъ царя Бориса, и многіе стали думать, какъ бы царя Бориса изыть и слу-

жить окаянному Гришкѣ». Въ это время Годуновъ внезапно скончался (въ Апрѣлѣ 1605 года). Москва присягнула его сыну Федору. Борисъ, какъ мы говорили, въ борьбѣ за престолъ разорвалъ дружескія связи съ тѣмъ боярскимъ кружкомъ, къ которому принадлежалъ долгое время, и его окружали только родственники, среди которыхъ совсѣмъ не было выдающихся и талантливыхъ людей. Когда Борисъ умеръ, его сынъ остался безъ поддержки въ боярской средѣ. Молодой царь смѣнилъ воеводъ, которые не могли справиться съ самозванцемъ, и послалъ Басманова. Пріѣхавъ къ войску, Басмановъ понялъ, что сражаться съ самозванцемъ нельзя. Въ войскѣ начался беспорядокъ. «Никто не зналъ, кто былъ врагомъ, кто другомъ; одинъ бѣжалъ въ одну сторону, другой въ другую и вертѣлись, какъ пыль, вздымаемая вѣтромъ». Басмановъ видѣлъ, что воеводы не хотятъ Годуновыхъ, а войско утомлено войной, страдаетъ болѣзнями и разбредается. Ушли почти всѣ помѣщики изъ центральныхъ областей, а остались люди ненадежные: «ратные люди съ сѣверскихъ городовъ, стрѣльцы, казаки и черные люди». Басмановъ, сговорившись съ боярами, передался на сторону Дмитрія. Войско съ радостью провозгласило Дмитрія царемъ. Судьба Годуновыхъ была рѣшена. Самозванецъ отправилъ въ Москву гонцовъ съ грамотой и войско, и самъ двинулся къ столицѣ. Въ Москвѣ стало извѣстно, что прибыли послы отъ Дмитрія. Зазвонили въ колокола. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ на Красную площадь. Была такая давка, что невозможно было протѣсниться. Съ лобнаго мѣста прочитана была грамота Дмитрія. Въ грамотѣ говорилось:

«Вы цѣловали крестъ блаженной памяти отцу нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу и намъ, его дѣтямъ, на томъ, чтобы вамъ не хотѣть иного государя на Московское государство кромѣ нашего рода. А вамъ всѣмъ измѣнники говорили, будто насъ въ государствѣ не стало, и будто насъ похоронили въ Угличѣ. Когда судомъ Божиимъ не стало брата нашего царя Федора Іоанновича, вы, не зная про насъ, прироченнаго государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову. Вы думали, что мы убиты измѣнниками, а когда разошелся слухъ по всему государству Россійскому, что съ Божьей милости мы, великій государь, идемъ на православный престолъ родителей нашихъ, великихъ государей царей Россійскихъ, мы хотѣли достигать нашего государства безъ крови; но вы бояре, воеводы и всякіе служилые люди, по невѣднію, стояли противъ насъ, великаго государя, не смѣли даже говорить о насъ. Я

государь христіанскій, по своему государскому милосердому обычаю не держу за то на васъ гнѣва, ибо вы такъ учинили по невѣдѣнію и отъ страха смерти себѣ».

«Припомните, какое утѣшеніе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ,—боярамъ, воеводамъ и всѣмъ родовитымъ людямъ, какое поношеніе, какое безчестье,—и отъ инороднаго терпѣть того было невозможно. А вамъ, дворяне и дѣти боярскіе, какія были разоренія, ссылки и нетерпимыя муки, какихъ и плѣннымъ дѣлать негодно. А вамъ, гостямъ и торговымъ людямъ, не было вольностей въ торговлѣ вашей и въ пошлинахъ; треть имущества вашего отбиралась, а иногда чуть не все».

«Мы, христіанскій государь, жалѣя васъ, пишемъ вамъ, чтобы, памятуя свое крестное цѣлованіе царю Ивану Васильевичу и дѣтямъ его, добились намъ челомъ и прислали бы къ нашему царскому величеству митрополита, и архіепископовъ, и бояръ, и окольничихъ, дворянъ большихъ и дьяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лучшихъ людей; а мы васъ пожалуемъ: боярамъ учинимъ честь и повышеніе и пожалуемъ прежними ихъ отчинами, да еще сдѣлаемъ прибавку и будемъ держать въ чести; дворянъ и приказныхъ людей станемъ держать въ нашей царской милости; гостямъ, торговымъ людямъ дадимъ льготы и облегченіе въ пошлинахъ и податяхъ; и все православное христіанство учинимъ въ покоѣ, тишинѣ и благоденственномъ житіи. А не добьете челомъ нашему царскому величеству и не пошлете просить милости, то дадите отвѣтъ въ день праведнаго суда и отъ нашей царской руки».

По прочтеніи этого манифеста поднялся шумъ и смятеніе великое. Раздались крики: «буди здравъ, царь Дмитрій Ивановичъ». Толпа бросилась въ Кремль, ворвалась во дворецъ. Федора, его мать и сестру схватили и перевели изъ царскаго дворца въ прежній домъ Годуновыхъ. Вѣсть о мятежѣ достигла стана самозванца, и въ Москву отправились князь Василій Голицынъ и князь Масальскій, чтобы покончить съ Годуновыми. Федора и его мать убили, а Ксенію заточили въ монастырь. Послѣ того расправились съ патріархомъ Іовомъ. Его насильно вывели изъ собора во время службы и сослали въ монастырь. Отъ Москвы къ Дмитрію послали выборныхъ людей съ повинной грамотой. Москвичи просили прощенія, приглашали царя занять престолъ, называли себя его вѣрными подданными. Самые именитые бояре, князья Шуйскіе, Мстиславскіе и другіе, отправились бить челомъ молодому государю. Бояре ждали, что самозванецъ при-

метъ ихъ съ почетомъ; но Дмитрій принялъ ихъ вмѣстѣ съ толпой донскихъ казаковъ, и казаковъ допустилъ къ рукѣ раньше бояръ, а казаки при этомъ «лаяли и позорили ихъ». Потомъ самозванецъ призвалъ еще разъ бояръ и «наказываше и лаеши яко прямой царскій сынъ». Такой пріемъ непріятно поразилъ бояръ и оскорбилъ ихъ, и не успѣлъ Дмитрій въѣхать въ столицу, какъ Шуйскіе стали возбуждать противъ него народъ и устроили заговоръ. Заговоръ былъ раскрытъ. Василий Ивановичъ Шуйскій былъ приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ самозванцемъ и сосланъ, а скоро возвращенъ и изъ ссылки.

Дмитрій разослалъ по городамъ грамоты съ извѣщеніемъ, что Москва признала его царемъ, и съ приказаніемъ приводить народъ къ присягѣ. 20-го Іюня признанный царь торжественно въѣхалъ въ столицу. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола, улицы были полны народомъ; многіе взобрались на крыши домовъ и на колокольни. Народъ падалъ на колѣни и кричалъ: «дай, Господи, тебѣ, государь, здоровья, ты наше солнышко праведное». Дмитрій отвѣчалъ на эти крики: «дай Богъ и вамъ здоровья. Встаньте и молитесь за меня Богу». При видѣ Кремля, царь залился слезами и благодарилъ Бога за то, что онъ сподобилъ его увидѣть Москву. Народъ, глядя на слезы царя, тоже рыдалъ. Въ Кремлѣ царь побывалъ во всѣхъ церквахъ и слушалъ молебны. Послано было за царицей Марфой, матерью Дмитрія. Дмитрій встрѣтилъ ее, какъ любящій и почтительный сынъ, Марфа вела себя какъ нѣжная мать. Народъ искренне вѣрилъ, что въ Москву въѣхалъ природный русскій царь, сынъ Ивана Грознаго.

Г Л А В А III.

Лжедмитрій I.

Привель Господь. Царевичъ прирожденный
На дѣдовскихъ и отческихъ престолахъ
И на своихъ на всѣхъ великихъ царствахъ
Возсѣлъ опять и утвердился.

(Островскій. Дмитрій Самозванецъ и царь Василий Шуйскій).

Лжедмитрій на престолѣ. Его планы во внѣшней политикѣ. Его отношеніе къ католичеству. Недовольство бояръ. Заговоръ Шуйскаго. Пріѣздъ Марины. Убіиство Лжедмитрія.

Маленькаго роста, некрасивый, рыжеватый, съ большой бородавкой на лицѣ и большимъ носомъ, Дмитрій своею наружностью

не производилъ пріятнаго впечатлѣнія, но подъ неказистой внѣшностью скрывались педюжинныя способности, бойкій умъ, большая энергія и пылкій увлекающійся нравъ. Дмитрій ревностно принялся за государственныя дѣла и во все входилъ самъ. Каждый день царь посѣщалъ Боярскую Думу. По разсказамъ иностранцевъ, нерѣдко въ Думѣ, слушая безплодные споры думныхъ людей, не могущихъ ни до чего договориться, Дмитрій смѣялся и говорилъ: «сколько часовъ вы разсуждаете, и все безъ толку. Такъ я вамъ скажу въ чемъ дѣло», и разъяснялъ боярамъ самые трудные вопросы. Царь не разъ упрекалъ бояръ въ невѣжествѣ: они ничему не учились, ничего не видѣли; Дмитрій общалъ отпускать ихъ за границу учиться. Два раза въ недѣлю царь лично принималъ челобитныя, при чемъ поражалъ всѣхъ своимъ ласковымъ обращеніемъ и простотой. Въ образѣ жизни Дмитрій не слѣдовалъ чопорному обиходу прежнихъ царей. Онъ часто выходилъ изъ дворца одинъ, безъ свиты и безъ всякой пышности, посѣщалъ мастерскія, бесѣдовалъ съ мастерами, осматривалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ, самъ обучалъ ратныхъ людей и принималъ личное участіе въ примѣрныхъ приступахъ къ землянымъ крѣпостямъ; случалось что въ этихъ примѣрныхъ бояхъ его палками сшибали на землю и давили. Такимъ своимъ поведеніемъ и обходительностью онъ пріобрѣлъ популярность въ населеніи Москвы. При дворѣ однако были недовольны, что царь живетъ не по царски и нарушаетъ преданія священной русской старины: не спитъ послѣ обѣда, не ходитъ въ баню, а ввелъ у себя иноземные обычаи—музыку и пѣніе за столомъ. Осуждали чрезмѣрную щедрость царя. Онъ въ три мѣсяца истратилъ 7 милліоновъ рублей, сумма по тому времени громадная, такъ какъ ежегодный доходъ Московскаго государства былъ всего полтора милліона.

Дмитрій постѣшилъ отправить въ Польшу пословъ за своей нарѣченной невѣстой Мариной Мнишекъ и нетерпѣливо ждалъ ея пріѣзда. Этой свадьбой былъ очень заинтересованъ римскій папа. Папа писалъ Дмитрію: «Мы не сомнѣваемся, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно римской церкви и народъ московскій, потому что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла, при чемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя благороднѣйшій бракъ». А Маринѣ папа писалъ: «Мы отъ твоего

супружества ожидаемъ великой пользы для католической церкви. Ты должна стараться всѣми силами, чтобы богослуженіе католической религіи и ученіе Св. апостольской католической церкви были приняты вашими подданными въ вашемъ государствѣ и водворены прочно и неизблемо. Это твое первое и главнѣйшее дѣло».

Дмитрій однако не предполагалъ вводить католическую вѣру въ Россіи, хотя изъ разсчета и общалъ это папѣ. Въ бесѣдѣ съ мирянами и духовенствомъ Дмитрій не разъ говорилъ: «пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти; я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ иновѣрцы отправляли богослуженіе по своему обряду».

Русскихъ людей царь укорялъ въ нетерпимости и приверженности къ обряду: «у васъ въ церкви только обряды, а смыслъ ихъ укрытъ; только въ томъ поставляете благочестіе, что посты сохраняете, иконы чествуете и никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры. Ваши попы и архіереи невѣжды, не учатъ народъ: вы лицемѣрно славитесь своимъ благочестіемъ и считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а живете не по христіански, недостойны такого о себѣ мнѣнія. Вы развратны, злобны, мало любите ближняго, мало расположены дѣлать добро».

Зная, какое непріятное впечатлѣніе произведетъ на русскихъ людей, если Марина станетъ открыто исполнять обряды католической церкви, Дмитрій потребовалъ, чтобы по пріѣздѣ въ Москву, она ходила въ русскую церковь, соблюдала посты и причастилась изъ рукъ патріарха.

Что касается внѣшней политики, то у Дмитрія были грандіозные, совершенно неисполнимые по условіямъ того времени, замыслы; онъ мечталъ о походѣ противъ турокъ и татаръ. Крымскіе татары, какъ мы знаемъ, каждый годъ дѣлали набѣги на русскія владѣнія, пустошили страну, забирали въ плѣнъ жителей и требовали дорогого выкупа. Дмитрій понималъ, что до тѣхъ поръ не прекратятся эти набѣги, пока не будетъ уничтожено Крымское царство, которое подчинено было турецкому султану. Дмитрій готовился къ этому походу и искалъ союзниковъ, такъ какъ понималъ, что ему одному такое предпріятіе не подъ силу. Царь хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ Польши и началъ переговоры съ королемъ Сигизмундомъ. Сигизмундъ ничуть не расположенъ былъ къ турецкому походу. Онъ требовалъ, чтобы Дмитрій выполнилъ свой тайный договоръ, отдалъ Польшѣ Сѣверскую землю и позволилъ католическому духовенству жить въ Московскомъ государствѣ и строить тамъ церкви. Дмитрій же го-

ворилъ: «ни одной пяди московской земли не отдамъ и церковей латинскихъ не желаю». Переговоры подвигались туго. Дмитрій просилъ Сигизмунда отпустить поскорѣе Марину, которой не могъ дождаться.

Пока Дмитрій носился со своими фантастическими планами, въ Москвѣ уже зрѣлъ противъ него заговоръ. Родовитое боярство съ князьями Шуйскими и Голицыными во главѣ, были сильно недовольны царемъ, который не оправдалъ ихъ ожиданій. Они посадили на престолъ невѣдомаго самозванца, рассчитывая что онъ будетъ игрушкой въ ихъ рукахъ, а Дмитрій держалъ себя самостоятельно и не склоненъ былъ считаться съ боярскими притязаніями. Особенно недовольны были княжата, что царь благоволилъ къ своей роднѣ; онъ вернулъ Нагихъ изъ ссылки и назначилъ братьевъ и дядей своей матери въ Думу. Онъ возвышалъ людей худородныхъ. Уже по Москвѣ распускались слухи, что царь не царь, а самозванецъ. По вступленіи на престолъ Дмитрій отправилъ посла въ Краковъ, столицу Польши, извѣстить о своемъ воцареніи Сигизмунда. Посолъ пріѣхалъ въ Краковъ, отдалъ по обычаю грамоту, потомъ сказалъ литовскому канцлеру, что у него къ нему есть тайное дѣло, которое сообщить онъ можетъ только наединѣ. Канцлеръ остался съ нимъ съ глазу на глазъ. Посолъ объявилъ, что послали его Шуйскіе, Голицыны и другіе. «Они слезно жалуются на его Величество-короля»—говорилъ посолъ—«намъ онъ далъ въ цари-государи человѣка подлаго происхожденія, вѣтренаго; мы не можемъ долѣе терпѣть его тиранства, распутства и своевольства; онъ ни въ какомъ случаѣ недостоинъ своего сана; бояре думаютъ, какъ бы его свергнуть, и желали бы, чтобы въ Московскомъ государствѣ сдѣлался государемъ сынъ Сигизмунда королевичъ Владиславъ. Вотъ что мнѣ довѣрили бояре тайно передать его величеству королю Сигизмунду».

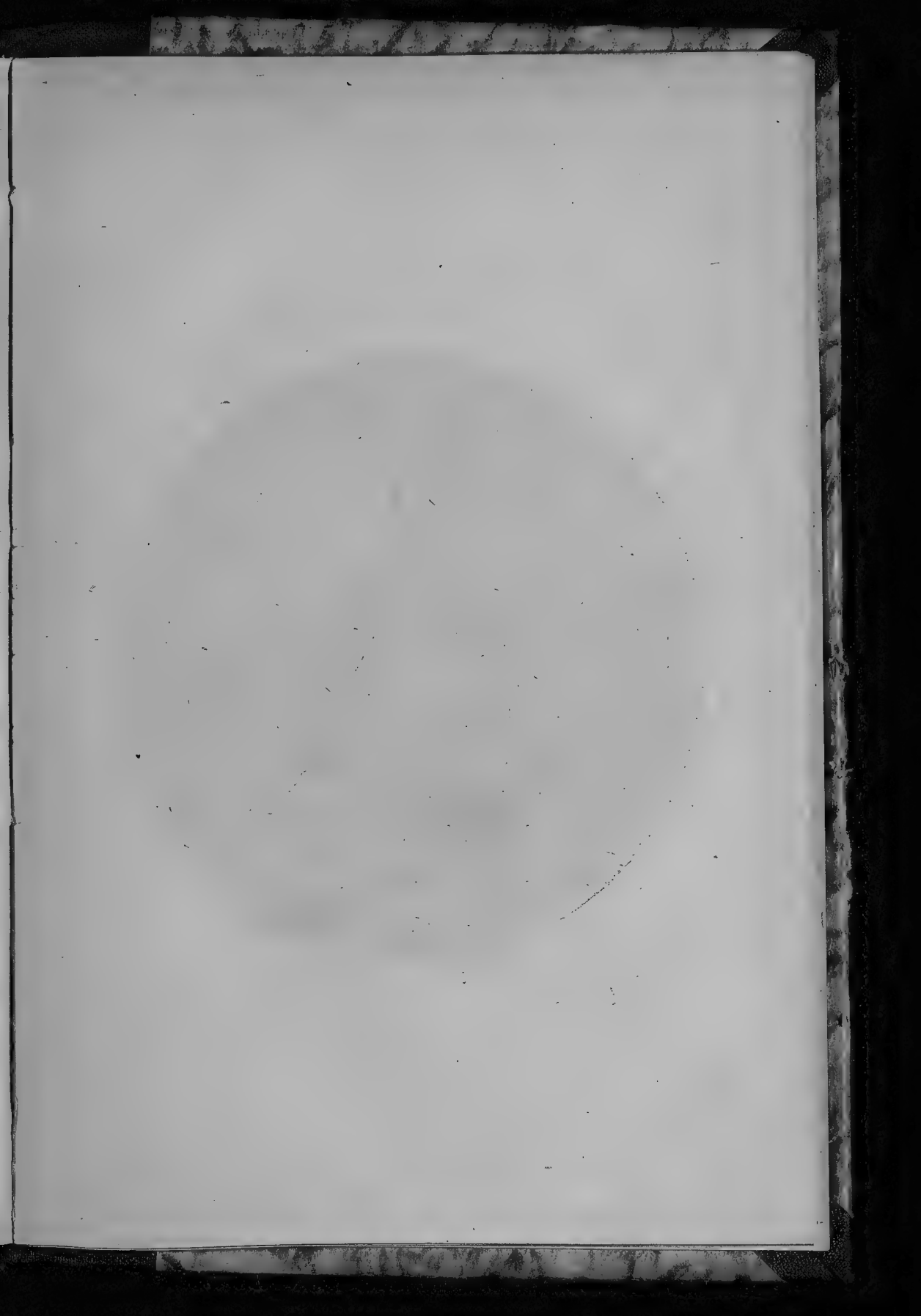
Самъ Лжедмитрій смотрѣлъ на себя, какъ на настоящаго царя; онъ держался, какъ природный царь, не сомнѣвался въ своемъ царственномъ происхожденіи и былъ увѣренъ, что и вся страна такъ на него смотреть. Откуда у Лжедмитрія сложился такой взглядъ на себя, пока остается исторической загадкой. Бояре рѣшили избавиться отъ Лжедмитрія. Во главѣ заговора сталъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Шуйскій съ большими предосторожностями собиралъ у себя въ домѣ только самыхъ надежныхъ заговорщиковъ и говорилъ имъ такіа рѣчи: «Мы признали разстригу царевичемъ только ради того, чтобы избавиться отъ Бориса. Мы думали онъ будетъ хранить нашу вѣру и обычаи земли нашей. Мы обманулись. Что это за царь?

Смутное время на Руск.

Онъ раззорилъ насъ. Это скоморохъ! Онъ любитъ больше иноземцевъ, чѣмъ русскихъ, совсѣмъ неприлеженъ къ церкви, позволяетъ иновѣрцамъ некрещенымъ съ собаками входить въ православную церковь и осквернять святыню храма Господня, не наблюдаетъ постовъ, ходитъ въ иноземномъ платьѣ, обижаетъ духовенство, хочетъ отобрать у монастырей достояніе, водится съ латинами, ѣстъ-пьетъ съ ними нечистыми, да еще теперь женится на полькѣ. А что будетъ, какъ онъ женится на полькѣ? Польскій король станетъ нами помыкать; мы будемъ въ неволѣ у поляковъ. Вотъ онъ теперь хочетъ въ угоду польскому королю воевать со шведами, и послалъ уже въ Новгородъ мосты мостить, да еще хочетъ воевать съ турками. Онъ раззоритъ насъ, кровь будетъ литься, а ему народа не жалъ и казны ему не жалъ: сыплеть нашею казною нѣмцамъ, да полякамъ. Вотъ уже сколько теперь онъ растратилъ: что же дальше будетъ. Если мы останемся съ нимъ, то дойдемъ до конечнаго раззоренія».

Между боярами заговорщиками было условлено прежде всего убить самозванца, а кому послѣ него доведется быть царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но *по общему совету* управлять Московскимъ государствомъ. Шуйскій и Голицынъ стали вербовать заговорщиковъ среди разнаго званія людей. Имъ удалось привлечь на свою сторону цѣлый отрядъ войска въ 1800 человекъ, который былъ собранъ въ походъ противъ турокъ и стоялъ подъ Москвой. Заговорщики не были увѣрены, что имъ удастся поднять противъ Дмитрія народъ московскій, поэтому они рѣшили отложить исполненіе своего злого умысла до того времени, какъ пріѣдетъ Марина; съ ней должна будетъ пріѣхать многочисленная польская свита, и Шуйскій рассчитывалъ, что поляки своимъ поведеніемъ раздражатъ москвичей, и ихъ легче будетъ возбудить противъ царя.

Въ Апрѣлѣ пріѣхала Марина. Ее сопровождала свита въ 2000 человекъ со множествомъ слугъ. Поляковъ размѣстили по домамъ у купцовъ, дворянъ, и даже бояръ. Многіе москвичи были недовольны незванными гостями, особенно, когда оказалось, что поляки привезли съ собой много оружія. Польскіе шляхтичи смотрѣли съ высокомеріемъ и пренебреженіемъ на русскихъ людей; они считали ихъ варварами и гордились своей образованностью. Дѣйствительно русскіе люди въ то время были очень невѣжественны и грубы. Простой народъ былъ поголовно безграмотенъ, да и изъ бояръ многіе не умѣли читать. Поляки хвалились, что дали царя Москвѣ, и кричали, что вся русская казна перейдетъ въ ихъ карманы. Они вели себя нагло,

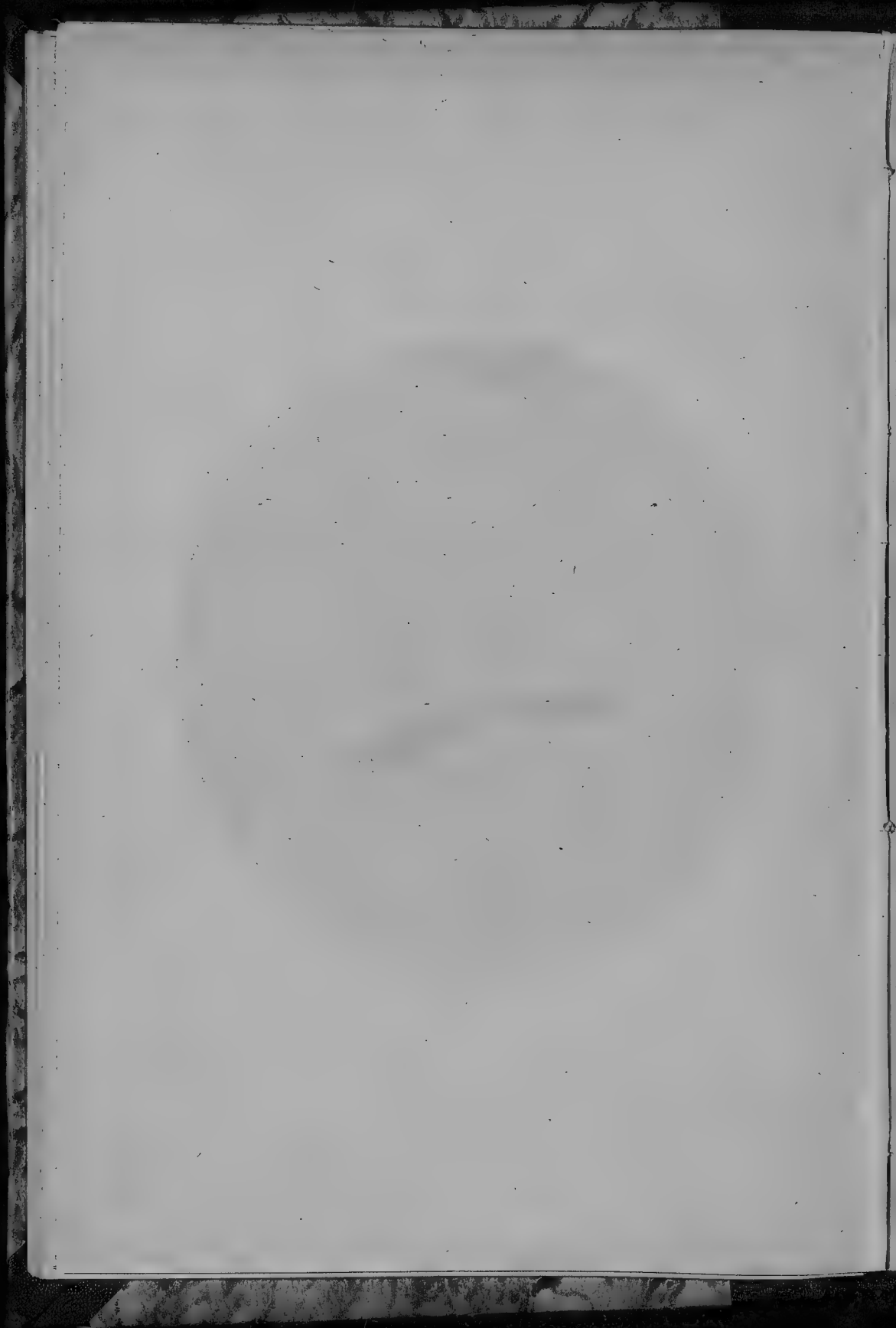

Дмитрій І.

Марина Мнишекъ.

безчинствовали, оскорбляли женщинъ. Наглые выходки раздражали москвичей. На царскую свадьбу простой народъ въ Кремль не пустили, что вызвало большое негодованіе въ Москвѣ. Послѣ коронованія Марины и царскаго вѣнчанія начались свадебные пиры и торжества, которые продолжались нѣсколько дней. Заговорщики рѣшили, что настала пора дѣйствовать, и назначили время исполненія заговора—ночь съ 16 на 17 мая. Заговорщики не были вполне увѣрены, что народъ пойдетъ за ними противъ царя, и рѣшили дѣйствовать обманомъ: какъ только ударятъ въ набатъ, бѣжать въ Кремль съ крикомъ: «поляки бьютъ государя», окружить Дмитрія, какъ будто для защиты, и покончить съ нимъ.

Дмитрія не разъ предупреждали, что противъ него замышляется что то недоброе, но онъ отвѣчалъ: «все это вздоръ», и не только не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности, но даже велѣлъ наказывать доносчиковъ.

Въ ночь съ 16 на 17 мая войска, передававшіяся заговорщикамъ, заняли всѣ ворота Кремля, никого не впуская и не выпуская. Нѣмецкой стражѣ отъ имени царя приказано было разойтись по домамъ. Въ 4 часа ударили въ набатъ; народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ на Красную площадь; многіе не знали, въ чемъ дѣло, и спрашивали, что случилось. Имъ отвѣчали: «поляки хотятъ убить царя. Бейте поляковъ!» Шуйскій съ другими заговорщиками вошли въ Кремль. Набатъ разбудилъ Дмитрія; онъ послалъ Басманова узнать, въ чемъ дѣло. Басманова встрѣтили криками: «выдай намъ самозванца!» Басмановъ прибѣжалъ къ Дмитрію взволнованный и испуганный. «Государь, ты самъ виноватъ! Все не вѣрилъ. Вся Москва собралась на тебя!» Заговорщики ворвались въ царскую спальню и стали издѣваться надъ самозванцемъ: «ну, безвременный царь, проспался ли ты? зачѣмъ ты не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Дмитрій схватилъ мечъ-крича: «я вамъ не Борисъ Годуновъ!» Заговорщики убили Басманова, который пытался защищать царя. Дмитрій видя, что сопротивляться бесполезно, побѣжалъ въ комнаты жены, крикнулъ ей, чтобы она спасалась отъ заговорщиковъ, а самъ выскочилъ въ окно, но такъ несчастливо, что сломалъ себѣ ногу и расшибъ грудь. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ, услышали стоны, подошли къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Дмитрій, и узнали царя. Дмитрій умолялъ защитить его, обѣщая въ награду женъ и имѣнія измѣнниковъ бояръ. Стрѣльцы внесли царя во дворецъ и сперва не хотѣли его выдавать. Но заговорщики закричали: «пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута и обманщика». Стрѣльцы испугались

и сказали боярамъ: «спросимъ царицу, если она скажетъ, что это прямой ея сынъ, то мы всё за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ». Князь Голицынъ увѣрилъ стрѣльцовъ, что только что былъ у Марфы, и она ему призналась: «сынъ мой убитъ въ Угличѣ». Раздались крики: «бей, его! руби его!» Дмитрія убили (17 мая 1606 года). Чернь надругалась надъ его трупомъ, который былъ обезображенъ до неузнаваемости.

Маринѣ удалось спастись. Въ то же время толпы народа раздѣливались съ поляками; въ одинъ день убито было до трехъ тысячъ человекъ.

Такъ совершилось злое дѣло и совершилось обманомъ. Многие бѣжали въ Кремль спасать царя отъ поляковъ и съ ужасомъ увидѣли, что царь уже погибъ, но погибъ не отъ руки поляковъ, а свои русскіе люди его убили. Два дня москвичи не могли придти въ себя отъ пережитаго въ эту страшную ночь.

Московское государство опять осталось безъ царя и снова возникъ вопросъ, кому быть царемъ.

Г Л А В А IV.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Василій свѣтъ Ивановичъ,
Что ни начини, все свято у него.
Завѣдомо мошенничать сберется,
Иль видимую пакость наровить,
А самъ, гляди, вздыхаетъ съ постной рожей,
И говоритъ: „Святое дѣло, братцы“.

Островскій. Тушино.

На грозномъ тронѣ я сижу безъ власти.
Безъ власти царь московскій.
Только я на царство
Ступить успѣлъ,
Вся Русь заволновалась.
По городамъ украинскимъ измѣна,
Въ самомъ дворцѣ боярская крамола,
По всей землѣ свободно воры ходятъ.

Островскій. Тушино.

Избраніе Шуйскаго царемъ. Грамоты Шуйскаго. Подкрестная запись. Господство бояръ. Возобновленіе смуты. „Воровскіе листы“ Болотникова. Соціальный характеръ борьбы. Участие въ возстаніи провинціального дворянства. Рознь въ лагерѣ возставшихъ. Появленіе второго Лжедмитрія. Побѣда Шуйскаго. Соціальное законодательство Шуйскаго. Указы 7-го марта 1607 года о холопахъ. Указъ 9-го марта 1607 года о крестьянахъ.

Изъ бояръ заговорщиковъ первымъ «по великой породѣ своей»

былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Шуйскій игралъ въ заговорѣ главную роль и считалъ, что престолъ по всеѣмъ правамъ принадлежитъ ему. Послѣ смерти Федора Іоанновича избраніе царя признано было дѣломъ земскаго собора, но Шуйскій не хотѣлъ собора, опасаясь что соборъ его, пожалуй, и не выберетъ. Въ лѣтописяхъ записано: «по убіеніи разстриги бояре начали думать, какъ бы согласиться со всею землею, чтобы пріѣхали изъ городовъ всякіе люди, чтобы выбрать по совѣту государя такого, который бы былъ всеѣмъ любъ. Но Богу не угодно было насъ помиловать по грѣхамъ нашимъ; чтобы не унялась кровь христіанская, немногіе люди, по совѣту князя Василя Шуйскаго, умыслили выбрать его въ цари».

Когда бояре и духовенство вышли на площадь и предложили собравшемуся народу избрать сперва патріарха, который бы разослалъ по городамъ грамоты съ приглашеніемъ на земскій соборъ для избранія царя, то изъ толпы приверженцевъ Шуйскаго закричали: «царь нужнѣе патріарха, пусть будетъ царемъ Василій Ивановичъ Шуйскій». Никто не посмѣлъ противиться буйной толпѣ, которая только что раздѣлалась съ полянами и Дамитріемъ, и Шуйскій сталъ царемъ. «Послѣ царя самозванца на престолъ вступилъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, царь заговорщикъ. Это былъ пожилой 54-хъ лѣтній бояринъ, небольшого роста, невзрачный, подслѣповатый, человѣкъ неглупый, но болѣе хитрый, чѣмъ умный, донельзя изолгавшійся, прошедшій огонь и воду, выдавшій и плаху и не попробовавшій ея только по милости самозванца, противъ котораго онъ исподтишка дѣйствовалъ. Свое царствованіе онъ открылъ рядомъ грамотъ, распубликованныхъ по всему государству, и въ каждомъ изъ манифестовъ заключалось по меньшей мѣрѣ по одной лжи», такъ характеризуетъ Шуйскаго Ключевскій. Шуйскій сѣлъ на царство не волею всей земли, а стараніями своихъ приверженцевъ, тѣмъ не менѣе онъ такъ оповѣстилъ народъ о своемъ воцареніи: «Божьей милостью мы, великій государь и царь всея Руси, щедротами и челоуѣколюбіемъ славимаго Бога и за моленіями всего Освященнаго собора, по челобитію и прошенію всего православнаго христіанства учинились на отчинѣ прародителей нашихъ на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ».

Всеѣмъ хорошо было извѣстно, что не только въ другихъ городахъ не знали, но и на Москвѣ, по словамъ лѣтописца, «не вѣдали многіе люди, какъ выбирали Шуйскаго». Современники, русскіе и иностранные, единодушно отмѣчаютъ, что царь Василій «сѣде царствовать

безъ избранія земскаго», получилъ престолъ по «волчьему праву», будучи «выкрикнутъ» на площади своими «доброхотами».

Сѣвъ на престолъ безъ земскаго собора, Шуйскій сильно заботился о томъ, чтобы убѣдить народъ въ законности своего вступленія на царство. По всѣмъ областямъ разосланы были грамоты отъ имени царя, бояръ, окольничихъ, дворянъ и всякихъ людей московскихъ съ извѣщеніемъ о гибели Лжедмитрія и о воцареніи Шуйскаго.

«Мы узнали про то доподлинно, что онъ прямой воръ, Гришка Отрепьевъ» говорилось въ грамотѣ. «Да и мать его, царица инокиня Марфа, сказывала, что сынъ ея царевичъ Дмитрій подлинно убитъ въ Угличѣ и погребенъ, а тотъ воръ назвался царевичемъ ложно; а какъ его поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, и на государствѣ учинился бѣсовскою помощью, и людей всѣхъ прельстилъ чернонижествомъ. И тотъ Гришка за свое злодѣйственное дѣло принялъ отъ Бога возмездіе, скончалъ свой животъ злою смертию».

Грамота эта вызвала большое смятеніе во всѣхъ областяхъ Московскаго царства. Недавно оповѣщали народъ, что Дмитрій истинный царевичъ, сынъ Іоанна Грознаго, единственный законный царь земли русской. А теперь тѣ же самые люди,—самъ Шуйскій, бояре, царица,—утверждаютъ что онъ воръ и обманщикъ, и прельстилъ Москву бѣсовскимъ навожденіемъ. Извѣщаютъ, что на престолѣ московскомъ новый царь, а изъ городовъ разныхъ чиновъ люди въ Москву для избранія царя не сѣзжались. Новый царь сѣлъ на царство украдкою отъ всей земли. Его «обралъ» на престолъ кружокъ родо-витой знати.

Лѣтописецъ рассказываетъ, что царь Василій тотчасъ по своемъ провозглашеніи пошелъ въ Успенскій соборъ и началъ тамъ говорить, «чего ископи вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось»: «цѣлую крестъ *всей земли* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлать *безъ собору*, никакого дурна». Бояре и всякіе люди говорили царю, чтобы онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось; но онъ никого не послушалъ. Царь Василій зналъ, что дѣлалъ. Избранный кружкомъ бояръ, которымъ онъ обѣщалъ править по совѣту съ ними, Шуйскій являлся царемъ боярскимъ, даже не всего боярства, а только небольшой его клики, бояръ-няжатъ. Царь Василій понималъ всю ложь и непрочность своего положенія, и не желая править изъ боярскихъ рукъ, думалъ найти опору для своей власти въ земскомъ соборѣ.

Онъ разсчитывалъ избавиться отъ боярской опеки и стать земскимъ царемъ. Между тѣмъ въ «подкрестной записи», на которой царь Василій по избраніи крестъ цѣловалъ, о земскомъ соборѣ не было ни слова. Въ записи царь говоритъ: «Божьей милостью я вступилъ на прародительскій престолъ по желанію духовенства и народа и по праву родового старшинства. Нынѣ я желаю, чтобы подъ моею властью «православное христіанство» пользовалось тишиной, покоемъ и благоденствіемъ. И потому «поволилъ, есми язъ цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, 1) всякаго челоуѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предавать; 2) и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ и у женъ, и у дѣтей не отымати, будетъ, которые съ нимъ въ мысли не были; 3) также и у гостей, и у торговыхъ, и у черныхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; 4) да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко, и ставити съ очей на очи, а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его. Цѣлую крестъ всѣмъ *православнымъ христіанамъ*, что мнѣ ихъ жалую, 1) судити истиннымъ праведнымъ судомъ, 2) безъ вины опалы ни на кого своей не класти, 3) и недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати».

Эта подкрестная запись была результатомъ сдѣлки Васиція Шуйскаго съ боярами, которые посадили его на престолъ. Бояре, пережившіе ужасы въ царствованіе Грознаго, повторившіеся и при Борисѣ Годуновѣ, чувствовали жгучую потребность оградить себя отъ царскаго произвола и упрочить свое положеніе. Бояринъ, правитель государства какъ членъ Думы, былъ такой же безправный челоуѣкъ передъ лицомъ государя, какъ всякій холопъ передъ своимъ господиномъ. Своего ставленника бояре и заставили отказаться отъ этой произвольной власти, отъ которой они столько натерѣлись. Іоаннъ Грозный говорилъ: «жаловать своихъ холоповъ вольны мы, и казнити ихъ вольны же». Шуйскій же всенородно поклялся «безъ вины ни на кого опалы своей не класти» и «судити всѣхъ истиннымъ праведнымъ судомъ». Этой клятвой Василій Шуйскій превращалъ себя изъ «государя холоповъ» въ правомѣрнаго царя подданныхъ, правящаго по законамъ. Таковъ смыслъ подкрестной записи, которую часто зовутъ «ограничительной». Дѣло шло о законномъ огражденіи правъ лица отъ властнаго царскаго

произвола, а не объ ограниченіи верховныхъ правъ Московскаго государя, и не объ измѣненіи установившагося государственнаго порядка, который характеризуется словомъ «самодержавіе». Въ грамотѣ о вступленіи на престолъ Шуйскій говоритъ: «хотимъ держать Московское государство по тому же, какъ прародители наши, великіе государи Россійскіе [цари]. Но все же велико значеніе подкрестной записи Шуйскаго въ московскомъ государственномъ правѣ. Она является актомъ дотолѣ небывалымъ и неслыханнымъ на Руси, первой попыткой, хотя и очень скромной, построить государственный порядокъ на основаніи формально ограниченной царской власти. Попытка не удалась; царь Шуйскій не сдержалъ своей клятвы.

Лѣтописецъ рассказываетъ: «царь Василій вскорѣ по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, началъ метить людямъ, которые ему грубиша: бояръ многихъ разосла по городамъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнима». Такъ поступалъ царь съ боярами, которыхъ считалъ своими недругами. Что касается бояръ-друзей, которые возвели его на царство, то онъ самъ былъ игрушкою въ ихъ рукахъ. Бояре имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь, и нерѣдко Шуйскій упрекалъ ихъ въ своевольствѣ и въ козняхъ. Настало правленіе не царское, а боярское.

Съ воцареніемъ Шуйскаго смута не прекратилась, а разгорѣлась пуще прежняго. Какъ только узнали на южной Украинѣ о смерти Дмитрія и о воцареніи Василя, такъ тамъ вновь вспыхнуло возстаніе. Города Сѣверскіе и Польскіе, которые первые стали на сторону Дмитрія, ждали отъ него для себя великихъ и богатыхъ милостей. Неожданная насильственная смерть самозванца разрушала надежды служилыхъ людей, а воцареніе Шуйскаго ничего добраго не обѣщало. Враги царя Василя распустили слухъ, будто Московское правительство хочетъ избить сѣверскихъ людей за помощь самозванцу. Боярское правленіе не могло вызвать сочувствія на южной Украинѣ, населеніе которой въ значительной степени составилось изъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, покинувшихъ боярскія усадьбы и затаявшихъ въ душѣ злобу и ненависть противъ сильныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ. Возстаніе вспыхнуло тотчасъ же по воцареніи Шуйскаго, потому что пущенъ былъ слухъ, будто Дмитрій живъ и бѣжалъ въ Литву. Этому слуху вѣрили не только въ областяхъ, но и въ самой Москвѣ. Трупъ убитаго царя былъ обезображенъ до неузнаваемости, даже кто его видѣлъ не могъ съ увѣренностью сказать, былъ ли убитый дѣйствительно Дмитрій. Первымъ противъ

новаго царя поднялся городъ Путивль со своимъ воеводой княземъ Григоріемъ Шаховскимъ, который злобился на Шуйскаго за то, что тотъ удалилъ его изъ столицы. Къ Путивлю одинъ за другимъ присоединились другіе украинные города, населенные мелкими служилыми городскими людьми. Дмитрія не было въ станѣ возставшихъ, и собственные интересы и стремленія мятежниковъ выдвинулись на первый планъ. Къ движенію городскихъ служилыхъ людей примкнулъ «большой воевода» Иванъ Болотниковъ, бывший холопъ, побывавшій въ турецкой неволѣ, изъ которой спасся бѣгствомъ. Болотниковъ подымалъ народъ во имя царя Дмитрія, а въ своихъ воззваніяхъ прельщалъ обѣщаніями, что «царь Дмитрій не боярскій царь и хочеть все перевернуть на святой Руси. Первые да будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми». Подлинныхъ воззваній Болотникова не сохранилось, но содержаніе этихъ «воровскихъ листовъ», которые разсылались въ Москву и по другимъ городамъ, передаетъ патріархъ Гермогенъ. Мятежники велятъ «боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ, а жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулять; и шпынямъ и безъимяннымъ ворахъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство, и воеводство, и околичество, и дьячество». Лѣтопись говоритъ «и собрались боярскіе люди и крестьяне; къ нимъ пристали украинскіе люди, посадскіе, и стрѣльцы, и козаки, и начали по городамъ воеводѣ брать и сажать по темницамъ, бояръ же своихъ дома разоряли и животы ихъ грабили, женъ же ихъ и дѣтей позорили». Съ этимъ войскомъ Болотниковъ двинулся къ Москвѣ; борьба принимала «соціальный», т. е. общественный, характеръ: часть общества, обездоленная и угнетенная, возстала противъ зажиточныхъ и вліятельныхъ классовъ.

Вслѣдъ за Сѣверской землей возстали города Рязанскіе и Заоцкіе. Здѣсь во имя Дмитрія поднялось провинціальное «худородное» дворянство, т. е. неродовитые служилые помѣщики, которымъ владѣтельство знатныхъ бояръ закрывало дорогу къ личному возвышенію. Поднялись и мелкіе служилые землевладѣльцы, которыхъ Дмитрій щедро награждалъ за помощь, а потому они были поражены и глубоко возмущены его убійствомъ; кромѣ того «сильныхъ людей» бояръ мелкіе помѣщики считали своими злѣйшими врагами, за то, что тѣ сманивали у нихъ крестьянъ. Собравшись въ военныя дружины, провинціальныя дворяне выбрали своими военачальниками рязанскихъ дворянъ Григорія Сумбулова и Прокопія Лапунова и двинулись на

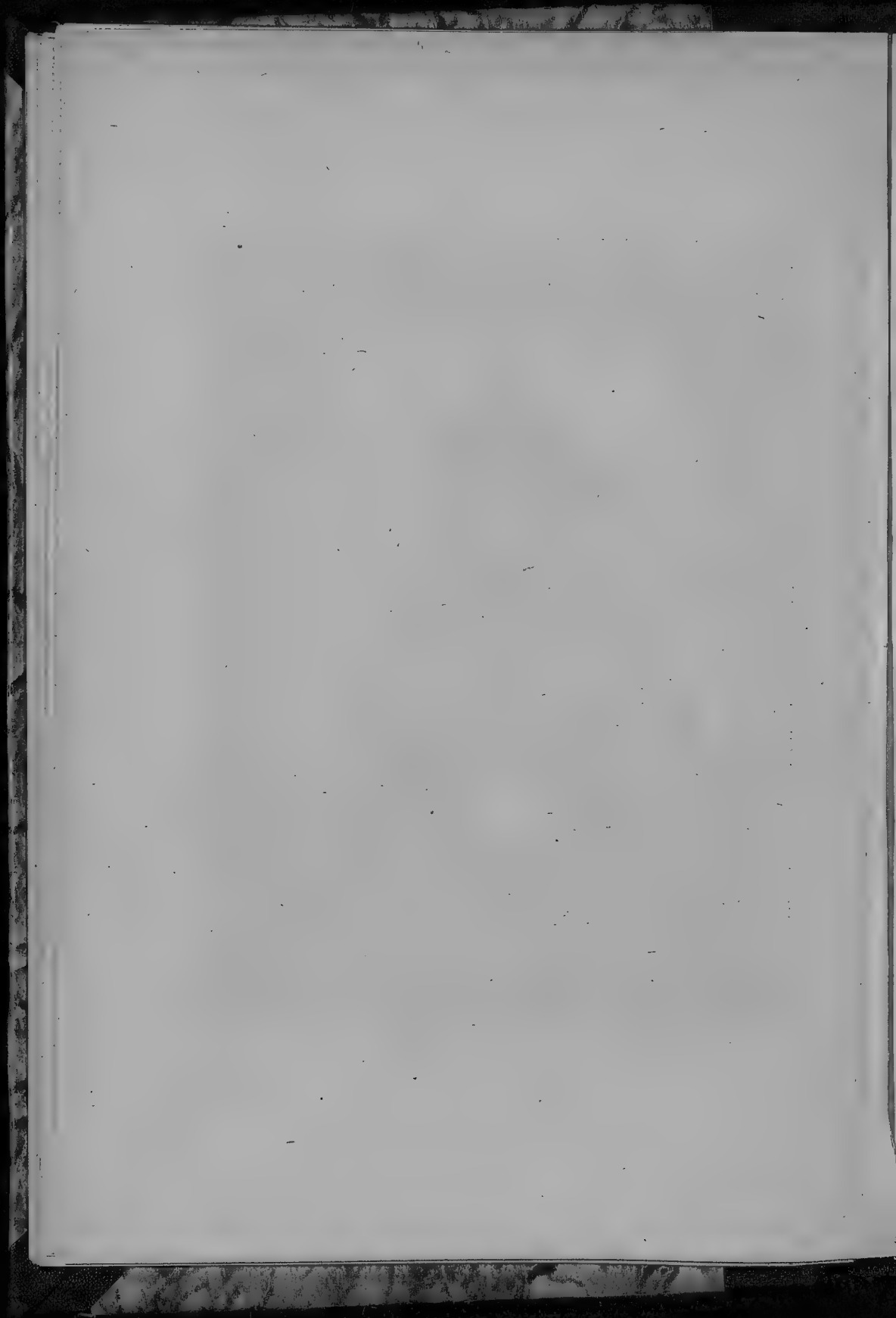
Москву. Подъ самой Москвой рязанскія дружины соединились съ ополченіемъ Болотникова и расположились въ селѣ Коломенскомъ. Гибель Шуйскаго казалась неизбежной, тѣмъ болѣе что возстаніе все разрасталось и захватило весь юго-востокъ. Не прошло однако и мѣсяца, какъ въ лагерѣ возставшихъ обнаружилась страшная рознь. Воровскіе листы Болотникова ужаснули дворянъ и мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей; они поняли, что Болотниковъ для нихъ страшнѣе Шуйскаго. Сумбуловъ и Ляпуновъ поѣхали въ Москву и принесли повинную Шуйскому. А за ними вслѣдъ и «рязанцы всѣ отъ тѣхъ воровъ отѣхаша и пріѣхаша къ Москвѣ». Подъ знаменами Болотникова остались только «боярскіе люди да казаки», какъ говоритъ лѣтописецъ. На Москвѣ ихъ прозвали «ворами». Шуйскій сталъ дѣйствовать болѣе рѣшительно. Онъ собралъ большое войско въ 100000 человекъ и выступилъ въ походъ. (въ маѣ 1607 года.). Скоро въ Москву пришли вѣсти о побѣдѣ. Болотниковъ съ войскомъ бѣжалъ и заперся въ Тулѣ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ. Шуйскій осадилъ Тулу. Послѣ двухъ мѣсяцевъ осады осажденные стали терпѣть страшный голодъ. Тогда они приступили къ Шаховскому съ вопросами: «гдѣ же вашъ Дмитрій? вы говорите, что онъ живъ и будетъ къ вамъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ, и мы погибнемъ понапрасну». Въ самомъ дѣлѣ, Дмитрія не было. Не находилось человека, который захотѣлъ бы разыграть роль Дмитрія. Но наконецъ Дмитрій объявился. Что это былъ за человекъ, никто не зналъ. Лѣтописецъ говоритъ: всѣ «воры», которые назывались царскимъ именемъ, извѣстны были многимъ людямъ, откуда который взялся. Но этого вора, который назвался разстригинымъ именемъ, отнюдь никто не зналъ, невѣдомо откуда онъ взялся». Многіе догадывались, что онъ былъ не изъ служилыхъ людей; думали, что онъ или поповъ сынъ, или церковный дьячекъ, потому что онъ зналъ весь кругъ церковный.

Этотъ невѣдомый человекъ наружностью совершенно не походилъ на убитаго Дмитрія. Онъ былъ очевидный самозванецъ, «Воръ», какъ его прозвали.

Самозванецъ объявился въ г. Стародубѣ. Стародубцы признали его царемъ и стали разсылать грамоты по другимъ городамъ, сзывая ратныхъ людей на помощь царю. Около самозванца начало собираться войско. На первыхъ порахъ войско было такъ малочисленно, что самозванецъ не посмѣлъ идти на помощь Болотникову. Голодъ заставилъ Болотникова сдаться. (Въ октябрѣ 1607 года.). Его сослали въ Каргополь и тамъ утопили. Сослали и князя Шахов-

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

ского, «всей крови заводчика». Непокорные города одинъ за другимъ царскія войска приводили къ покорности, а возставшія области умирялись съ немощною жестокостью. На казнь осуждались тысячи людей. Царь Василій приказалъ «посадить въ воду», т. е. утопить, всѣхъ воровъ, какіе пойманы въ бою. Многихъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ вернули обратно ихъ прежнимъ господамъ. Съ «ворами», которые сами повинились и били челомъ царю Василю, поступили довольно милостиво: ихъ отпустили «во свояси», на свободу, и они должны были вернуться по своимъ мѣстамъ и городамъ, каждый къ своему дѣлу: служилые люди къ своей службѣ, казаки къ казакамъ. На югъ потянулись толпы бездомовной голытьбы, озлобленной неудачей, и готовой на новую „измѣну“.

Шуйскій съ торжествомъ, довольный и успокоенный, вернулся въ Москву. Современники рассказываютъ, что царь Василій не послалъ войска въ Сѣверскую землю занять сѣверскіе города, которые были въ измѣнѣ и воровствѣ; пожалѣвъ ратныхъ людей, чтобы «ратные люди попочинули и въ домахъ своихъ побыли». Это была ошибка съ его стороны. Лѣтописецъ говоритъ: «Воръ» же слыша, что взялъ царь Василій Тулу, и побѣже на Сѣверу». Шуйскій думалъ, что время терпѣть, и онъ всегда успѣетъ справиться съ завѣдомымъ самозванцемъ, у котораго и войска то не было.

Шуйскій прекрасно понималъ соціальный характеръ только что усмиреннаго возстанія; онъ видѣлъ, что дѣло не въ Дмитріи, который даже не появился, а что стали другъ противъ друга различные классы общества—низшіе противъ высшихъ. Вырвалась наружу давнишняя вражда трудящихся массъ къ служилымъ землевладѣльцамъ, которымъ правительство передавало землю, отымая ее у крестьянъ, вырвалась ненависть безправныхъ холоповъ къ ихъ «государямъ». Желая воздѣйствовать на условія общественной жизни, которыя порождали смуту, Шуйскій, какъ только вернулся въ Москву, поспѣшилъ принять законодательныя мѣры, чтобы упорядочить отношенія крестьянъ къ помещикамъ и холоповъ къ господамъ, и уменьшить число гулящихъ людей, представлявшихъ готовую рать для возстанія и не несшихъ никакихъ платежей. 7-го марта 1607 года вышелъ указъ, которымъ воспрещалось, вопреки закону 1597 года, «въ неволю давати тѣхъ добровольныхъ холопей», которые сами не захотятъ выдать на себя служилую кабалу.

Господамъ было указано: «не держи холопа безъ кабалы ни одного дня, а держалъ безкабально и кормилъ и то у себя самъ по-

терялъ». Царь Василій приказалъ спрашивать у добровольныхъ холоповъ, на которыхъ «учнуть государи бити челомъ о кабалахъ», лишь о томъ, желаютъ ли они сами дать на себя кабалу. Если холопы заявлять, что кабалы дать на себя не желаютъ, то по царскому указу одного этого было достаточно, чтобы отказать въ искѣ ихъ господамъ. Не надо думать, что указъ вызванъ добрыми, гуманными чувствами и желаніемъ оградить интересы вольныхъ холоповъ. Нѣтъ, указъ имѣлъ цѣлю уничтожить обычай держать вольныхъ холоповъ безъ записей въ холопій приказъ и безъ формальнаго укрѣпленія, такъ какъ обычай этотъ давалъ возможность скрываться въ частныхъ домахъ великому множеству гулящаго люда. Царь Василій надѣялся, что этотъ указъ заставитъ господъ не держать холоповъ безъ кабалы, дабы не понести убытковъ. Но господа стали обходить законъ, который былъ невыгоденъ для нихъ. Въмѣсто требуемыхъ правительствомъ служилыхъ кабалъ «люди всякихъ чиновъ» стали приносить къ запискѣ въ холопій приказъ «особыя записи на вольныхъ людей, что тѣмъ вольнымъ всякимъ людямъ у тѣхъ людей служить по тѣмъ записямъ до своего живота». Такія «жилыя или житейскія записи», которыми скрѣплялся договоръ личнаго найма, должны были по закону быть срочными, писались «на урочныя лѣта» и не влекли за собою холопства нанятаго работника. Безсрочный наемъ «вольныхъ холоповъ» замѣнялъ добровольное холопство. Царь Василій указомъ 9-го марта 1608 года такія записи въ «холопыи записныя книги записывать не велѣлъ». Но царь ничего не могъ подѣлать противъ укоренившаго обычая, который поддерживался недостаткомъ рабочихъ рукъ; онъ вынужденъ былъ отмѣнить свой указъ 1607 г. и 21-го мая лично указалъ «отдавать старымъ государямъ» тѣхъ безкабальныхъ холоповъ, которые жили у владѣльцевъ не менѣе 5 лѣтъ, хотя бы такіе холопы и отказались выдать на себя кабалы добровольно. Въ томъ же году состоялся приговоръ Боярской Думы, который отмѣнилъ указъ 7-го марта 1607 года и возстановилъ дѣйствіе закона 1597 года о шестимѣсячномъ срокѣ добровольной службы.

Всего на два дня позднѣе перваго распоряженія о холопахъ, именно 9-го марта 1607 года, царь Василій въ торжественномъ совѣтственномъ заведеніи Освященнаго собора съ Боярской думой рассмотрѣлъ вопросъ о владѣльческихъ крестьянахъ и холопахъ. Текстъ этого важнаго уложенія сохранился въ испорченномъ видѣ. Соборное уложеніе 9-го марта относительно крестьянъ высказываетъ правило: «не

принимай чужого». Оно устанавливает твердо начало крестьянской крепости: крестьянин крепок тому, за кѣмъ онъ записанъ въ писцовой книгѣ; крестьянскій выходъ впредь вовсе воспрещается, и тотъ, кто принималъ чужого крестьянина, платитъ не только убытки прежнему владѣльцу вышедшаго, но и высокій штрафъ, именно 10 рублей „на царя государя, за то что принималъ противъ уложенія“. Уложеніе устанавливаетъ 15-лѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ и возлагаетъ на уѣздную администрацію обязанность разыскивать и возвращать бѣглыхъ владѣльческихъ людей подѣ угрозой тяжелой отвѣтственности за неисполненіе этой обязанности. Управители государевыхъ дворцовыхъ и черныхъ, а также и церковныхъ селъ и волостей, лично отвѣчали за пріемъ бѣглыхъ въ ихъ села и волости, а населеніе волостное и посадское платило убытки за «пожилое» владѣльцамъ бѣглыхъ людей.

Своими указами Шуйскій хотѣлъ укрѣпить на мѣстѣ и отдать подѣ надзоръ властей тѣмъ безпокойные слои населенія, которые, стремясь вырваться изъ тисковъ нужды, безправія и неволи, производили смуту. Указы эти, какъ видимъ, не только не облегчали тяжелого положенія трудовыхъ массъ, но вели къ еще большому закрѣпощенію ихъ господамъ и землевладѣльцамъ. Боярское правительство не считало нужнымъ дѣлать какія либо уступки побѣжденному врагу. А врагъ между тѣмъ не былъ раздавленъ.

ГЛАВА V.

Тушинскій воръ.

Москва кругомъ обложена ворами.

Украины все мятутся, въ людяхъ шатость.

Теперь царю народъ служилый нуженъ.

Москва пустѣетъ. Изъ приказовъ

Подъячіе бѣгутъ: купецъ изъ лавокъ...

Бѣгутъ князья, бояре, воеводы

И ратники.

Островскій. Тушино.

Успѣхи самозванца. Помощь поляковъ. Тушино. Марина въ Тушинѣ. Перелеты. Осада Троицко-Сергіевской лавры. Положеніе Шуйскаго. Поведеніе поляковъ и казаковъ въ сѣверныхъ областяхъ. Возстаніе сѣверныхъ областей противъ „Тушинскаго вора“. Мужичья рать. Договоръ Шуйскаго со шведами. Побѣда Скопина. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Распаденіе тушинскаго стана. „Тушинскіе бояре“. Договоръ 4-го февраля. 1610 года. Побѣда Скопина. Смерть Скопина. Сверженіе Шуйскаго.

Отпущенные «во свояси воры» и успѣвшіе спастись отъ погрома

отряды Болотникова стекались подъ знамена самозванца, и силы его росли. Кромѣ того самозванецъ получилъ помощь изъ Польско-Литовскаго королевства. Въ Польшѣ въ это время только что былъ усмиренъ мятежъ противъ короля Сигизмунда, поднятый недовольной шляхтой (дворянствомъ.). Нѣкоторые знатные и вліятельные польскіе паны, потерпѣвъ неудачу на родинѣ, готовы были, въ поискахъ военной славы и добычи, пристать къ самозванцу и посадить его на престолъ. Набрать въ Польшѣ войско не представляло никакого затрудненія, такъ какъ съ прекращеніемъ возстанія остались не у дѣлъ цѣлыя отряды какъ мятежниковъ, такъ и людей, сражавшихся за короля, надѣявшихся войной достать себѣ кусокъ хлѣба и пограбить. Одинъ разорившійся польскій помѣщикъ очень знатнаго происхожденія, князь Рожинскій, желая поправить свои разстроенныя дѣла, собралъ отрядъ въ 4000 чел. и, вступивъ въ предѣлы Московскаго государства, явился въ станъ Дмитрія и предложилъ ему свои услуги, командовать войскомъ. Дмитрій назначилъ Рожинскаго гетманомъ (командующимъ). Поляки прекрасно знали, что имѣютъ дѣло съ самозванцемъ, относились къ названному Дмитрію съ пренебреженіемъ, обращались съ нимъ грубо и дерзко и прозвали «царикъ». Самозванецъ поневолѣ долженъ былъ сносить ихъ наглость.

Кромѣ поляковъ въ станъ самозванца находились 3000 малороссійскихъ казаковъ подъ начальствомъ Ивана Заруцкаго, да 5000 донскихъ. Противъ Шуйскаго поднялась новая сильная «воровская» рать. Съ этой ратью самозванецъ разбилъ высланныя противъ него царскія войска и быстрымъ маршемъ двинулся къ Москвѣ. Побѣда привлекла на его сторону населеніе. Южныя области снова стали за царя Дмитрія, и самозванецъ шелъ безъ всякаго сопротивленія. Города добровольно отворяли ему ворота и выходили съ хлѣбомъ-солью встрѣчать царя Дмитрія. Приблизившись къ Москвѣ, самозванецъ расположился въ селѣ Тушинѣ въ 60 верстахъ отъ Москвы, между рѣкой Москвой, и Восточной. (лѣтомъ 1608 года.). Его войска все увеличивались новыми выходцами изъ Польши. Къ нему на помощь спѣшили съ большимъ войскомъ два знатныхъ польскихъ пана, Янъ Сапѣга и Лисовскій.

Самозванецъ очень хотѣлъ залучить въ свой станъ Марину. Для него было важно, чтобы Марина признала его своимъ мужемъ. Узнавъ, что Мнишекъ съ дочерью возвращается въ Польшу подъ сильной охраной, Дмитрій послалъ польскій отрядъ перехватить ихъ. Поляки нагнали Мнишка, задержали его и доставили въ Тушино. Долго уговаривали Марину, прежде чѣмъ она согласилась признать своимъ мужемъ завѣдомаго вора.

Самозванецъ нѣсколько разъ пытался взять Москву, но всѣ приступы были отбиты, не смотря на то, что войско его дошло почти до 100000. Приближалась зима, а Москва взята не была. Рѣшено было зимовать въ Тушинѣ. Стали рыть землянки, а для лошадей готовить стойла изъ хвороста и соломы. Продовольствіе доставляли изъ завоеванныхъ областей.

«Везли намъ чего только душа хотѣла», говоритъ одинъ изъ тушинскихъ поляковъ. «Надоѣло жить въ землянкахъ, начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обозѣ, у иного было двѣ и три избы; а въ землянкахъ устроили погреба. Среди стана построили хоромы царю, царицѣ и Мнишку, и было имъ гдѣ помѣститься просторно». Станъ Тушинскій превратился въ хорошо укрѣпленный городъ. Стало двѣ столицы—Москва и Тушино, въ Москвѣ былъ царемъ Василій Шуйскій, а въ Тушинѣ Самозванецъ.

Боясь измѣны, Шуйскій объявилъ москвичамъ: «Кто мнѣ хочетъ служить, пусть служить и сидитъ въ осадѣ; а кто не хочетъ—пусть поелѣ не бѣгаетъ, я никого не насилую».—«Мы всѣ готовы помереть», отвѣчали ему москвичи, а на другой день начался отъѣздъ отъ царя Василя къ царю Тушинскому. Современники говорятъ: «учали съ Москвы въ Тушино отъѣзжати стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и подьячіе, всякіе люди».

Отъѣхали и родственники Романовыхъ, князь Сицкій, да князь Черкасскій, да князь Трубецкой. Одни отъѣзжали изъ ненависти къ Шуйскому, другіе изъ личныхъ выгодъ. Не мало было и такихъ, которые поѣдутъ къ Дмитрію, признаютъ его царемъ, поступятъ къ нему на службу, получаютъ награду, а потомъ снова вернутся въ Москву, принесутъ повинную и съ Шуйскаго требуютъ награды за то, что «отстали отъ измѣны», имѣя при этомъ ввиду снова отъѣхать къ самозванцу. Такихъ перебѣжчиковъ звали «перелетами».

Тушинцы, нѣсколько разъ отбитые Шуйскимъ, убѣдились, что Москвы имъ не взять приступомъ, и рѣшили обложить столицу со всѣхъ сторонъ и извести жителей изморомъ, перехвативъ всѣ главныя дороги, по которымъ доставлялись съѣстные припасы. Всѣ южныя дороги были въ рукахъ самозванца, оставалось завладѣть сѣверными. Янъ-Сапѣга обогнулъ Москву и осадилъ Троицко-Сергіевскій монастырь, (1608 году.). Къ нему присоединился Лисовскій съ 6000 казаковъ и разнаго сброда русскихъ людей съ Украйны. Монастырь представлялъ изъ себя сильную крѣпость, которую необхо-

димо было занять, чтобы открыть доступъ въ сѣверныя области Московскаго государства. Въ монастырѣ кромѣ трехъ тысячъ ратныхъ людей и монаховъ скопилось много дѣтей и женщинъ, такъ какъ сюда стеклись окрестные жители со своими семействами. Поляки надѣялись легко овладѣть монастыремъ, но всѣ ихъ приступы были отбиты. Осажденные ежедневно дѣлали вылазки, монахи помогали ратнымъ людямъ. Съ наступленіемъ зимы сидѣть въ осадѣ стало трудно. Всѣ столпились въ кельяхъ; тѣснота была невыносимая, и отъ тѣсноты начались болѣзни. Не хватало топлива, чувствовался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ. Начались ссоры и раздоры между ратными людьми и монахами. Но монастырь упорно держался, не смотря на то, что до осажденных доходили тревожные слухи объ успѣхахъ самозванца. Смута быстро двигалась на сѣверъ отъ Москвы, перекинулась и за Волгу, и скоро власть самозванца распространилась на Новгородскую и Псковскую область, на области Замосковныя и на Заволжье. «Грады всѣ Московскаго государства отъ Москвы отступивша», говоритъ лѣтописецъ. Шуйскому остались вѣрны только Поморье да города отъ литовской границы. Положеніе царя Василя было отчаянное, тѣмъ болѣе, что онъ остался въ осадѣ почти безъ войска. Дворяне новгородскіе, псковскіе и сѣверныхъ заволжскихъ областей, которые сидѣли съ нимъ въ Москвѣ, разошлись по домамъ. Царь пробовалъ было ихъ унимать, даже къ кресту приводилъ, но они его не послушались. «Нашимъ домамъ отъ Литвы и отъ русскихъ воровъ быть разоренными», оправдывались они. Съ царемъ Василемъ остались только рязанскіе дворяне, да и то не изъ преданности, а по необходимости: когда возобновилась смута на Украинѣ, рязанскіе дворяне отослали въ Москву семьи свои, «чтобы въ воровской приходъ женамъ и дѣтямъ въ осадное время, будучи въ осадѣ, какого утѣшенія не учинилось». Не думали они, не гадали, что «осадное утѣшеніе» учинится имъ въ самой Москвѣ. Шуйскій разослалъ по городамъ грамоты, приказывая собраться служилымъ людямъ и грозя жестокими наказаніями за «нѣтство». Но служилые люди собирались туго. Шуйскаго выручило изъ бѣды поведеніе Поляковъ и казаковъ въ признавшихъ самозванца областяхъ.

Поляки требовали у самозванца жалованье; у Дмитрія денегъ не было, онъ просилъ подождать, пока возьметъ Москву, но ждать поляки не хотѣли. Они заставили самозванца дать имъ грамоты на право сбора продовольствія и денегъ для тушинскаго войска въ по-

корившихся сѣверныхъ городахъ и областяхъ. Разѣхались въ разныя стороны польскіе паны; за каждымъ паномъ слѣдовала толпа буйныхъ слугъ. Поляки брали съ жителей, что хотѣли; если имъ не давали добромъ, они отымали силой. Они врывались въ дома знатныхъ людей, въ лавки купцовъ, гдѣ брали товаръ безъ денегъ. Въ Ярославль, на примѣръ, богатый торговый городъ, посланъ былъ государевъ стряпчій «для всякихъ товаровъ», и у гостей лавки и всякіе товары запечаталъ, отчего въ Ярославлѣ «добрѣ стали скорбѣть». Съ городовъ и уѣздовъ собирали на новаго государя большіе поборы деньгами и продуктами. Не довольствуясь тѣмъ, что обирали жителей, поляки еще всячески безчинствовали, издѣваясь надъ русскими людьми, оскорбляли женщинъ и дѣвушекъ, нападали на церкви и монастыри, вымогали у монаховъ деньги, обдирали ризы съ иконъ, забирали священные предметы. Еще больше поляковъ свирѣпствовали казаки. Въ приверженцахъ Шуйскаго казаки видѣли своихъ личныхъ враговъ, которыхъ надо истреблять.

Вотъ какія жалобы посылали тушинскому царю его подданные: «царю-государю великому князю Дмитрію Ивановичу всея Руси бьютъ челомъ и кланяются сироты твои, государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянщики. Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воинскихъ людей; лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами и жжены и мучены, а дворишки наши всѣ выжжены; а что было хлѣбца ржаного, и тотъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолостили и развезли. Мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить-ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертію».

Изъ другого мѣста писали: «пріѣзжаютъ къ намъ ратные люди литовскіе, и татары, и русскіе люди, бьютъ насъ, и мучать, и животы грабятъ».

А города жаловались, что «тушинцы, которые города возьмутъ за щитомъ (т. е. силою), или хотя эти города и волею крестъ поцѣлуютъ, то всѣ города отдають панамъ на жалованье въ вотчины, какъ прежде удѣлы бывали».

Какъ только поняли жители сѣвера, что самозванецъ «Воръ» и окруженъ ворами, своими и чужими, отъ которыхъ пошады не жди, такъ сразу во многихъ мѣстахъ вспыхнуло противъ Тушинцевъ возстаніе. Въ иныхъ городахъ первыми поднялись «черные люди», т. е. тяглые посадскіе и «начаша собиратися по городамъ и по волостямъ и выбирать предводителей». Первыми поднялись го-

рода Галицкаго края, которые цѣловали другъ другу крестъ «за одинъ умереть». Въ Галичѣ сошлось «собранье великое ратныхъ людей», ополченіе, состоящее какъ изъ тяглыхъ людей, такъ и изъ Галицкихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. На сѣверѣ, какъ мы говорили, служилыхъ помѣщиковъ было мало, сохранились въ цѣлости свободныя податныя общины, посадскія и сельскія, и между служилыми и тяглыми людьми не было той розни и взаимной вражды, какая такъ рѣзко проявлялась въ южныхъ областяхъ. Изъ ополченія тяглыхъ людей писали жителямъ одного уѣзда, которые боялись ополченцевъ: «вы смущаетесь для того, что будто дворянъ и дѣтей боярскихъ черные люди побиваютъ и дома ихъ разоряютъ: а здѣсь, господа, черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ чтятъ и позору имъ никакого нѣтъ».

Такъ какъ сѣверное ополченіе составилось главнымъ образомъ изъ тяглыхъ посадскихъ людей и крестьянъ, то сѣверную рать тушинцы прозвали «мужичьей». Галицкое ополченіе двинулось къ Костромѣ. Кострома отложила отъ «Вора», костромичи присоединились къ Галичанамъ и вмѣстѣ пошли къ Ярославлю. Двинулись отряды ополченцевъ и изъ Вологды. Сапѣга послалъ войска противъ галичанъ; пошелъ на нихъ и Лисовскій съ 2000 казаковъ и нѣсколькими ротами «большихъ пановъ». Какъ увидѣли дѣти боярскіе, галицкіе и костромскіе, что у поляковъ силы большія, и справиться съ ними не легко, такъ и измѣнили «мужикамъ», боясь отъ польскихъ отрядовъ раззоренія своимъ домамъ и помѣстьямъ и гибели семьямъ; отставъ отъ мужиковъ, они соединились съ Лисовскимъ. Въ концѣ 1608 и началѣ 1609 года литовскіе люди и русскіе воры разбили городское ополченіе, и заняли Кострому и Галичъ съ уѣздомъ. Остатки разбитыхъ ополченій, «остальцы», какъ они себя называли, попрятались въ лѣсахъ. Послѣ этой неудачи возстаніе разгорѣлось сильнѣе прежняго. Поморскіе города стали собирать ратниковъ на помощь разбитымъ Галицкимъ и Костромскимъ дружинамъ.

Поднялись также Владимірскія мѣста и Суздальскія, лежавшія между Волгою и Окою на рѣкѣ Клязьмѣ. Въ этихъ областяхъ народное движеніе имѣло нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ Заволжьѣ. Въ этомъ краю между посадскимъ и сельскимъ населеніемъ не было такой тѣсной связи, какъ на сѣверѣ за Волгой, потому что здѣсь было развито служилое землевладѣніе. Кромѣ того всѣ большіе города находились въ рукахъ тушинцевъ. Когда начались грабежи и насилія тушинцевъ, то отъ «великихъ денежныхъ сборовъ учини-

лася смута великая», и «мужики заворовалися противъ вора», мужики т. е. крестьяне дворцовыхъ, боярскихъ и монастырскихъ сель; они стали собираться въ отряды, выбрали вожаковъ и начали борьбу съ тушинцами. Центромъ борьбы въ этой мѣстности сталъ Нижній-Новгородъ. Изъ Тушина были посланы новые отряды для усмирения возставшихъ, но возстаніе все разрасталось. Съ обѣихъ сторонъ творились звѣрскія жестокости. «Камень бы заплакалъ о тогдашнихъ бѣдствіяхъ земли Московской», говоритъ очевидецъ. Не одинъ разъ отряды самозванца побивали «мужиковъ», которые были неискусны въ бою. Но мужицкое ополченіе вошло въ сношенія съ княземъ Михайломъ Васильевичемъ Скопиномъ-Шуйскимъ, котораго царь Василій въ серединѣ 1608 года отправилъ въ Новгородъ для заключенія договора со шведскимъ королемъ Карломъ.

Шведскій король уже давно хотѣлъ вмѣшаться въ Московскія дѣла «для земельнаго обогащенія шведской короны». Онъ нѣсколько разъ предлагалъ Шуйскому свою помощь. Шведскіе послы дожидались на границѣ русскихъ пословъ для переговоровъ. Но Шуйскій надѣялся собственными силами справиться съ самозванцемъ и гордо отвергалъ эту помощь. «У великаго государя нашего много рати собственныя его государевы всегда готовы», говорили русскіе послы шведскимъ. Но когда собственныя рати великаго государя были побиты, а самозванецъ застѣлъ въ Тушинѣ, Шуйскій послалъ Скопина въ Новгородъ для переговоровъ со шведами. Въ февралѣ 1609 года Скопинъ заключилъ договоръ со шведскимъ королемъ. Шведы дорого продали свою помощь: они потребовали уступки Корелы со всѣмъ уѣздомъ. За это шведскій король далъ въ распоряженіе русскаго правительства наемное войско въ 1000 человекъ. Скопинъ изъ Новгорода давалъ совѣты и указанія сѣверному ополченію «какъ съ нечестивыми драться», и послалъ подмогу въ Вологду, двухъ воеводъ съ отрядомъ. Весною Скопинъ со шведскимъ войскомъ и собранными ратными людьми выступилъ къ Москвѣ. Самозванецъ выслалъ ему на встрѣчу часть своего войска, поляковъ и казаковъ; войско это было разбито Скопинымъ. Побѣда Скопина напугала Самозванца, и «Воръ» писалъ Яну-Сапѣгѣ, чтобы бросалъ онъ осаду Троицкаго монастыря и спѣшилъ бы скорѣе къ нему на помощь въ Тушино. «Вора» ждалъ еще новый ударъ. Договоръ со шведами вызвалъ войну съ Польшей; польскій король Сигизмундъ двинулся къ границамъ Московскаго государства и осадилъ городъ Смоленскъ. Изъ подъ Смоленска король отправилъ пословъ въ тушинскій станъ уговаривать поляковъ при-

стать къ королю, такъ какъ имъ гораздо приличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ «Вору», и кромѣ того они должны подумать объ интересахъ Польши. Король общалъ имъ щедрыя награды изъ московской казны, когда съ ихъ помощью возьметъ Москву. Поляки были очень недовольны походомъ Сигизмунда; они считали, что король вырываетъ у нихъ изъ рукъ добычу. Тѣмъ не менѣе Рожинскій вступилъ въ переговоры съ королевскими послами. Съ самозванцемъ поляки совсѣмъ перестали считаться, въ глаза называли его обманщикомъ и мошенникомъ. Когда самозванецъ спросилъ Рожинскаго, зачѣмъ пришли королевскіе послы, Рожинскій грубо ему отвѣтилъ: «а тебѣ что за дѣло. Чертъ знаетъ, кто ты таковъ. Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ». Напуганный самозванецъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, тайкомъ бѣжалъ изъ Тушина въ Калугу. Калуга находилась въ прямомъ сообщеніи съ казачьимъ югомъ и была сильной крѣпостью, такъ что представляла для самозванца надежное убѣжище.

Тушинскій станъ распался. Казаки остались вѣрны самозванцу и перешли изъ Тушина въ Калугу къ нему на службу. Поляки раскололись на двое: одни отправились подъ Смоленскъ къ Сигизмунду, другіе не хотѣли служить ни «Вору», ни королю, и, покинувъ Тушино, выжидали, что будетъ, и грабили. Русскіе люди большихъ чиновъ, такъ называемые «тушинскіе бояре», не хотѣли ни отъѣхать къ «Вору», ни вернуться къ Шуйскому. Во главѣ этихъ тушинцевъ стоялъ митрополитъ Филаретъ, который въ октябрѣ 1608 года былъ захваченъ въ плѣнъ войсками «Вора»; про Филарета современники говорятъ: «разуменъ сый и не преклонися ни на десно, ни на лѣво, но пребысть твердо въ правой вѣрѣ». Филаретъ согласился даже стать въ Тушинѣ патріархомъ. Въ тушинскомъ станѣ были и довольно знатные бояре княжеской породы: князь Шаховской, князь Черкасскій, князь Трубецкой, всѣ по женамъ своимъ находившіеся въ родствѣ съ Романовыми. Но эти князья не принадлежали къ высшему родовитому боярству, они составляли знатъ дворцовую, выдвинувшуюся при послѣднихъ царяхъ. Тушино давало пріютъ тѣмъ боярамъ, которые терпѣли отъ кружка бояръ «великой породы», посадившаго Шуйскаго на престолъ. Кромѣ бояръ при дворѣ самозванца были и люди совсѣмъ «худородные», которыхъ «Воръ» возвысилъ за службу ихъ и преданность, однихъ сдѣлавъ боярами, другихъ думными дворянами. Тушинскіе бояре завели переговоры съ Сигизмундомъ, чтобы дать онъ на царство сына своего королевича

Владислава, и послали подъ Смоленскъ въ королевскій станъ посольство. Во главѣ посольства стоялъ бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ. Его сопровождало нѣсколько дворянъ столичныхъ да нѣсколько большихъ дьяковъ московскихъ приказовъ. Русскіе послы пріѣхали къ Сигизмунду. Михаилъ Глѣбовичъ прочиталъ королю грамоту отъ лица всего русскаго народа; въ грамотѣ короля просили отпустить на царство королевича Владислава, при чемъ указывалось, что необходимо сохранить православіе и стародавній московскій порядокъ. Прочитавъ грамоту, Салтыковъ съ «плачемъ» повторилъ о нерушимомъ сохраненіи православія и выражалъ надежду, что король увеличитъ вольности и права московскаго народа. 4-го февраля 1610 года былъ посольствомъ заключенъ договоръ съ польскимъ королемъ, въ которомъ излагались условія избранія Владислава на московскій престолъ. Сигизмундъ этотъ договоръ, «листъ статейный», по московскому выраженію, тотчасъ распространилъ въ своемъ Польско-Литовскомъ королевствѣ и въ Московскомъ государствѣ, и даже въ Москву «за своею рукою и за печатью къ боярамъ прислалъ». Въ договорѣ прежде всего обезпечивается неприкосновенность русской православной вѣры. Договоръ обязываетъ короля и его сына никого «не отводить отъ греческой вѣры въ римскую и ни въ какую другую, потому что вѣра есть даръ Божій и ни совращать силой, ни притѣснять за вѣру не годится; русскій воленъ держать русскую вѣру, ляхъ ляхскую». Затѣмъ въ договорѣ опредѣляются права всего народа и отдѣльныхъ его классовъ, и права, ограждающія личную свободу каждого подданнаго отъ произвола власти. Произволъ власти это была наболѣвшая язва русской жизни, и договоръ обращаетъ особое вниманіе на водвореніе въ государствѣ законности. *Всѣ судятся по закону, никто не наказывается безъ суда*; договоръ требуетъ чтобы «не сыскавъ вины и не осудивъ судомъ съ бояры всѣми», никого не карать. Отвѣтственность за вину политическаго преступника не падаетъ на его невинныхъ братьевъ, жену и дѣтей, не ведетъ къ конфискаціи ихъ имущества. Такъ какъ договоръ составляли лица, достигшіе власти и положенія личною выслугою «Вору», то они поставили «выслугу» рядомъ «съ отечествомъ». Владиславъ обязанъ «большихъ чиновъ людей не понижать, а малочиновныхъ возвышать по заслугамъ». Владиславъ «никого по неволѣ» не долженъ «водить» изъ Московскаго государства въ Литву и Польшу, но для «науки вольно каждому» ѣздить изъ Москвы въ другія христіанскія государства; купцамъ русскимъ для торговъ будетъ

открыть путь «до чужихъ земель черезъ Польшу и Литву». Договоръ обязываетъ Владислава блюсти и расширять по заслугамъ права и преимущества духовенства, думныхъ и приказныхъ людей, столичныхъ и городскихъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и торговыхъ людей. Но „*мужикамъ-крестьянамъ*“ *король не долженъ позволять переходъ ни изъ Руси въ Литву, ни изъ Литвы въ Русь, а также и между русскими людьми всякихъ чиновъ т. е. между землевладельцами. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, а „вольности имъ государь давать не будетъ“.*

Договоръ устанавливаетъ порядокъ верховнаго государственнаго [управленія. Государь дѣлитъ свою власть съ двумя учрежденіями: Земскимъ соборомъ и Боярской Думой. Боярская Дума вся входила въ составъ земскаго собора, почему соборъ названъ въ договорѣ «Думою Бояръ и всея земли». Исправленіе и дополненіе суднаго обычая и Судебника зависятъ отъ «бояръ и всей земли», а государь даетъ на то свое согласіе. Обычай и Судебникъ, по которымъ отправлялось тогда московское правосудіе, имѣли силу основныхъ законовъ, значитъ земскому собору договоръ придавалъ учредительный характеръ. Земскому собору предоставлялся и законодательный починъ: если патріархъ съ освященнымъ соборомъ, боярская дума и всѣхъ чиновъ люди будутъ бить челомъ государю о предметахъ, непредусмотрѣнныхъ въ договорѣ, «государю рѣшать возбужденные вопросы съ Освященнымъ Соборомъ, боярами и со всей землей по обычаю Московскаго государства». *Боярская дума имѣетъ законодательную власть; вмѣстѣ съ ней государь ведетъ текущее законодательство, издаетъ обыкновенные законы. Вопросы о налогахъ, о жалованьи служилымъ людямъ, объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, рѣшаются государемъ съ боярами и думными людьми. Безъ согласія думы государь не вводитъ новыхъ податей и вообще никакихъ переменъ въ налоги, установленныхъ прежними государями. Дума принадлежитъ и высшая судебная власть: «безъ слѣдствія и суда со всѣми боярами» государю никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не ссылать, въ чинахъ не понижать.*

Договоръ 4-го февраля 1610 года это настоящая конституція, которая и устанавливаетъ порядокъ верховнаго управленія, ограничивая царскую власть двумя высшими учрежденіями, Боярской Думой и Земскимъ Соборомъ, и обезпечиваетъ права подданныхъ.]

Распаденіе тушинскаго стана облегчало задачу Скопина, которому приходилось теперь только раздѣлаться съ Сапѣгой, который, снявъ

осаду Троицы, вышелъ къ нему навстрѣчу. Скопинъ разбилъ Сапѣгу и вошелъ въ Москву. Шуйскій устроилъ племяннику торжественную встрѣчу. Народъ смотрѣлъ на Скопина, какъ на своего избавителя, падалъ передъ нимъ на колѣни, со слезами билъ челомъ и благодарилъ его за то, что онъ очистилъ государство. Въ Тушинѣ осталось много запасовъ, которые были отправлены въ Москву, и въ Москвѣ начались пиры и веселіе. Скопинъ собирался идти на выручку Смоленска, но неожиданно захворалъ и скончался. Народъ горько оплакивалъ своего любимца, въ которомъ видѣлъ преемника бездѣтному Шуйскому. Пошла молва, что Скопина извѣлъ братъ царя, Дмитрій Шуйскій, который самъ мѣтилъ на престолъ и видѣлъ въ племянникѣ опаснаго соперника.

Въ Москвѣ Шуйскаго не любили и не почитали; въ немъ видѣли «самоизбраннаго царя», который захватилъ власть самовольно; его осуждали за самоуправство и жестокости. По рассказамъ современниковъ, Шуйскій напоминалъ гонимаго звѣря, который «хапалъ обоюду не вѣдая что»: безъ разбора хваталъ онъ и правыхъ и виноватыхъ, «убивая» ихъ, предавая «смертному суду», никому не довѣряясь, но вѣря доносамъ и слушая тѣхъ, кто хотѣлъ служить ему языкомъ. «Во дни его всяка правда усне, и судъ истинный не бѣ». Бояре, которые посадили Шуйскаго на престолъ, ссорились между собой, «другъ друга ненавидяху и другъ другу завидоваху». По Москвѣ ходили слухи, что князь Голицынъ хочетъ царства для себя и ведетъ козни противъ царя Василя. Московское населеніе, «чернь московская», измученная осадой и лишеніями, волновалась, не разъ бросалась къ Кремлю и къ царскому дворцу, подымая открытый мятежъ, чтобы «царя Василя перемѣнить». Послѣ смерти Скопина Шуйскій послалъ подъ Смоленскъ своего брата Дмитрія Шуйскаго. Бездарный воевода Дмитрій Шуйскій «изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися», будучи разбитъ на голову подъ селомъ Клушиномъ, возлѣ Гжатска, польскимъ гетманомъ Жолгѣвскимъ. Это пораженіе рѣшило судьбу Шуйскаго. Служилые люди разбѣжались по своимъ городамъ и деревнямъ и въ Москву не вернулись, хотя Шуйскій и посылалъ за ними. Шуйскій остался безъ войска. Жолгѣвскій приближался къ Москвѣ, захватывая по дорогѣ города и заставляя ихъ присягать Владиславу. И «царикъ» пріободрился; онъ приманилъ къ себѣ деньгами войско Сапѣги, тоже двинулся къ Москвѣ и остановился совсѣмъ вблизи столицы, въ селѣ Коломенскомъ. Правители «Вора» вошли въ сношенія съ жителями Москвы. Они говорили москвичамъ:

„вы убо оставьте своего царя Василия, а мы также своего оставимъ, и изберемъ вкупѣ всю землю царя и станемъ обще на Литву». Москва взволновалась. Во всѣхъ бѣдахъ москвичи обвиняли Шуйскаго. «Быль мятежъ великъ во всѣхъ людяхъ. Подвигошася на царя».

Рязанскій воевода Захаръ Ляпуновъ со своими рязанскими дворянами собралъ народъ за Москву рѣку. Привели и патриарха. Здѣсь бояре, и дворяне, и гости и всякіе люди рѣшили «ссадить царя» и приговорили идти къ нему и «бить челомъ государю царю Василию Ивановичу, чтобы онъ государь царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ; и города украинскіе, которые отступили къ «Вору», его государя на царство не хотятъ». Въ заговорѣ противъ Шуйскаго принималъ участіе и митрополитъ Филаретъ, который былъ захваченъ войсками Шуйскаго и доставленъ въ Москву, и князь Василий Голицынъ. Шуйскому ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться требованію мятежниковъ. Онъ выѣхалъ изъ дворца въ свой прежній боярскій домъ. Тушинцы обманули москвичей; они не свергли своего «царика», а предложили Москвѣ признать его царемъ. Тогда патриархъ Гермогенъ «началъ молить народъ, дабы снова возвести царя». И самъ Шуйскій принималъ мѣры, желая съ помощью стрѣльцевъ вернуть свою власть. Заводчики мятежа, чтобы лишить низвергнутаго царя возможности снова вернуться во дворецъ, насильствомъ постригли его въ монахи. Старикъ упорно сопротивлялся, говорилъ, что не хочетъ постригаться и не хотѣлъ произносить обѣтовъ. Но его держали во время обряда, за него произносили монашескіе обѣты, а послѣ постриженія отвезли въ Чудовъ монастырь. (1610 году.).

ГЛАВА VI.

Боярское правленіе.

Семибоярщина. Положеніе Московскаго государства. Договоръ 17-го августа объ условіяхъ избранія польскаго королевича Владислава русскимъ царемъ. Посольство подъ Смоленскъ къ Сигизмунду. Поляки въ Москвѣ. Распаденіе боярскаго правительства. Приемъ Московскаго посольства Сигизмундомъ. Замыслы Сигизмунда. Смерть Тушинскаго „Вора“. Патриархъ Гермогенъ и его грамоты. Первое земское ополченіе. Союзъ съ „воровской казацкой ратью“. Сожженіе Москвы поляками. Осада Кремля. Судьба посольства. Взятіе Смоленска. Рознь въ земскомъ ополченіи. Троеначальники. Приговоръ 30-го іюня 1611 года. Убіиство Ляпунова. Разбродъ земскаго ополченія.

Царя не было. Москвичи присягнули боярамъ, прося ихъ «за

Московское государство стояти, и насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити, и государя на Московское государство выбратьъ съ нами, со всякими людьми, всюю землею, сослався съ города». Государственная власть перешла къ Боярской думѣ, въ которой осталось къ этому времени всего семь бояръ, почему періодъ этого боярскаго правленія называется «семибоярщиной». Въ Думѣ «седмочисленныхъ бояръ» сошлись бояре-княжата изъ родовитаго кружка Шуйскаго со старымъ княземъ Мстиславскимъ во главѣ и представители московскаго нетитулованнаго боярства, дворцовой знати.

Не въ добрый часъ попала власть въ боярскія руки. «Московскому государству съ обѣихъ сторонъ было тѣсно», ему грозило иноземное завоеваніе. Сама Москва находилась между двухъ огней. Въ Можайскѣ стоялъ польскій гетманъ Жолкѣвскій, грозилъ занять столицу, и требовалъ, чтобы присягали Владиславу. Въ Коломнѣ расположился Лжедмитрій. Самозванецъ имѣлъ много сторонниковъ въ самой Москвѣ среди низшихъ слоевъ населенія, но бояре и «лучшіе люди», т. е. высшіе слои, не могли и подумать признать царемъ «Вора» и «холопскаго царя». По свидѣтельству современника, «добрые, зажиточные граждане говорили: лучше ужъ служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей или въ вѣчной неволѣ у нихъ мучиться».

Бояре пытались созвать земскій соборъ. Извѣщая города о сверженіи Шуйскаго, они въ грамотахъ писали, чтобы «города прислали въ Москву изъ всѣхъ чиновъ выбрать по человѣку и къ намъ отписали». Но попытка созвать земскій соборъ не удалась; время было тревожное, опасное, на зовъ бояръ города не отзывались, и «никакіе люди въ Москву не бывали». Захаръ Ляпуновъ со своимъ дворянами стремился посадить на престолъ князя Василя Голицына, но встрѣтилъ отпоръ со стороны бояръ, которые послѣ неудачнаго царствованія Шуйскаго не хотѣли больше избирать царя изъ своей среды и не допустили провозглашенія Голицына царемъ. Бояре знали о договорѣ, который заключили тушинцы съ королемъ Сигизмундомъ и имѣли время его обсудить и оцѣнить. Они порѣшили, что нѣтъ лучшаго выхода, какъ избрать королевича Владислава, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе. Спросили мнѣнія патріарха Гермогена, и патріархъ сказалъ боярамъ: «если крестится, и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я васъ благословляю. Если же не крестится, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной христіанской вѣрѣ, и да не будетъ на васъ нашего благословенія».

Бояре вступили въ переговоры съ гетманомъ Жолѣвскимъ. Московскіе послы говорили гетману: «люди Московскаго государства только и желаютъ, чтобы имѣть государемъ королевича Владислава, и надѣются, что подѣ его правленіемъ снова наступитъ золотое время для Московскаго государства; но необходимо, чтобы королевичъ принялъ православную вѣру». Гетманъ отвѣчалъ, что безъ наказа королевскаго никакъ не можетъ на это согласиться. Переговоры затянулись, и только 17-го августа подписанъ былъ договоръ. Договоръ 17-го августа не былъ повтореніемъ договора 4-го февраля, заключеннаго тушинскими боярами. Правда, большая часть статей осталась безъ перемѣны, но инныя были опущены, инныя прибавлены вновь. Первостепенные бояре, которые составляли договоръ, вычеркнули статью о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ, замѣнивъ ее новымъ условіемъ, чтобы «московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать». Высшее боярство зачеркнуло и статью о правѣ московскихъ людей выѣзжать въ чужія христіанскія государства для науки. Московская родовитая знать считала это право слишкомъ опаснымъ для стародавнихъ московскихъ порядковъ и обычаевъ. Вопросъ о принятіи царевичемъ православія въ договорѣ рѣшенъ не былъ, а предоставленъ на волю короля.

Когда договоръ былъ подписанъ, москвичи присягнули королевичу. По городамъ разосланы были грамоты съ приказомъ присягать Владиславу. Бояре знали, что русскій православный народъ не захочетъ имѣть царя иной вѣры, а потому въ грамотѣ писали: «Москва цѣловала крестъ королевичу Владиславу на томъ, что ему государю быть въ нашей православной христіанской вѣрѣ греческаго закона».

Немедленно послѣ заключенія договора отправлено было посольство къ королю Сигизмунду подѣ Смоленскъ. Послами были патріархъ Филаретъ отъ Освященнаго собора, и отъ Боярской Думы по одному человѣку отъ каждаго думскаго чина, съ княземъ Голицынымъ во главѣ. Пословъ сопровождала многочисленная свита изъ московскихъ дворянъ, изъ дворянъ городовыхъ, и изъ приказныхъ людей. Посламъ былъ данъ строгій наказъ непремѣнно добиться, чтобы Владиславъ принялъ православіе еще до пріѣзда въ Москву, и чтобы женился на православной. Между тѣмъ простой народъ былъ недоволенъ выборомъ иноземца и по прежнему тяготѣлъ къ самозванцу. На третій день по крестномъ цѣлованіи начались отъѣзды изъ Москвы къ «Вору». Бояре боялись, что народъ взволнуется и впуститъ са-

мозванца въ столицу. Чтобы помѣшать этому, они просили Жолгѣвскаго занять Москву. Жолгѣвскій очень обрадовался такому предложенію, вошелъ въ Москву и расположился со своимъ войскомъ въ Кремль, Бѣломъ-городъ и Китай-городъ. Для продовольствія польскаго войска, кромѣ денегъ изъ царской казны, бояре назначили каждой ротѣ для кормленія какой нибудь городъ съ волостями. Такъ бояре своими руками отдали Москву полякамъ. Жолгѣвскій старался не раздражать москвичей; онъ держалъ поляковъ въ рукахъ, не позволяя имъ грабить и обижать московскихъ людей; на первыхъ порахъ москвичи жили съ поляками довольно мирно, хотя взаимнаго довѣрія и не было: жили «съ дружбою на словахъ и съ камнемъ за пазухой». Но Жолгѣвскій не долго оставался въ Москвѣ. Онъ получилъ грамоту отъ короля Сигизмунда, въ которой король увѣдо, мляя его, что не находитъ возможнымъ отпустить сына на царство-а хочеть самъ быть русскимъ царемъ; король предлагалъ гетману устроить это дѣло. Жолгѣвскій понималъ, что устроить такое дѣло невозможно, русскіе люди ни за что не захотятъ признать царемъ Сигизмунда, а какъ только намѣренія короля станутъ извѣстны, въ Москвѣ неминуемо вспыхнетъ возстаніе. Жолгѣвскій не хотѣлъ принимать участіе въ задуманномъ королемъ предпріятіи и спѣшилъ покинуть Москву. Уѣзжая, Жолгѣвскій назначилъ на свое мѣсто Гонсѣвскаго (1610 г.). Послѣ отъѣзда Жолгѣвскаго поляки стали своевольничать въ Москвѣ. Гонсѣвскій ихъ не только не унималъ, но и самъ распоряжался самовластно, не слушая боярскаго приговора. Король Сигизмундъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто былъ уже русскимъ царемъ. Онъ послалъ въ Москву тушинскихъ бояръ, которые «прежъ всѣхъ» пріѣхали на королевскую службу, и имъ поручилъ управленіе Московскимъ государствомъ. Дума Боярская была отстранена отъ дѣлъ. Московскіе бояре горько жаловались, что «королевичъ Владиславъ еще и въ Москвѣ не бывалъ, а у насъ у всѣхъ честь отнялъ. Со Мстиславскаго, и съ товарищи, и съ насъ всѣ дѣла посянаты. Прислалъ въ Москву съ Гонсѣвскимъ московскаго государства измѣнниковъ, самыхъ худыхъ людей: торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ. И подавалъ имъ окольниковство, казначейство, думное дворянство. Ужъ не было въ худыхъ никого, кто бы отъ государя вашего думнымъ не звался». На всѣ должности были назначены «вѣрники» Сигизмунда, а «похлѣбцевъ» Шуйскаго «отогнали прочь». Нѣкоторыхъ самыхъ вліятельныхъ бояръ Гонсѣвскій посадилъ «за приставы», т. е. подъ арестъ, обвиняя ихъ въ сноше-

Смутное время на Руси.

ніяхъ съ «Воромъ», а другіе чувствовали себя «все равно, что въ плѣну» и дѣлали то, что приказывалъ имъ Гонсѣвскій. Отъ имени бояръ составлялись грамоты, боярамъ приказывали руки прикладывать, и они прикладывали. На глазахъ бояръ «измѣнники» распоряжались царскою казною и продавали ее, а бояре лишь только «сидѣли да смотрѣли». «Богъ видитъ сердца наши», говорили потомъ бояре, «въ то время мы всѣ живы не были». Такъ безславно распалось боярское правительство, и власть окончательно перешла въ руки поляковъ и тушинскихъ бояръ. (Въ концѣ 1610 года.). Вмѣсто того чтобы стать правящимъ классомъ не по стародавнему только обычаю, какъ было при царяхъ старой династіи, а на основаніи договора, «по праву», на что рассчитывали бояре, избирая Владислава, они попали въ неволю къ королю польскому. Это былъ для бояръ жестокій ударъ, который навсегда погубилъ политическое значеніе боярства и Боярской Думы. Современники пишутъ: «оскудѣша премудрые старцы и изнемогша чудные совѣтники».

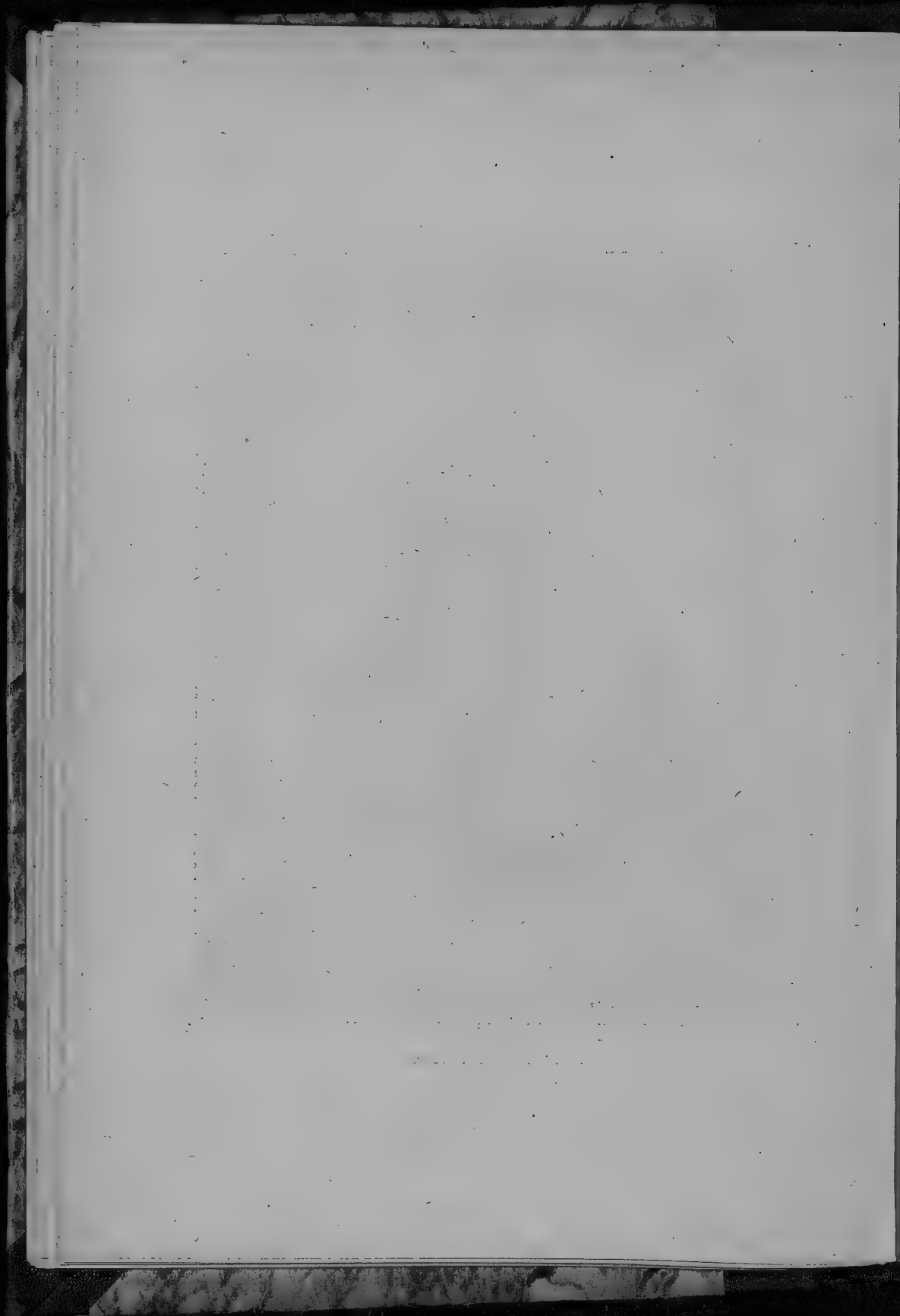
А тѣмъ временемъ московское великое посольство, въ которомъ было 1250 человекъ свиты да 4000 слугъ, прибыло подъ Смоленскъ. Послы представились королю и били ему челомъ, чтобы отпустилъ сына своего на царство Московское и освободилъ Смоленскъ. Посламъ отвѣтили, что королю нельзя отступать отъ Смоленска и вывести войско изъ Московскаго государства, потому что онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы успокоить это государство, истребить «Вора», очистить города, а потомъ дать сына на престолъ московскій. Относительно принятія Владиславомъ православія и брака съ православной, король отвѣчалъ: «въ вѣрѣ королевича и женидбѣ воленъ Богъ да онъ самъ».

Польскіе паны говорили посламъ: «потѣшьте короля, сдѣлайте, чтобы смоляне королю крестъ цѣловали. Вы королевича называете своимъ государемъ, а короля отца его безчестите. Что стоитъ вамъ поклониться его величеству Смоленскомъ, которымъ онъ хочетъ овладѣть не для себя, а для своего сына». Послы на это отвѣчали: «свидѣтельствуемся Богомъ, что у насъ объ этомъ ничего въ наказѣ не написано, и мы никогда не согласимся, чтобы намъ какимъ городомъ Литвы и Польшы поступиться».

Извѣстія о томъ, какъ ведутъ себя поляки въ Москвѣ и ея окрестностяхъ и какъ поступаютъ съ послами русскими подъ Смоленскомъ, распространились по городамъ, и повсюду вызывали негодованіе. Русскіе люди начали понимать, что Сигизмундъ только хитритъ и проводитъ время, а на самомъ дѣлѣ хочетъ воспользоваться бѣдствен-

Патріархъ Гермогенъ.

нымъ положеніемъ Русскаго государства, овладѣть имъ и присоединить къ Польшѣ. Многіе города уже стали пересылаться грамотами, чтобы имъ признать самозванца. Но едва начались эти переговоры, какъ самозванецъ былъ предательски убитъ изъ мести. (11 декабря 1610 года). Смерть «Вора» измѣнила положеніе дѣла. Многіе присягали Владиславу только изъ страха передъ «казацкимъ царикомъ». Гибельныя послѣдствія избранія Владислава обнаружались сразу: Москва была захвачена «тушинцами» и «вѣрниками» Сигизмунда; бояре арестованы, московскіе люди запуганы, потому что поляки «сильно обовладѣли столицею и вездѣ свои слухи и доброхоты поизстановили и поизнасадили». Послы изъ подъ Смоленска прислали патріарху и боярамъ тайную грамоту съ извѣщеніемъ о немилостивомъ приѣмѣ и о замыслахъ Сигизмунда. Тревога охватила москвичей. Въ Москвѣ и по всему государству стали распространяться подметныя письма съ горячимъ призывомъ къ освобожденію родины. Взоры всѣхъ обратились къ патріарху Гермогену. Патріархъ въ Московскомъ государствѣ стоялъ съ «великими государями по ряду», и когда не стало ни государя, ни боярской думы, русскіе люди говорили: «нынѣ мы стали безгосударны, а патріархъ у насъ человекъ начальный». Мы мало знаемъ о патріархѣ Гермогенѣ, неизвѣстно даже его происхожденіе; есть свѣдѣнія, что онъ произошелъ изъ посадскихъ людей, т. е. вышелъ изъ народа. Былъ онъ священникомъ, потомъ постригся въ монахи и въ 1589 г. былъ назначенъ митрополитомъ въ Казань, гдѣ и провѣлъ 17 лѣтъ, распространяя христіанство среди инородцевъ. Современники съ восторгомъ отзываются о краснорѣчїи Гермогена и называютъ его «словеснымъ и хитрорѣчивымъ», хотя онъ и былъ «несладкоглаголивъ», т. е. имѣлъ хриплый непрїятный голосъ. Гермогенъ «въ дѣлахъ и въ милостяхъ имѣлъ ко всѣмъ благосердый нравъ» и на добрыя дѣла истратилъ все свое состояніе, но въ обращенїи былъ онъ грубъ и рѣзокъ «прикрутъ въ словесѣхъ и воззрѣніяхъ». Видя разруху государства, опасаясь иноземнаго завоеванія и гибели православной вѣры, Гермогенъ выступилъ вождемъ народа, готоваго возстать на защиту родины. Сильный духомъ, нравственно смѣлый, Гермогенъ, благословляя другихъ на смерть за вѣру и родину, и самъ готовъ былъ принять мученичeskій вѣнецъ, и безстрашно вступилъ въ борьбу съ боярами и поляками, во власти которыхъ находился. Патріархъ съ самаго начала противился избранію Владислава, боясь утѣсненія православной вѣрѣ, и говорилъ, что воцареніе польскаго королевича возможно только при условїи перехода его въ

православіе. Патріархъ не хотѣлъ и поляковъ пускать въ Москву, и по этому поводу у него происходили рѣзкія столкновенія съ боярами, которые ему въ концѣ концовъ сказали: «не бывало того, чтобы попы вѣдали государственныя дѣла». Противъ воли патріарха бояре поляковъ впустили, какъ оказалось на свое горе. Когда стало извѣстно, что на крещеніе царевича нѣтъ надежды, Гермогенъ говорилъ: «если королевичъ не крестится, онъ намъ не царь». Гермогенъ былъ изъ числа тѣхъ, кто призналъ Владислава изъ страха передъ «царикомъ». Смерть «царика» развязывала ему руки, и онъ вступилъ въ открытую борьбу съ королемъ Сигизмундомъ. Патріархъ разсылалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и призывалъ всѣхъ идти къ Москвѣ на литовскихъ людей. И стали города переписываться между собою, увѣщевая другъ друга стоять за вѣру православную и вооружаться противъ поляковъ на защиту родины. И подымался народъ; по городамъ и волостямъ рускіе люди цѣловали крестъ «стоять за православную вѣру и Московское государство, королю польскому креста не цѣловать, и не служить ему и не принимать, Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей очищать». Нижегородцы прислали пословъ въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается. Послы побывали у патріарха, и патріархъ благословилъ ихъ на возстаніе противъ враговъ.

Города собирали ратныхъ людей, а ратные люди ходили по монастырямъ и соборамъ и съ плачемъ служили молебны. Ихъ съ почетомъ повсюду встрѣчали. Первой поднялась земля Рязанская. Во главѣ собравшихся ополченій сталъ рязанскій воевода Прокопій Лапуновъ. Вслѣдъ за Рязанской областью зашевелились Нижній Новгородъ и Ярославль. Эти города стали центрами движенія въ сѣверныхъ областяхъ и приняли на себя руководящую роль. Грамоты, полученные отъ Гермогена, Нижній и Ярославль распространяли по другимъ городамъ, при чемъ изъ Ярославля писали: «мы вамъ ни отъ одного Ярославля пишемъ, а объявляемъ вамъ всему міру, что здѣсь дѣлается». Быстро собралось ополченіе и двинулось къ Москвѣ.

Ополченіе это состояло изъ служилыхъ людей, провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и содержалось на средства, собранныя съ тяглыхъ общинъ. Въ земскую рать вошли также князьминскіе и заволжскіе мужики, которые при Шуйскомъ воевали съ Тушинскимъ «Воромъ».

Не надѣясь силами однихъ земскихъ людей справиться съ поляками и опасаясь, чтобы «воровская рать» убитаго самозванца не пе-

редалась на сторону Владислава, Ляпуновъ завелъ переговоры съ казачьими атаманами, чтобы «имъ вмѣстѣ съ земскими людьми очистить землю отъ враговъ». И порѣшили дѣйствовать совмѣстно.

Какъ только Ляпуновъ съ войскомъ двинулся къ Москвѣ, бояре, «вѣрники» сигизмундовы, которые смотрѣли на народное движеніе, какъ на мятежъ, испугались и приступили къ патріарху съ требованіемъ: «ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ, напиши, чтобы расходились по домамъ». — «Напишу, если вы, измѣнники, вмѣстѣ съ литовскими людьми и поляками выйдете вонъ изъ Москвы; если вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за вѣру православную». За это бояре его посадили подъ стражу и не велѣли никого пускать къ нему.

Полякамъ ихъ лазутчики донесли, что русскія ополченія приближаются къ Москвѣ; поляки боялись, что вся Москва подымется, какъ только увидитъ русскую рать. Они стали относиться къ москвичамъ подозрительно, привели городъ на военное положеніе. И москвичи осмѣлѣли. Стали часты вооруженныя столкновенія. Когда земское ополченіе подступило къ Москвѣ, поляки, опасаясь, чтобы москвичи не заняли Китай-города, напали на нихъ и стали рѣзать и убивать безъ разбору, — старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей. По извѣстіямъ очевидцевъ въ Китай-городѣ погибло отъ 6000—7000 человекъ. Москвичи собрались въ Бѣломъ городѣ; они загородили улицы чѣмъ попало — возами, столами, скамьями, дровами, и изъ за этихъ баррикадъ стрѣляли въ поляковъ.

Между тѣмъ первые отряды русскаго ополченія уже ворвались въ Бѣлый городъ, и вся Москва поднялась, какъ одинъ человекъ. Польскій отрядъ въ Москвѣ былъ слишкомъ малъ, чтобы вступить въ бой. Поляки заперлись въ Кремлѣ и Китай-городѣ, и рѣшили сжечь Бѣлый городъ, чтобы лишить москвичей жилищъ и средствъ къ пропитанію. По словамъ лѣтописца, Гонсѣвскій приказалъ сжечь Москву. Поляки подожгли дома въ разныхъ мѣстахъ. Былъ сильный вѣтеръ, и къ вечеру Москва вся пылала. Набатъ гудѣлъ не переставая. Жители усердно тушили, но справиться съ огнемъ не могли. Настала ночь, и было свѣтло какъ днемъ. По рассказамъ поляковъ, бояре настаивали, чтобы сжечь не только Бѣлый городъ, но и Замоскорѣчье. — «Хоть весь Бѣлый городъ выжгите», говорили они, «не пустятъ васъ стѣны, а надобно зажечь зарѣчный городъ, тамъ деревянные укрѣпленія, тогда будете имѣть свободный выходъ и помощь можетъ придти отъ короля».

Поляки подожгли Замоскворѣчье. Три дня горѣла Москва; городъ выгорѣлъ до тла; негдѣ стало жить, и народъ въ трескучій морозъ вышелъ въ поле. Между тѣмъ подошло русское ополченіе, въ которомъ было до ста тысячъ человѣкъ. Гонимскій вывелъ навстрѣчу польское войско, но оно было разбито; поляки едва успѣли войти въ Москву и сѣли въ Кремль въ осаду, а съ ними и московскіе бояре, которые служили Сигизмунду. Русскіе заняли Бѣлый городъ, завладѣли стѣнами и воротами. Положеніе поляковъ было самое отчаянное. «Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая», писали королю подъ Смоленскъ, «сидятъ въ Китаѣ и Кремль въ осадѣ, ворота всѣ отняты, пить-ѣсть нечего». Поляки ждали, что Сигизмундъ поспѣшитъ къ нимъ на помощь, но Сигизмундъ и не думалъ спѣшить, ему было не до того. Силъ у него было мало, а онъ хотѣлъ во что бы то ни стало овладѣть Смоленскомъ.

Поляки требовали отъ русскихъ пословъ, Филарета и князя Голицына, чтобы они велѣли смолянамъ цѣловать крестъ королю. И изъ Москвы бояре прислали грамоту посламъ, чтобы они отдались во всемъ на волю короля. Но грамота та не была подписана патріархомъ, и послы отказались выполнить приказъ. — «Отпускали насъ къ великимъ государямъ бить челомъ патріарху, бояре и всѣ люди Московскаго государства, а не одни бояре; а теперь такое великое дѣло пишутъ намъ одни, мимо патріарха, Освященнаго собора, и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства. Какъ же намъ бояръ слушаться». Посламъ грозили, что отправятъ ихъ въ Польшу. Они отвѣчали: «надобно кровь христіанскую унять, а Польшей насъ стращать нечего. Поляковъ мы знаемъ». Убѣдившись, что послы непреклонны, поляки уговорили значительную часть посольства вернуться въ Москву и дѣйствовать тамъ въ интересахъ короля, а князя Голицына и митрополита Филарета съ другими упрямцами отправили въ Польшу. Вещи и запасы пословъ разграбили, слугъ ихъ перебили. По дорогѣ послы терпѣли во всемъ нужду.

Сигизмундъ сталъ приступомъ брать Смоленскъ. Смоляне отчаянно защищались, но благодаря измѣнѣ, поляки ворвались въ городъ, и жители вынуждены были сдаться. Поляки радовались, что взяли Смоленскъ. Они думали, что завоевали все Московское государство. Король послалъ въ Москву извѣстить преданныхъ ему бояръ о взятіи Смоленска. А бояре, называя себя вѣрными подданными короля, отвѣчали: «о томъ, что вамъ великимъ государямъ надъ непослушниками вашими подалъ Богъ побѣду и одолѣніе, Богу хвалу воздаемъ,

и васъ великихъ государей на вашихъ преславныхъ и прибылыхъ государствахъ поздравляемъ». Бояре писали также Сигизмунду, что они много разъ увѣщевали возставшее ополченіе покориться, но «тѣ воры отъ воровства своего не отстаютъ и вашей государской милости не покоряются; вашихъ грамотъ и приказовъ ни въ чемъ не слушаютъ, насъ укоряютъ и безчестятъ всякими непригожими рѣчами, похваляются на насъ лютыми позорными смертями, и людей нашихъ, которые у насъ по городамъ, мучатъ злыми смертями, и пытками, помѣстья и вотчины наши роздали и разоряютъ».

Бояре и поляки ждали, что Сигизмундъ, овладѣвъ Смоленскомъ, двинется къ Москвѣ на выручку своихъ, но король вернулся въ Польшу, а къ Москвѣ послалъ гетмана Ходкевича.

На этотъ разъ поляковъ спасла та рознь и вражда, какія на первыхъ же порахъ обнаружались въ русскомъ ополченіи, благодаря его двойственному составу. «Бысть у нихъ подѣ Москвой межъ себя рознь великая, говорить лѣтописецъ, «и дѣлу ратному спорыни не бысть межъ ними». «Въ начальникахъ была великая ненависть и гордость. Другъ передъ другомъ честь и начальство получить желали, и ни одинъ меньше другого быть не хотѣлъ, всякій хотѣлъ одинъ владѣть». Необходимо было устроить порядокъ. Подѣ Москвою «всею ратью» московскіе люди начали разсуждать, что имъ слѣдуетъ «выбрати однихъ начальниковъ, кому ими владѣти, и имъ бы однихъ ихъ слушати». И сошлись всею «ратью» и выбрали Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго; «они же начаша всеми ратными людьми и всею землею владѣти». Такъ разсказываетъ лѣтописецъ. Въ руководство этимъ «троеначальникамъ» данъ былъ *приговоръ 30 іюня 1611 года*. Этотъ приговоръ былъ выработанъ «совѣтомъ», который съ самаго начала дѣйствовалъ при земскомъ ополченіи и именовалъ себя «Совѣтомъ всея земли». На самомъ дѣлѣ «совѣтъ» этотъ совѣтомъ *всея земли* не былъ. Его составляли не представители отъ всей земли, отъ разныхъ городовъ и уѣздовъ, отъ всѣхъ чиновъ людей, а представители разныхъ частей войска: «отъ всякихъ чиновъ служилые люди всѣхъ городовъ» и представители казачества — атаманы и казаки. Это былъ «*ратный совѣтъ*». Выбранныхъ отъ городовъ и тяглыхъ общинъ въ немъ не было. Но этотъ «совѣтъ всея земли» считалъ, что при сложившихся обстоятельствахъ ему принадлежитъ верховная власть надъ всею государствомъ, отрекшимся отъ Владислава.

Въ приговорѣ 30-го іюня 1611 года сперва изложено постановле-

ніе объ избраніи въ «правительство» Трубецкого, Заруцкого и Ляпунова, потомъ указанъ порядокъ управленія всѣмъ государствомъ, «какъ строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять». Верховная власть принадлежитъ «Совѣту всея земли», и его постановленія имѣютъ силу закона.

Избраннымъ «въ правительство» воеводамъ предоставлялась только власть исполнительная. Военачальники отдавали по областямъ приказы о сборѣ денегъ и ратныхъ людей, смѣняли воеводъ въ городахъ, и ихъ власть признавалась, имъ повиновалась земля. Такъ какъ приговоръ 30-го іюня былъ составленъ служилыми людьми, которые обезпечивались землею, то особое вниманіе обращено на «верстаніе служилыхъ людей помѣстьями», и было указано, что при раздачѣ земель надо вернуться къ старому порядку «какъ было при прежнихъ російскихъ прироженныхъ государяхъ». Указаніе это вызвано было тѣмъ, что и «Воръ» и Сигизмундъ чрезмѣрно щедро раздавали земли лицамъ, которые имъ служили, въ ущербъ другимъ служилымъ людямъ.

Относительно «вывезенныхъ и выбѣжавшихъ боярскихъ крестьянъ и людей» въ приговорѣ было сказано, что надлежитъ «по сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ». Это постановленіе было признаніемъ того самого крѣпостнаго порядка, противъ котораго возстало казачество.

Статья о возвратѣ крестьянъ и боярскихъ людей въ неволю не могла нравиться «казачьимъ полкамъ» великой рати. Казачество въ главной массѣ составилось изъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ и ими наполнилось. Статья эта проведена была служилыми людьми, составлявшими земское ополченіе, которые были землевладѣльцами и нуждались въ рабочихъ рукахъ. Начальникомъ этого земскаго ополченія былъ Ляпуновъ, и лѣтописецъ говоритъ поэтому: «повелѣ Ляпуновъ написать приговоръ». Казаки озлобились на Ляпунова, котораго считали виновникомъ приговора, и, по словамъ лѣтописца, «съ тое поры начаша надъ Прокопіемъ думати, какъ бы его убить». Это озлобленіе все росло, потому что Ляпуновъ суровыми мѣрами старался прекратить казачьи разбои. Казаки не отстали отъ своихъ «воровскихъ» привычекъ, которыя вѣлись у нихъ въ плоть и кровь, особенно за время смуты. Казацкія шайки человекъ въ 200—300 бродили по областямъ, «въѣзжали въ села, и деревни, и въ города, и на посады», грабили и били людей. Ляпуновъ строго преслѣдовалъ казаковъ за грабежи и разбои. Казаки возненавидѣли Ляпунова. Какъ

то 28 казаковъ были пойманы на «воровствѣ» и посажены въ воду. Товарищи спасли ихъ и привели въ станъ. Поднялся у казаковъ бунтъ, и Лянуновъ былъ убитъ. (22-го іюля 1611 года). Земское ополченіе осталось безъ начальника во власти казацкихъ предводителей. Заруцкій притѣснялъ земскихъ ратниковъ: онъ не давалъ имъ ни жалованья, ни корму, отымалъ отъ нихъ помѣстья и отдавалъ казацкимъ атаманамъ. Между казаками и земскими людьми возникали постоянныя драки, которыя кончались смертоубійствомъ. Земское ополченіе разошлось по домамъ. «Послѣ Прокофьевой смерти столъники, и дворяне, и дѣти боярскіе городовые изъ подъ Москвы разѣхались по городамъ и по домамъ своимъ, бояся отъ Заруцкаго и отъ казаковъ убійства. И отъидоша вси отъ Москвы прочь». (Въ августъ 1611 г.).

ГЛАВА VII.

Очищеніе Московскаго государства.

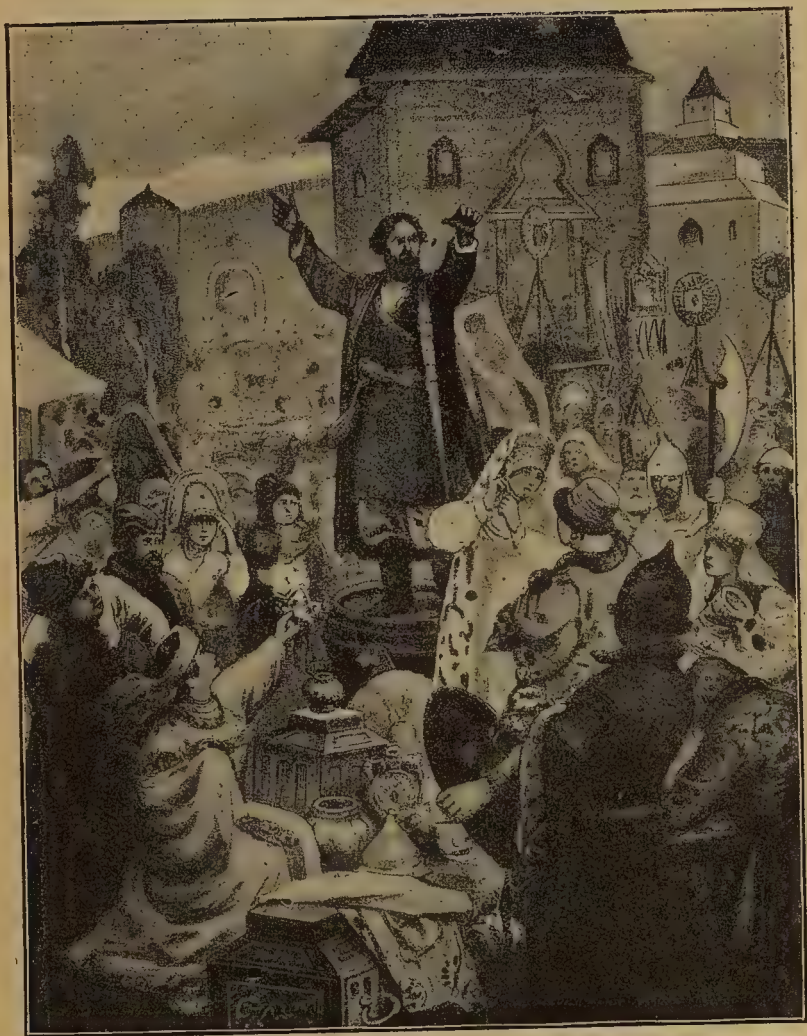
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы гой еси товарищи, нижегородскіе купцы!
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте вашихъ женъ, дѣтей.
Вы продайте все ваше злато-серебро...“

Историческая пѣсня.

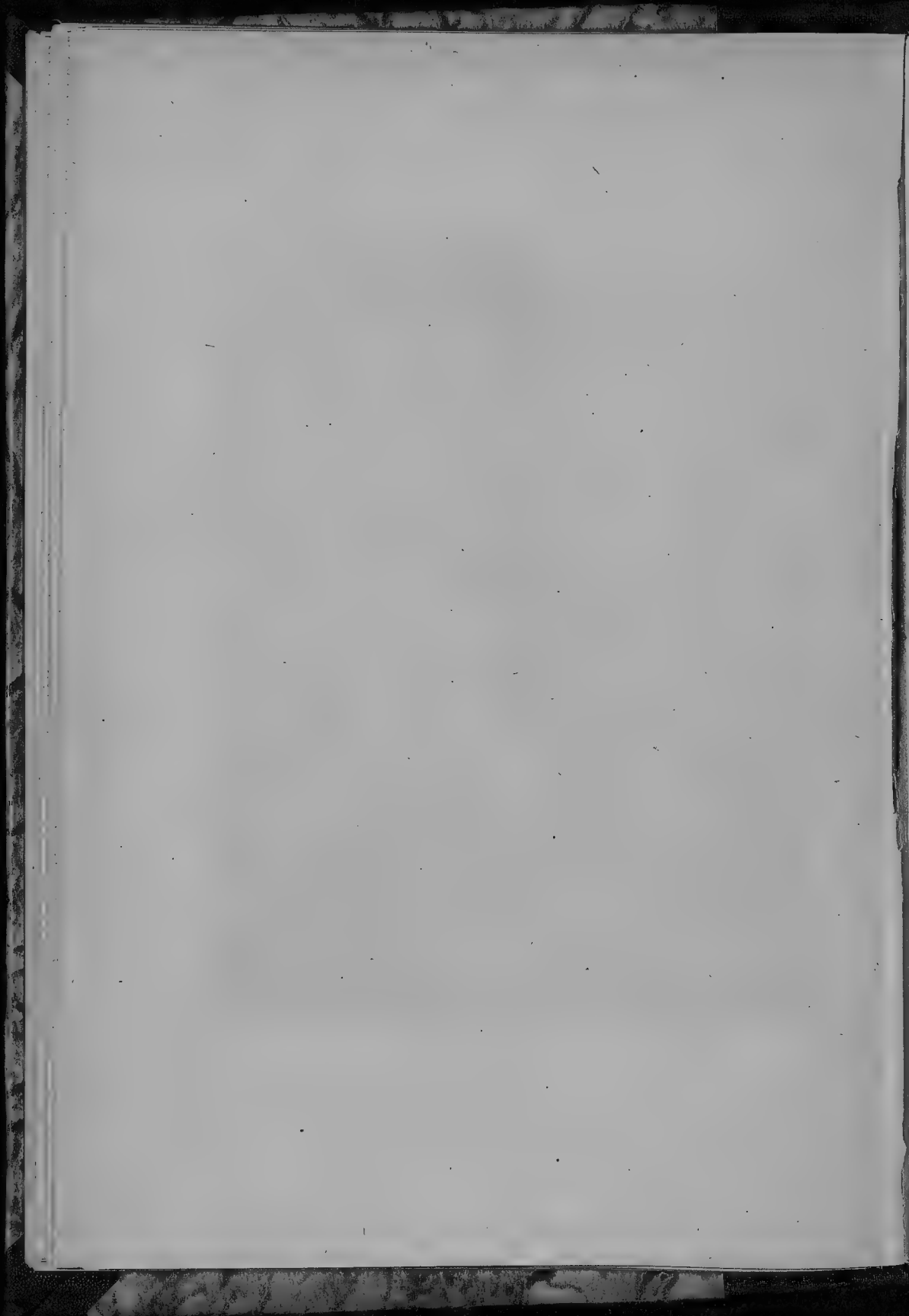
Казацкое правительство. Лихолѣтье. Движеніе въ Нижнемъ Новгородѣ. Кузьма Мининъ Сухорукій. 2-е земское ополченіе. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Положеніе поляковъ въ Москвѣ. Земское ополченіе въ Ярославлѣ. Временное правительство. „Совѣтъ всея земли“. Отношеніе земскаго ополченія къ казакамъ. Распаденіе казацкаго табора подъ Москвою. Побѣда земскаго ополченія при содѣйствіи оставшихся казаковъ. Соглашеніе съ казаками. Занятіе Москвы. Земскій соборъ 1613 года. Его составъ. Избраніе Михаила Феодоровича Романова. Конецъ смуты.

Первая попытка очистить землю отъ поляковъ и возстановить порядокъ окончилась неудачей. Московское государство находилось въ самомъ отчаянномъ положеніи. Правительственная власть надъ страной, съ разбродомъ земскаго ополченія, оказалась въ рукахъ казацкихъ атамановъ. Казаки «воровства своего не оставили, ѣздили по дорогамъ станицами и побивали». Сигизмундъ взялъ Смоленскъ и грозилъ завладѣть всею Русскимъ государствомъ. Сѣверо-западъ захватили шведы, которые изъ союзниковъ обратились во враговъ, когда на царство избранъ былъ Владиславъ, потому что польскій и

шведскій король находились между собой во враждѣ. Шведы, подобно полякамъ, не прочь были воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Московскаго государства, и отхватить для себя кусокъ русской земли. Они взяли Корелу, которая, впрочемъ, была имъ обещана по договору съ Шуйскимъ за помощь противъ поляковъ; не довольствуясь Корелой шведы осадили Новгородъ. Новгородъ со всѣми городами и со всѣй землей сдался шведамъ на условіи, что Новгородская земля составить особое королевство и признаетъ царемъ шведскаго принца. Въ Псковѣ снова появился самозванецъ, котораго прозвали «псковскимъ вормъ». Этого самозванца признало царемъ казачье войско, стоявшее подъ Москвой. Такимъ образомъ вся западная часть Московскаго государства находилась въ рукахъ враговъ. Къ довершенію бѣдствій годъ былъ неурожайный, и начался голодъ. «И было тогда», говорится въ одномъ современномъ сказаніи, «такое лютое время Божьяго гнѣва, что люди не чаяли впредь спасенія себѣ, чуть не вся земля русская опустѣла, и прозвали старики наши это лютое время «лихолѣтье», потому что тогда была на русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра». Настали, казалось, послѣдніе дни для русскаго государства. Многіе русскіе люди уже отчаялись за судьбу своей родины и ждали спасенія только отъ Господа Бога. Они призывали другъ друга молиться, чтобы Господь пощадилъ «останокъ рода христіанскаго и оградилъ миромъ останокъ Россійскихъ царствъ, и градовъ, и весей». Молитвою и покаяніемъ думали они избыть свою бѣду. На ряду съ религіознымъ порывомъ росло сознаніе, что необходимо сдѣлать новое усиліе, принести новыя жертвы, совершить новые подвиги для «очищенія» земли, иначе государству Московскому и православной вѣрѣ грозитъ гибель. Патріархъ Гермогенъ, сидя въ заточеніи, находилъ возможность разсылать свои грамоты, въ которыхъ убѣждалъ русскихъ людей стать противъ поляковъ и казаковъ. Поволжскіе города согласились между собой «быть всѣмъ въ совѣтъ и соединеніи, за Московское государство стоять, другъ друга не побивать, не грабить и дурна ничего ни надъ кѣмъ не дѣлать; казакъ въ городъ не пускать; стоять на томъ крѣпко, до тѣхъ поръ пока Богъ дастъ на Московское государство государя. А выбрать бы намъ государя всею землею Россійской державы. Если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволенію, не согласившись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть». Такъ что города признали врагами русской земли не однихъ поля-

Мининъ говоритъ рѣчь къ народу.

ковъ, но казаковъ, «воровъ», которые стремились къ общественному перевороту и допекали своими грабежами и разбоями.

Когда вѣсть объ убійствѣ Ляпунова, разбродѣ земскаго ополченія, захватѣ правительственной власти казацкими атаманами, и о появленіи новаго самозванца достигла Нижняго Новгорода, нижегородскіе посадскіе люди стали думать, что имъ теперь дѣлать. Земскій староста, мясникъ Кузьма Мининъ Сухорукий, возбужденный страшными вѣстями, началъ говорить передъ всѣми въ земской избѣ о необходимости чинить промыслъ надъ врагами. Своею рѣчью Мининъ такъ воодушевилъ своихъ слушателей, что тутъ же былъ написанъ «приговоръ всего города за руками», который устанавливалъ сборъ «на строеніе ратныхъ людей»; произвести такой сборъ поручено было Минину. Такъ въ Нижегородской тяглоѣ посадской общинѣ началось новое движеніе для очищенія земли. Тѣмъ временемъ стали въ Нижний приходить грамоты отъ патріарха Гермогена и изъ Троицко-Сергіевской обители. Грамоты призывали русскихъ людей всѣмъ дружно стать на враговъ. Въ октябрѣ 1611 года одна такая грамота была прочитана передъ множествомъ собравшагося народа. Изъ толпы раздавались голоса: «горе намъ! Погибнетъ Москва, погибнетъ и все Московское государство!» Кузьма Мининъ сталъ держать рѣчь къ народу. — «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ, чтобы кто нибудь вступился за истинную православную вѣру, и былъ у насъ начальникомъ. Я знаю, только мы на это поднимемся, многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ чужеземцевъ». Минина спрашивали: что же намъ дѣлать? и онъ отвѣчалъ: «ополчаться! сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличь кликать по вольнымъ служилымъ людямъ». «А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?» — «Я убогій съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2500 человекъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1700 рублей. Брали третью деньгу. У меня было 300 рублей, и я сто въ соборныя деньги принесъ, и вы тоже дѣлайте». «Будь такъ! Будь такъ!» закричали всѣ. Нижегородцы обязались особыми приговорами жертвовать на ополченіе «по пожиткомъ и по промысломъ», а затѣмъ начали искать годныхъ къ бою ратныхъ людей. Въ приговорахъ участвовали вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками «всѣ нижегородскіе посадскіе люди»; дѣйствіе приговоровъ распространялось не только на нижегородскій посадъ, но и на весь уѣздъ. Для раскладки, взиманія

и храненія этихъ сборовъ былъ избранъ Кузьма Мининъ. Кто не хотѣлъ давать добромъ, съ того брали силой. Когда собрали деньги, стали устраивать рать. Призвали мѣстныхъ служилыхъ людей и стрѣльцовъ. Въ это время по Руси блуждали служилые люди изъ городовъ отъ литовской украины: Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы, которые были прогнаны со своихъ земель нашествіемъ Сигизмунда. Нижегородцы приняли ихъ въ свое войско. Такъ составились первые отряды.

Мининъ указалъ и вождя будущаго ополченія—стольника князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Пожарскій былъ извѣстенъ, какъ талантливый воевода. По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ знатному роду, «захудавшему» отъ опалъ Іоанна Грознаго. Князь Пожарскій въ это смутное время не выказалъ «шатости»; онъ и въ Тушинѣ не бывалъ и королю Сигизмунду ни о чемъ челомъ не билъ. Нижегородцы всѣмъ городомъ избрали его воеводой надъ всѣми дружинами. Пожарскій жилъ въ своей вотчинѣ въ Суздальскомъ уѣздѣ. Къ нему отправили пословъ. Рассказываютъ, что Пожарскій отвѣтилъ посламъ:—«Радъ я вашему совѣту, готовъ хоть сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому сомной у такого великаго дѣла стоять и казну собирать». И выбрали Минина. Мининъ долго отказывался.—«Соглашусь», говорилъ онъ, «если напишите приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги». Нижегородцы согласились, и сталъ Мининъ выборнымъ человѣкомъ, завѣдующимъ казной.

Стали нижегородцы писать по другимъ городамъ, чтобы и они помогали идти на «очищеніе Московскаго государства и присылали бы деньги и ратныхъ людей» и *для совѣту выборныхъ людей*. Грамоты посланы были и въ Поволжскіе города, и въ Поморскіе, и въ Ярославль, и въ Вологду, и повсюду производили впечатлѣніе. И «поидоша изъ всѣхъ городовъ», говоритъ лѣтописецъ.

Какъ прослышали московскіе бояре, «вѣрники сизигмундовы»,—что собирается новое ополченіе, стали и они разсылать грамоты по городамъ, увѣщевая русскихъ людей оставаться вѣрными царю Владиславу. А поляки приступили къ патріарху Гермогену съ требованіемъ написать грамоту нижегородскому ополченію, чтобы расходилось по домамъ и къ Москвѣ не ходило. Гермогенъ отвѣчалъ: «да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а измѣнники да будутъ прокляты!» За такія слова по-

ляки велѣли морить патріарха голодомъ, и онъ скоро умеръ отъ истощенія. Такъ погибъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ архипастырей, благословившій русскихъ людей на подвигъ «очищенія земли» и съумѣвшій стать во главѣ народнаго движенія. Гермогенъ сошелъ въ могилу, не увидѣвъ торжества дорогаго ему дѣла.

Дѣла поляковъ въ Москвѣ были плохи. Войско давно не получало жалованья. Сигизмундъ денегъ не присылалъ и приказывалъ, чтобы брали изъ казны русскихъ царей. А русская казна оскудѣла, и денегъ въ ней не было. Бояре уплачивали полякамъ мѣхами изъ царскихъ кладовыхъ да золотыми вещами. Войско польское грозило бросить столицу и уйти, если король не пришлетъ денегъ. Съѣстные припасы въ Москвѣ были на исходѣ, а доставлять ихъ въ Москву стало очень трудно. Повсюду бродили шайки русскихъ людей всякаго званія, дворяне, дѣти боярскіе, крестьяне, ихъ прозвали «шиши». «Шиши» задались цѣлью не пропускать въ Москву припасовъ. Шиши нападали на поляковъ, собиравшихъ запасы, и отымали награбленное. Дороговизна въ Москвѣ стояла страшная: за воробья платили 10 грошей, а за ворону 15. Стали уже ѣсть падалъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ подошелъ къ Москвѣ давно ожидаемый гетманъ Ходкѣвичъ, но поляки были опечалены, когда узнали, какъ мало войска онъ привелъ съ собой, всего 2000. Поляки, которымъ до смерти надоѣло сидѣть въ Москвѣ, приступили къ Ходкѣвичу съ требованіемъ: «пусть новое войско займетъ столицу, а насъ слѣдуетъ отпустить. Мы уже и такъ стоимъ въ чужой землѣ больше года, теряемъ жизнь и здоровье, терпимъ голодъ». Съ трудомъ уговорилъ ихъ Ходкѣвичъ потерпѣть еще, прельщая добавочнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ доставить запасы. Порѣшили на томъ, что часть поляковъ останется въ Москвѣ, а часть пойдетъ съ гетманомъ за сборомъ запасовъ. Надо было спѣшить, потому что Нижегородское ополченіе двинулось въ путь, и въ первыхъ числахъ апрѣля достигло Ярославля. Здѣсь «походъ замѣшкался», говоритъ лѣтописецъ. Ополченіе провело въ Ярославлѣ 4 мѣсяца, до августа. Идти немедленно къ Москвѣ было опасно, кругомъ были враги: въ Тихвинѣ стояли шведы, подъ Москвой свирѣпствовали казаки и занимали многіе города; украинскіе города признали новаго самозванца, Псковскаго вора. Тотчасъ по приходѣ въ Ярославль власти земскаго ополченія, «бояре, окольничіе и Димитрій Пожарскій со всякими служилыми и жилецкими людьми», разослали по городамъ грамоты съ извѣщеніемъ о своемъ ополченіи и съ призывомъ присоеди-

Смутное время на Руси.

ниться. Въ грамотахъ говорилось: «убивъ Ляпунова, старые заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили въ Тушинѣ лжеименитому царю, желали всѣмъ въ государствѣ по своему воровскому обычаю владѣти; захвативъ власть, казаки и начальникъ ихъ Заруцкій грабили, насильничали и разогнали изъ подъ Москвы служилыхъ людей. Казаки снова стали служить самозванцу; они хвалились боярѣ, и дворянѣ, и всякихъ чиновъ людей, и земскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей побити, и животы разграбити, и владѣти бы имъ по своему воровскому казацкому обычаю».

Ярославскія власти призывали всю земщину стоять вмѣстѣ противъ общихъ враговъ, польскихъ, и литовскихъ, и нѣмецкихъ людей, и «русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ вчинаютъ». Въ заключеніе грамота приглашала города поскорѣ прислать въ Ярославль «изъ всякихъ чиновъ людей человека по два и съ ними совѣтъ свой отписать за своими руками».

Въ Ярославль образовалось временное земское правительство. Лѣтопись говорить: ратью управляли «начальники» — бояре и воеводы, думая обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ съ «Совѣтомъ всея земли», — Земскимъ соборомъ, въ который вошли высшее ярославское духовенство съ ростовскимъ митрополитомъ Кирилломъ во главѣ, бояре и выборные отъ служилыхъ людей и тяглыхъ общинъ, присланные городами.

По словамъ лѣтописца, «Князь Димитрій Пожарскій и Кузьма Мининъ начали думать со всею ратью, съ духовенствомъ и съ посадскими людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе», и положили: въ Новгородъ отправить пословъ и занять шведовъ мирными переговорами, прельщая надеждой избрать царемъ Московскимъ шведскаго королевича; противъ казаковъ послать войска; въ украинскіе города разослать грамоты съ увѣщаніемъ отстать отъ вѣдомаго вора: «только вы отъ того вора отстанете и съ нами будете въ единеніи, то враги наши, польскіе и литовскіе люди изъ Московскаго государства выйдутъ. Если же отъ вора не отстанете, то польскіе и литовскіе люди Москву и всѣ города до конца разорять, всѣхъ насъ и васъ погубять, землю нашу пусту и бесполезну учинять».

Принятія мѣры оказались очень удачны. Шведы ввиду начавшихся переговоровъ о мирѣ военныя дѣйствія прекратили. Отряды, посланные противъ казаковъ, дѣйствовали очень успѣшно и выгнали казаковъ изъ многихъ городовъ. Тѣхъ казаковъ, которые отставали отъ Заруцкаго, въ Ярославль принимали на земскую службу и давали

«жалованье земское довольное». Украинскіе города стали отрекаться отъ «Вора» и соединяться со всей землей для общаго дѣла.

Въ августѣ Пожарскій двинулся къ Москвѣ. Когда въ казацкомъ лагерѣ узнали о выступленіи земской рати, Заруцкій «собрался съ казаками-ворами мало не половина войска» и ушелъ въ Коломну, откуда сталъ грабить и раззорять сосѣднія волости, а потомъ скрылся въ Рязанскую область. Заруцкій увезъ съ собою Марину и ея маленькаго сына, «Воренка», какъ его прозвали. Трубецкой съ остальной частью войска остался подъ Москвой и послалъ звать Пожарскаго къ себѣ «стояти въ таборы». Но Пожарскій и вся рать отвѣтили: «отнюдь не бывать тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ казаками», расположились отдѣльнымъ станомъ и «едва укрѣпиться успѣша до гетманскаго прихода». Казаки не знали, что имъ дѣлать. Биться съ земской ратью, не было у нихъ силъ; они остались подъ Москвой и «стали на земскихъ людей нелюбовь держати за то, что къ нимъ въ таборы не пошли».

Ходкѣвичъ, узнавъ о наступленіи Пожарскаго, поспѣшилъ къ Москвѣ съ сотнями воевъ набранныхъ запасовъ, которые онъ рассчитывалъ доставить осажденнымъ. Чтобы загородить ему дорогу въ Кремль, русское войско расположилось по обѣимъ берегамъ Москвы-рѣки, Пожарскій на лѣвомъ берегу, казаки на правомъ. Ходкѣвичъ напалъ на Пожарскаго. Казаки спокойно смотрѣли на битву и насмѣхались надъ ополченцами: «богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана». Поляки стали одолевать Пожарскаго. Тогда нѣкоторые казацкіе атаманы со своими отрядами бросились на помощь, говоря; «отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится». Ходкѣвичъ отступилъ. На другой день бой возобновился. Въ самый разгаръ боя казаки покинули поле битвы, недовольные тѣмъ, что Пожарскій отступилъ. «Они богаты и ничего не хотятъ дѣлать; мы наги и голодны и одни бьемся; такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда», роптали казаки. Съ трудомъ уговорили ихъ вернуться и не губить общаго дѣла. Соединенными силами земскихъ ратниковъ и казаковъ Ходкѣвичъ былъ разбитъ. Русскимъ достались привезенные имъ припасы.

Когда прошла опасность, распря между казаками и земскимъ ополченіемъ разгорѣлась съ новой силой. Пожарскій разсылалъ по городамъ грамоты съ рассказомъ о воровскихъ замыслахъ казаковъ. Казаки хотѣли занять города въ тылу у Пожарскаго и «всѣхъ ратныхъ людей переграбить и отъ Москвы отженуть». Но силы казаковъ со-

всѣмъ истопились, таборъ ихъ наполовину опустѣлъ, и волей неволей они должны были подчиниться земской рати. Пожарскій и Трубецкой оповѣщали о своемъ соглашеніи: «по челобитію и по приговору всѣхъ чиновъ людей стали мы во единачествѣ и укрѣпились, что намъ да выборному человѣку Кузьмѣ Минину Московскаго государства доступать и Московскому государству во всемъ добра хотѣть безо всякой хитрости: и Розрядъ и всякіе приказы снесли въ одно мѣсто и всякіе дѣла дѣлаемъ за одно».

22-го октября 1612 годы земская рать вмѣстѣ съ казаками взяла штурмомъ Китай-городъ. Въ Кремлѣ осажденные терпѣли ужасный голодъ, дошли до того, что питались человѣческими трупами; отцы ѣли дѣтей своихъ, дѣти родителей, слуги господъ. Голодъ вынудилъ поляковъ вступить въ переговоры съ ополченіемъ: они требовали только одного, чтобы имъ сохранена была жизнь. Москва была освобождена. Но скоро стало извѣстно, что къ Москвѣ идетъ самъ Сигизмундъ. Эта вѣсть испугала воеводъ, ратные люди уже поразошлись, и не съ кѣмъ было встрѣтить непріятеля. И въ осадѣ сѣсть было нельзя, не было заготовлено припасовъ. Однако рѣшили умереть, а поляковъ въ Москву не пускать, и отбили приступы первыхъ передовыхъ отрядовъ. У Сигизмунда войска было мало и запасовъ не хватало, а собирать мѣшали шиши. Сигизмундъ узналъ, что хотя ратные люди и разошлись по домамъ, но въ Москвѣ еще имѣются порядочныя военныя силы: 4500 казаковъ, да тысячи двѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, да съ тысячу стрѣльцовъ, и взять Москву будетъ не легко; король повернулъ обратно въ Польшу.

Воеводы разослали грамоты по всей землѣ объ освобожденіи Москвы. Повсюду вѣсть эту встрѣчали съ радостью, служили молебны, звонили въ колокола. Такъ совершилось Московское очищеніе усиліями, жертвами и подвигами среднихъ слоевъ населенія—рядовыми служилыми людьми, не увлеченными «въ измѣну и воровство», да тяглыми людьми сѣверныхъ городскихъ и уѣздныхъ общинныхъ міровъ, не уничтоженныхъ служилымъ землевладѣніемъ. Эти «послѣдніе московскіе люди», какъ зоветъ ихъ лѣтопись, изгнали поляковъ изъ Москвы, сломили вольное казачество, подчинили его своей власти и завладѣли правительственной властью. Они спѣшили закрѣпить свою побѣду избраніемъ царя. Недѣли три спустя послѣ освобожденія Москвы стали думать объ «обиранѣи государскомъ». Земскіе люди говорили: «намъ безъ государя ни малое время быти не мочно. Пешися о государствѣ и людьми божьими промышлять некому».

Изъ Москвы разосланы были грамоты въ города, чтобы присылали людей «лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ» по десяти человѣкъ отъ города, и съ ними для государскаго избранія «совѣтъ и договоръ крѣпкой».

Въ январѣ 1613 года собрался въ Москвѣ «Совѣтъ всея земли», т. е. Земскій Соборъ. Почти не сохранилось документовъ, по которымъ можно было бы точно опредѣлить составъ Собора, число его членовъ, и его дѣятельность. Извѣстно, что Соборъ былъ очень многочисленъ, въ немъ насчитываютъ до 700 членовъ. Этотъ соборъ по составу сильно отличался отъ земскихъ соборовъ XVI вѣка. Мы уже говорили, что въ XVI вѣкѣ большинство членовъ собора составляли должностные лица, которые считались естественными представителями населенія. Въ смуту государственная власть совсѣмъ распалась, должностныхъ лицъ или не было вовсе, или они утратили всякое вліяніе и уваженіе среди мѣстнаго населенія. Русскіе люди привыкли дѣйствовать самостоятельно, полагаться только на самихъ себя и на своихъ выборныхъ руководителей. На соборной избирательной грамотѣ имѣются подписи отъ тѣхъ группъ населенія, которыя въ XVI вѣкѣ на соборы не призывались: отъ уѣздныхъ людей т. е. крестьянъ, и отъ посадскихъ людей, и отъ приборныхъ служилыхъ людей, и даже отъ казаковъ. Такъ что тѣ слои населенія, которые очистили землю и образовали временное правительство, всѣ имѣли своихъ представителей на соборѣ. Но на грамотѣ нѣтъ подписей отъ боярскихъ людей — владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ. Ихъ мнѣнія не спрашивали и выборныхъ отъ нихъ на соборъ не призывали.

Въ январѣ 1613 года съѣхались выборные люди въ Москву, сперва три дня постились и молились, чтобы очиститься отъ грѣховъ смуты, потомъ приступили къ совѣщаніямъ. Было нѣсколько претендентовъ на престолъ: польскій королевичъ Владиславъ, шведскій королевичъ, которому присягнулъ Великій Новгородъ, и сынъ Марины «Воренокъ». За Владислава по прежнему стали бояре. Послы отъ Сигизмунда и Владислава, которыхъ король польскій отправилъ съ передовыми отрядами подъ Москву «зговаривати Москва, чтобы приняли королевича на царство», доносятъ:

«На Москвѣ у бояръ, которые вамъ, великимъ государямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобы просити на господарство, васъ, великаго государя королевича Владислава, а именно о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ».

Но у земскихъ людей, по словамъ лѣтописи, «того и въ думѣ не было, чтобы взять на Московское государство иноземца». Съ боярскими желаніями Земскому собору и не приходилось особенно считаться. На бояръ по освобожденіи Москвы смотрѣли, какъ на измѣнниковъ и въ Думу «не припускали»; «Мстиславскій съ товарищами» должны были даже уѣхать изъ Москвы куда то «въ города», такъ что въ земскомъ соборѣ они первое время участія не принимали. Боярской Думы не существовало; ея мѣсто заняли начальники рати.

Казаки также «примѣривали» на царство своихъ кандидатовъ: «Воровского Калужскаго», сына Марины, да Филаретова сына Михаила Федоровича.

Чтобы положить конецъ всякимъ разговорамъ о чужеземныхъ принцахъ и о самозванцахъ, Земскій Соборъ единодушно постановилъ: «ни польскаго, ни шведскаго королевичей за ихъ многія неправды, ни иныхъ нѣмецкихъ вѣръ ни изъ какихъ неправославныхъ государствъ на Московское государство не выбирать, Маринки съ сыномъ не хотѣть; а выбрать своего природнаго русскаго государя изъ великихъ боярскихъ родовъ». И стали говорить «о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ». Долго не могли ни на комъ остановиться; много спорили, кричали. Предлагали и князя Мстиславскаго, самого родовитаго боярина; и князя Голицына, и Михаила Федоровича Романова. Подкупали избирателей, прельщали ихъ подарками и обѣщаніями. И такъ много дней прошло. А тѣмъ временемъ на соборъ стали поступать «писанія» отъ дворянъ, купцовъ и отъ казаковъ съ просьбою выбрать Михаила Федоровича Романова. Казаковъ въ Москвѣ скопилось множество, больше 4500 человекъ; казацкаго войска оказалось въ столицѣ больше, чѣмъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые, по московскому обычаю, по окончаніи похода разѣхались по помѣстьямъ, осталось ихъ въ гарнизонѣ тысячи двѣ, да стрѣльцевъ было не больше тысячи. Чувствуя свою силу, казаки буйствовали въ освобожденной Москвѣ и не только требовали «кормовъ» и всякаго «жалованья», но «примѣривали» своихъ кандидатовъ на царство, настойчиво требуя ихъ избранія. Они не разъ подымали такіе беспорядки, что по словамъ лѣтописи, «едва у нихъ до крови не доиде». Остатки земской рати не могли съ ними справиться, а собрать новую рать не было никакой возможности. При такомъ положеніи дѣлъ, надо было избрать въ цари такое лицо, на которомъ могли бы сойтись двѣ враждебныя стороны—казаки и земскіе люди.

Такимъ лицомъ и былъ предложенный казаками Михаилъ Федоровичъ Романовъ. Припомнимъ, что митрополитъ Филаретъ жилъ въ Тушинскомъ станѣ, не отказался даже стать тушинскимъ патріархомъ. Чуть ли не всѣ родственники Романовыхъ при Шуйскомъ «отѣхали» изъ Москвы въ Тушинскій станъ и стали «тушинскими боярами». Понятно расположеніе казаковъ къ Романовымъ. И для земскихъ людей Михаилъ Федоровичъ Романовъ былъ подходящимъ кандидатомъ. Онъ принадлежалъ къ старинной боярской фамиліи, которая пользовалась любовью и уваженіемъ не только въ обществѣ, но и въ широкихъ массахъ населенія, и кромѣ того находился въ близкомъ родствѣ съ угасшей старой династіей, доходясь двоюроднымъ племянникомъ царю Федору Іоанновичу. Въ народѣ смотрѣли на Михаила Федоровича, какъ на природнаго наслѣдственнаго царя. Что касается бояръ, которыхъ призвали «изъ города» въ Москву для «царскаго обиранья», то и для нихъ Михаилъ Федоровичъ казался очень удобнымъ царемъ. Есть извѣстіе, что бояринъ Шереметьевъ писалъ князю Голицыну въ Польшу: «Миша Романовъ молодъ, разумомъ еще не дешель и намъ будетъ поваденъ».

7-го февраля 1613 соборъ намѣтилъ избрать царемъ Михаила Федоровича, но окончательный выборъ отложилъ на двѣ недѣли. Хотѣли знать, какъ относится къ намѣченному кандидату вся земля, и во всѣ города Россійскаго царствія тайно послали выборныхъ отъ этихъ городовъ «провѣдать, кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство во всѣхъ городѣхъ». Вернувшись, послы сообщили, что у всѣхъ людей, отъ мала до велика, одна мысль: «быть государемъ Михаилу Федоровичу Романову, и опричь его никого на царство не хотѣтъ». 21-го февраля Земскій соборъ собрался въ Кремлевскомъ дворцѣ. Приступили къ окончательному избранію. Голоса подавались по чинамъ, письменно, и во всѣхъ запискахъ стояло одно имя: Михаилъ Федоровичъ Романовъ. Нѣсколько духовныхъ лицъ и бояръ вышли на Красную площадь; площадь была запружена народомъ, и вся толпа въ одинъ голосъ закричала: «Михаилъ Федоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому Государству и всей русской державѣ».

Въ Москвѣ даже не знали, гдѣ находится избранный царь. Отправили къ нему многочисленное посольство, «туда, гдѣ онъ, государь, будетъ». А Михаилъ Федоровичъ находился съ матерью своей, инокиней Марфой, въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Изъ Костромы посольство отправилось въ монастырь крестнымъ ходомъ, съ

иконами и хоругвями. Узнавъ объ избраніи сына на престолъ, Марфа не только не выказала радости, но «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ» рѣшительно отказывалась благословить Михаила на царство. «Сынъ мой молодъ», говорила старица «а русскіе люди измалодушествовались, и уже нѣсколько разъ измѣнили царямъ, которыхъ сами же посадили на престолъ». Марфа опасалась, что и сына ея ждетъ «погубленіе», если онъ согласится сѣсть на царство. Послы отвѣчали, что теперь русскіе люди «наказались, проучены, образумились и пришли въ соединеніе», и Михаилу не грозитъ никакой опасности. Долго соборные послы уговаривали Марфу, прежде чѣмъ она согласилась благословить сына на царство.

Михаилъ былъ еще почти мальчикъ, ему была всего 16 лѣтъ. Онъ не выдѣлялся ни умомъ, ни особыми дарованіями, и такъ какъ почти все его дѣтство прошло среди бурь и опасностей смутнаго времени, то онъ получилъ очень плохое воспитаніе. Его избрали не за его личныя достоинства, а потому что хотѣли выбрать, какъ говорить Ключевскій, «не способнѣйшаго, а удобнѣйшаго».

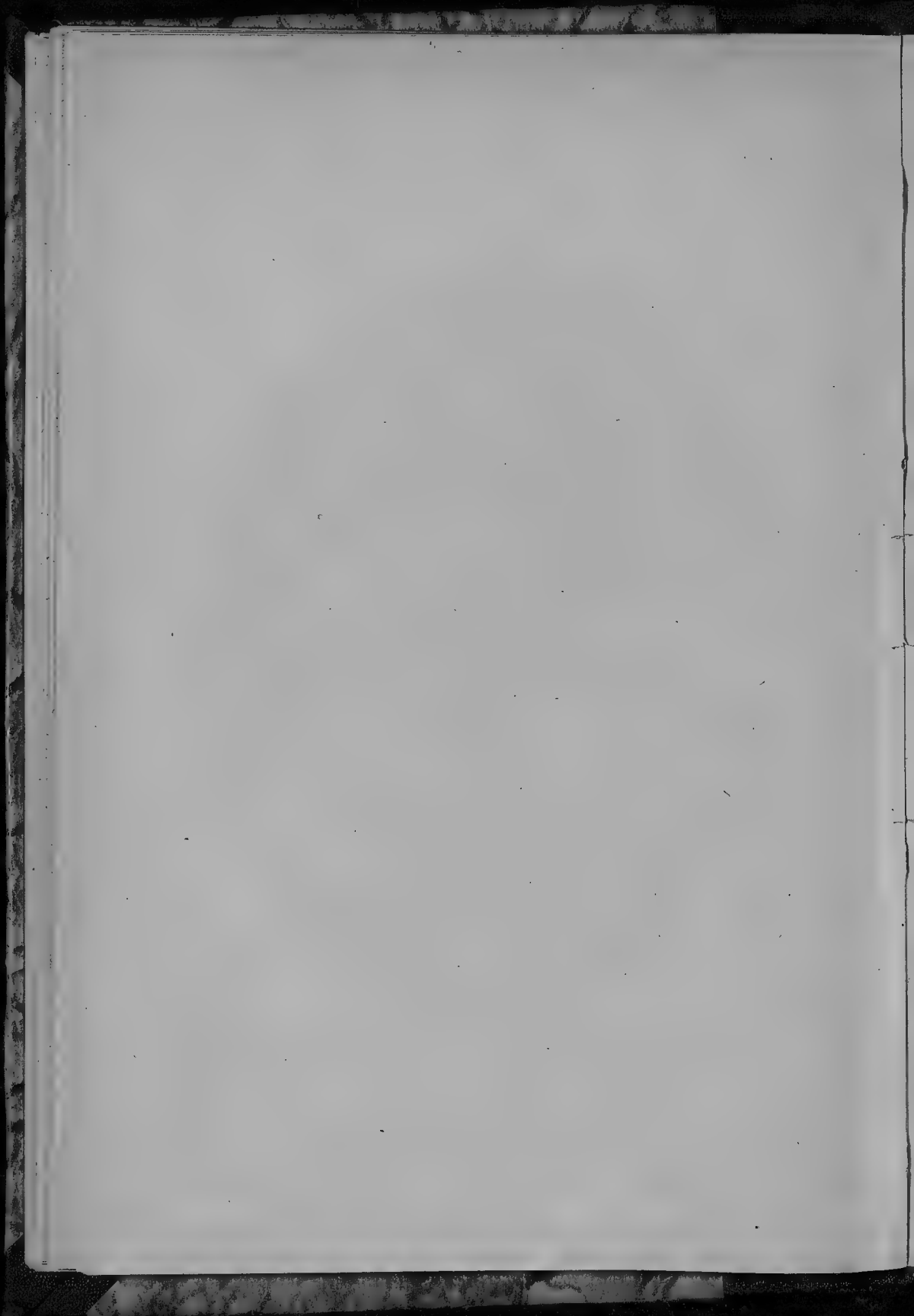
Имѣются извѣстія, что Михаилъ Федоровичъ былъ выбранъ на условіяхъ ограниченія царской власти, и съ него взяли «запись», въ которой условія эти были изложены, и молодой царь далъ клятву ихъ исполнять. Одинъ современникъ, написавшій повѣсть о смутномъ времени и о воцареніи Михаила, рассказываетъ, что, при вступленіи Михаила на престолъ, бояре заставили его цѣловать крестъ на томъ, чтобы никого изъ нихъ ни за какое преступленіе, не казнить смертію, а только ссылатъ въ заточеніе. Авторъ повѣсти съ негодованіемъ рассказываетъ, какъ при Михаилѣ бояре хозяйничали въ Русской землѣ, царя ни во что не ставили и не боялись его.

Въ XVII вѣкѣ подъячій посольскаго приказа Григорій Котошихинъ, бѣжавшій изъ Россіи въ Швецію, составилъ описаніе Московскаго государства. Онъ говоритъ, что всѣ выборные цари вступали на престолъ съ ограниченной властью, съ нихъ «иманы были письма», въ которыхъ они давали обѣщанія: «имъ быть нежестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми сообща, а безъ ихъ вѣдома тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать».

Объ ограниченіи власти царя Михаила свидѣтельствуютъ и иностранцы. Такъ Шведъ Страленбергъ, выпустившій въ 1730 году

Царь Михаилъ Феодоровичъ Романовъ.

Описаніе Россіи, рассказываетъ, что царь Михаилъ, вступая на престолъ, долженъ былъ дать такое письменное клятвенное обязательство: «блюсти и охранять православную вѣру, забыть прежніе фамиліные счеты и недружбы, по собственному усмотрѣнію не издавать новыхъ законовъ и не измѣнять старыхъ, не объявлять войны и не заключать мира, важныя судныя дѣла вершить по закону установленнымъ порядкомъ, наконецъ, свои родовыя вотчины отдать родственникамъ, либо присоединить къ короннымъ землямъ».

Несомнѣнно, что со стороны бояръ было стремленіе ограничить власть царей новой избранной династіи. Митлополитъ Филаретъ, отецъ Михаила, узнавъ о созывѣ земскаго собора, и не подозревая, кто будетъ избранъ въ цари, писалъ изъ польскаго плѣна, что «возстановить власть прежнихъ царей значитъ подвергнуть отечество опасности окончательной гибели, и онъ скорѣе готовъ умереть въ польской неволѣ, чѣмъ видѣть такое несчастіе».

Осуществились ли стремленія бояръ на дѣлѣ, сказать трудно. Подкрестной записи царя Михаила нѣтъ, можетъ быть и не было. Въ «утвержденной грамотѣ» Земскаго собора объ избраніи Михаила на царство ничего не говорится объ условіяхъ, которыя будто бы поклялся исполнять Михаилъ. Вопросъ о томъ, была ли ограничена власть Михаила остается вопросомъ темнымъ, еще не разрѣшеннымъ нашими историками.

Заключеніе. Послѣдствія смуты. Раззореніе Московскаго государства. Ухудшеніе международнаго положенія. Измѣненіе состава правящаго класса. Новые взгляды и понятія. Земскій соборъ при Михаилѣ Федоровичѣ.

14 лѣтъ продолжалась смута, и эти бурные мятежные годы не прошли безслѣдно для Московскаго государства. Смута пронеслась по странѣ какъ ураганъ, разрушивъ и государственный порядокъ и матеріальное благосостояніе населенія; не даромъ русскіе люди, пережившіе послѣдніе годы этого страшнаго времени, называютъ его «великой разрухой Московскаго государства». Страна была совсѣмъ разорена. Иностранцы, посѣщавшіе Москву въ первые годы царствованія Михаила Федоровича, рассказываютъ, что во многихъ областяхъ села и деревни на сотни верстъ кругомъ были или сожжены или покинуты жителями, которые разбѣжались, куда глаза глядятъ. Въ избахъ лежали неубранные трупы, и смрадъ стоялъ невыносимый. По улицамъ бѣгали волки и одичавшія собаки. Многіе крестьяне совсѣмъ забросили свои пашни, другіе сократили запашку. Страшно

возросло число бобылей, т. е. крестьян маломочных или вовсе беспашенных. Въ иныхъ уѣздахъ бобылей числилось при Михаилѣ вдвое больше, чѣмъ крестьянъ. Торговля почти прекратилась. Казна была пуста за время смуты. Международное положеніе Московскаго государства измѣнилось къ худшему. Воевать не было силъ; и Михаилъ долженъ былъ уступить Швеціи старинные русскіе города по Финскому заливу и Ладожскому озеру, а Польшѣ земли Смоленскую и Сѣверскую. Сосѣди стали относиться къ Московскому государству пренебрежительно. Въ 1612 бояре писали по городамъ: «со всѣхъ сторонъ Московское государство непріатели рвутъ: у всѣхъ окрестныхъ государей мы въ позоръ и укоризну стали».

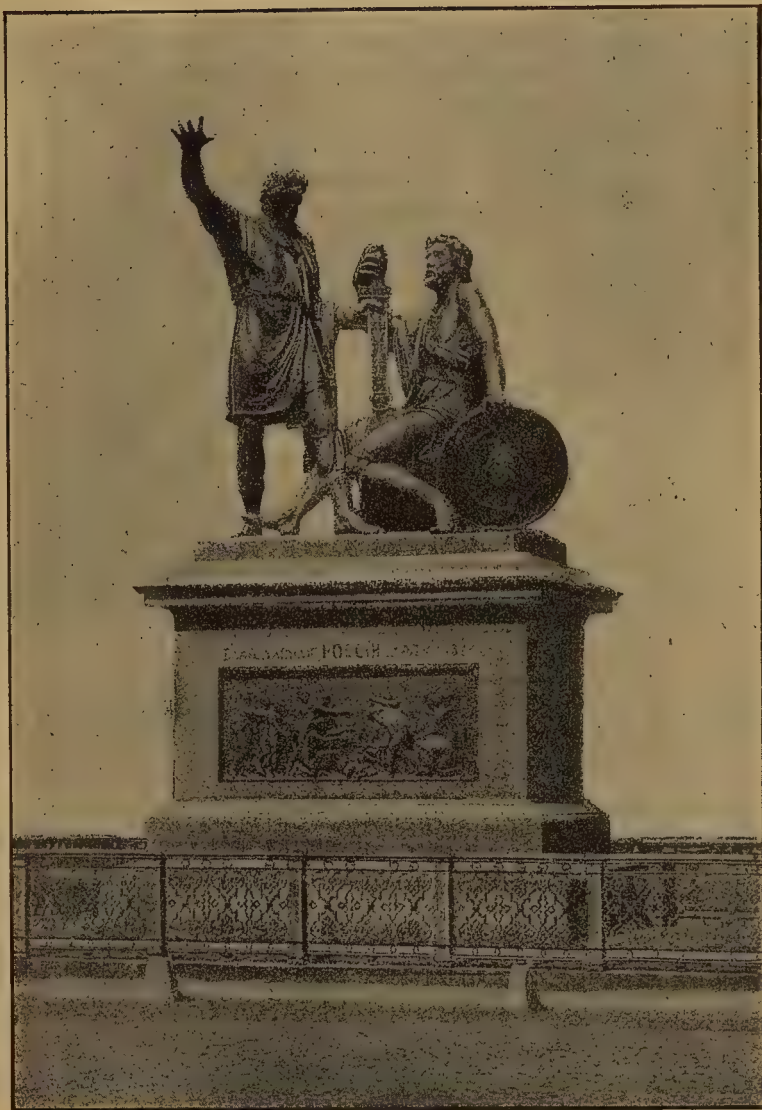
Такъ изъ смуты Московское государство вышло раззореннымъ и обезсиленнымъ.

Смута окончательно раздавила старое Московское боярство, сокрушила его политическое значеніе и измѣнила составъ правящаго класса. Многія старинныя и родовитыя боярскія фамиліи за время смуты совсѣмъ исчезли, а на ихъ мѣсто выдвинулись люди новыхъ родовъ, о которыхъ въ XVI вѣкѣ никто и не слыхивалъ. Въ началѣ царствованія Михаила остатки стараго боярства постоянно указываетъ царю на то, что въ смуту возвысилось много «худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и худородныхъ провинціальныхъ дворянъ, которыхъ возвеличили случайные цари». Одинъ изъ самыхъ родовитыхъ бояръ, князь Воротынскій, горько жалуется: «бывали на насъ опалы отъ прежнихъ государей, но правительства съ насъ не снимали; во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили».

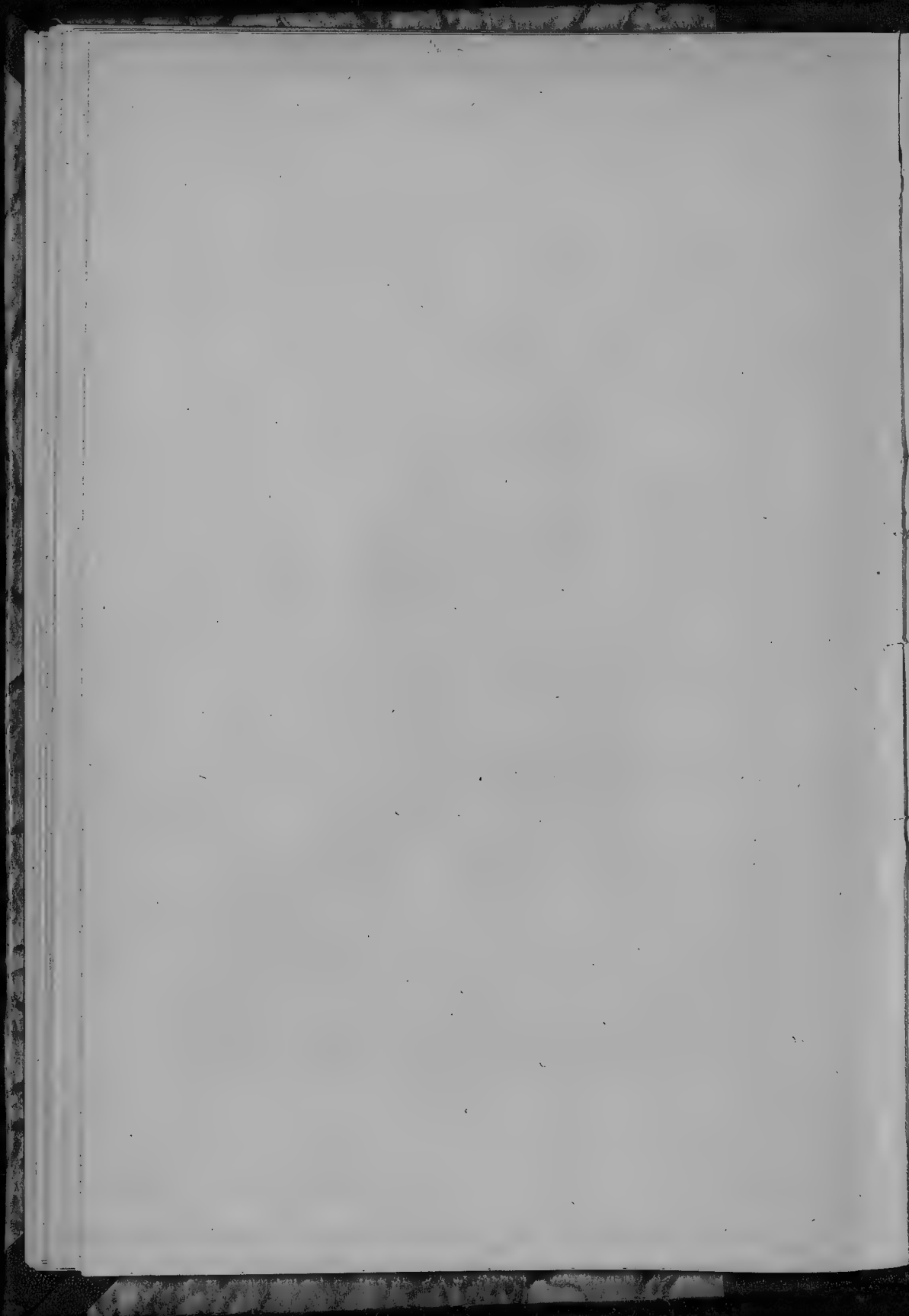
Жалобы эти ни къ чему не ведутъ. Въ 1615 году польскіе послы кололи глаза московскому боярству, говоря: «теперь на Москвѣ по грѣхамъ такъ повелось, что простые мужики, поповскіе дѣти и мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не по пригожу къ великимъ государственнымъ дѣламъ припускаются».

Эти худородные люди проникаютъ и въ боярскую думу. Составъ думы мѣняется, она дѣлается все менѣе и менѣе боярской. На мѣсто боярства выдвигается служилое дворянство, которое со временемъ и дѣлается первымъ сословіемъ въ Московскомъ государствѣ.

Событія смутнаго времени и участіе въ смутѣ натолкнули русскихъ людей на размышленія о такихъ предметахъ, о которыхъ раньше они и не помышляли, живя изо дня въ день по заведенному порядку. Выработались новые взгляды, новыя понятія, русскіе люди

Памятникъ Минину и Пожарскому на Красной площади въ Москвѣ..

многому научились; на многое стали смотрѣть другими глазами. При старой династїи на Московское государство смотрѣли какъ на вотчину государя. Считалось, что Московское государство принадлежит московскому государю, а не московскому народу. — «И вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина», говорить Іоаннъ III. Такъ думали и его наслѣдники. Государь былъ хозяинъ Московской земли и распоряжался всѣмъ по своей хозяйской волѣ. Думали, что безъ государя и государства быть не можетъ. Изъ за государя не видѣли ни государства, ни народа. Всѣ подданные московскаго царя считались его *холопами*, дворовыми слугами. Бояре, правители государства, гордившіеся своимъ происхожденіемъ отъ первыхъ русскихъ князей, и тѣ называли себя холопами. Холопамъ не пристало распоряжаться въ государственной вотчинѣ. И московскіе люди, если имъ не правился установившійся порядокъ, не возставали противъ него, не пытались его измѣнить, сообразно своимъ вкусамъ и потребностямъ, а попросту, когда имъ становилось не въ терпѣнь, бѣжали изъ государства и «брели розно». Въ смуту на многое насмотрѣлись русскіе люди, чего раньше и представить себѣ не могли. Въ иные годы государя совсѣмъ не было, а государство не погибло. Между тѣмъ цари, за которыхъ не стоялъ народъ, не могли удержаться на престолѣ, какъ то было съ сыномъ Бориса Годунова и съ Василиемъ Шуйскимъ.

Всѣ такія событія воочию убѣдили русскихъ людей, что Московское государство не вотчина московскаго государя, а принадлежит московскому народу, а государь только верховный правитель, и что «люди московскаго государства» и есть настоящіе хозяева и распорядители русской земли. Нѣсколько разъ за время смуты населеніе призывалось для выбора царя, появилось сознаніе о верховной волѣ народа. Въ 1609 году рязанскій дворянинъ Сумбуловъ собралъ на московской площади толпу народа и потребовалъ отъ бояръ низложенія царя Василія Шуйскаго. Но изъ толпы возражали мятежникамъ: «Хотя бы царь и неугоденъ былъ вамъ, однако безъ большихъ бояръ и *всенароднаго собранія* его съ царства свести не можно». Когда Сумбуловъ съ мятежниками, не смотря на это, ворвался во дворецъ, царь встрѣтилъ ихъ словами: «зачѣмъ вы, клятвопреступники, пришли ко мнѣ съ такимъ шумомъ и наглостью. Если хотите убить меня, я готовъ умереть; если же хотите согнать меня съ престола, то вамъ этого не сдѣлать, пока не соберутся всѣ большіе

бояре и *всѣхъ чиновъ люди*, и какой *вся земля* приговоръ постановить, я готовъ поступить по тому приговору».

Смута втянула всѣ классы общества въ государственныя и общественныя дѣла, научила относиться къ нимъ сознательно и дѣйствовать самостоятельно, съ общаго согласія. Жить по пословицѣ «моя хата съ краю, я ничего не знаю», въ смутное время было невозможно. Когда сѣлъ на престолъ Михаилъ Федоровичъ, для всѣхъ было ясно, что для устройства земли необходимо содѣйствіе всего населенія, что царь одинъ безсиленъ вывести страну изъ того отчаяннаго положенія, въ какомъ она очутилась. Это сознавалъ и юноша царь или вѣрнѣе его руководители, которые отъ его имени говорили соборнымъ посланъ: «*учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣніемъ; выбрали насъ, государя, всѣмъ государствомъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею, обѣщались служить и примать намъ и быть въ соединеніи, а теперь вездѣ грабежи и убійства, разные непорядки, о которыхъ намъ докучаютъ; такъ вы эти докуки отъ насъ отведите и все приведите въ порядокъ*». Земскій Соборъ, избравъ царя, не разошелся, какъ то было при Борисѣ Годуновѣ, а остался для помощи и совѣта. Въ царствованіе Михаила Федоровича Земскій соборъ созывался очень часто, такъ часто какъ никогда ни раньше ни позже. Всякій разъ, когда надо было обсудить какой нибудь важный вопросъ внѣшней или внутренней политики, собирали соборъ. Земскіе соборы разсматривали такія дѣла, какія раньше вѣдали лишь государь да боярская Дума, какъ напримеръ вопросъ о налогахъ.]

Въ этой дружной работѣ правительства и общества, царя и земскаго собора изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, и былъ залогъ того, что Русская земля не погибнетъ отъ безсилія и оскудѣнія, а возстанетъ изъ пепла и развалинъ, оставленныхъ смутой.

А. Θ. Быхова.

- Л. Козловскій. Новыя вѣянія въ социализмъ предъ судомъ русской критики; цѣна 50 к.
- С. Н. Кривенко. На распутьи (култ. скиты и култ. одиночки); цѣна 80 к.
- Линдеманъ Гуго. Городское хозяйство и рабочій вопросъ въ германскихъ городахъ. Пер. съ нѣмецкаго; цѣна 1 р. 50 к.
- А. Малиновъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго (по приволжскимъ степямъ); цѣна 80 к.
- Н. Мировичъ. Страница изъ исторіи Великой Французской Революціи (г-жа Роланъ). Съ 2 порт.; цѣна 1 р.
- *Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія тт. III и IV; цѣна по 1 р.
- Его же. Святочные рассказы; цѣна 60 к.
- Н. Озеровъ. Общество потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика И. И. Янжула. 2-е изданіе, значительно дополненное и исправленное; п. 2 р.
- Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. (Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни). Изд. 2-е; цѣна 2 р. 50 к.
- А. Оливетти. Проблемы современ. социализма. Перев. съ итальянск. подъ редакц. В. Шулятикова; цѣна 80 к.
- Ө. Павловъ. За десять лѣтъ практики (воспомяванія, впечатлѣнія, наблюденія изъ фабричной жизни); цѣна 50 к.
- А. Погорѣловъ. Мракъ. Передъ грозой. (Изъ жизни Приуралья); цѣна 80 к.
- И. Поповъ. Самоуправленіе и земскія учрежденія; цѣна 10 к.
- Дж. Руффини. Записки Лоренцо Венови (ром. изъ жизни Италіи); цѣна 1 р.
- Ж. Сорель. Соціальныя очерки современ. экономіи. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма. Перев. съ итальян.; цѣна 1 р. 25 к.
- Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей съ предисловіемъ Л. Козловскаго; цѣна 1 р.
- Г. Сѣдельниковъ. Борьба за землю въ киргизской степи; цѣна 35 к.
- В. Стрешевскій. Повѣсти и рассказы; цѣна 80 к.
- Танъ. Стихотвореніе; цѣна 80 к.
- Н. Тимковскій. Повѣсти и рассказы. Кн. I и II. цѣна по 1 р.
- Его же. Повѣсти и рассказы. Кн. III; цѣна 50 к.
- Бернардъ Шау. Разоблаченіе Бланко Познета. Сцена въ аду. Письма Л. Н. Толстого къ Шау и отвѣтъ его. Съ предислов. и статьей о Шау Л. Никифорова; цѣна 80 к.
- Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Профессиональное движеніе и право коалицій. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. И. Степанова; цѣна 1 р. 25 к.
- Ол. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. Ц. В. 2-е дополненное изд. съ портрет. автора; цѣна 40 к.
- Оливъ Шрейнеръ. Женщина и трудъ. Перев. съ англ. Съ предисл. Н. В. Чайковскаго. Съ портр. Цѣна 1 р.
- В. Шулятиновъ. Изъ теоріи и практики класовой борьбы; цѣна 30 к.
- Его же. Трэдъ-юніонистская опасность; цѣна 20 к.
- Эрितъ Луи. Исторія Французской революціи 1848 г. и второй республики. Полный перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ П. П. Румянцева. Съ приложеніемъ статьи Эд. Вернштейна: „Отъ второй имперіи до третьей республики“. 144 рисунка; цѣна 1 р. 80 к.

Книги отмѣченныя звездочкой допущены въ ученич. библіотеки средн. и низшихъ училищъ и въ безпл. народн. библ. и читальни.

Готовится къ печати: А. Богдановъ. Философія живого опыта.
Популярные очерки.

~~~~~

Продаются во всѣхъ значительн. книжн. магазинахъ столицъ и провинціи.

Гл. складъ изданій: Москва, Воздвиженка, 6, кв. 47. Телефонъ 196—82.

Научно-образовательная библиотѣка.

Тонвилль. *Старый порядокъ и революція*. Переводъ А. Гуковского, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. 350 стр. 5-е изд.; цѣна 50 к.

Вюильменъ. *Біологія растений*. Перев. И. А. Петровскаго, подъ ред. проф. Е. А. Тимирязева. 290 стр., 71 рис.; цѣна 50 к.

Гринъ. *Краткая исторія англійскаго народа*. Перев. Н. Н. Шамотина. Вып. 1-й, 340 стр.; цѣна 50 к. Вып. 2-й, 392 стр.; цѣна 70 к. Вып. 3-й (последній). 410 стр.; цѣна 80 к.

Гетчинсонъ. *Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ*. Полный перев. М. В. Павловой. Съ пред. А. В. Павлова. Вып. 1-й; цѣна 12 коп. Вып. 2-й и 3-й, цѣна 28 коп. Вып. 4-й и 5-й, цѣна 40 коп. Вып. 6-й и 7-й, цѣна 45 коп. Въ выпуски вмѣстѣ 568 стр. 48 табл., 133 рис. 1899 г. Цѣна 1 р. 25 к. Эта книга представляетъ полный переводъ двухъ книгъ автора: „Вымершія чудовища“ и „Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ“, причемъ главы размѣщены въ послѣдовательномъ зоологическомъ порядкѣ.

Тойнби. *Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII-мъ столѣтіи*. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 347 стр.; цѣна 50 к.

Неймайръ (авторъ „Исторіи Земли“). *Корни животнаго царства*. Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ. Перев. М. В. Павловой. Съ предисл. проф. А. В. Павлова. 232 стр., 28 рис.; цѣна 40 к.

Ранке. *Объ эпохахъ новой исторіи*. Перев. И. И. Шитца. Съ предисл. проф. П. Г. Виноградова. 192 стр.; цѣна 35 к.

Кейнсъ. *Предметъ и методъ политической экономіи*. Перев. А. Гуковского. Съ предисл. А. А. Мануйлова. 284 стр.; цѣна 50 к.

Тьерри. *Исторія третьяго сословія*. Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. Р. Ю. Виттера. 306 стр.; цѣна 60 к.

Романесъ. *Теорія Дарвина*. Перев. подъ ред. и съ предисл. М. А. Мензбира. 366 стр., 124 рис.; цѣна 70 к.

Постъ. *Зачатки Государства и правовыя отношенія*. Переводъ Н. В. Теплова, съ предисловіемъ профессора М. Ковалевскаго. 274 стр.; цѣна 60 к.

Бутми. *Развитіе государства и общественнаго строя Англіи*. (Исторія Англійской конституціи). Переводъ съ новаго англійскаго изданія подъ ред. М. В. Покровскаго. 128 стр. М. 1904 г.; цѣна 40 к.

СЕРІЯ НАЧАЛЬНЫХЪ КУРСОВЪ.

Росно *Химія*. Съ 31 рис. Переводъ подъ ред. прив.-доц. Моск. Унив. С. Г. Крапивина. 122 стр. Цѣна 25 к.

М. М. Петтисонъ Мюръ. *Разказы о химическихъ элементахъ*. Перев. подъ редакц. прив.-доц. С. Г. Крапивина; цѣна 35 к.

Генсли. *Введеніе въ науку*. Переводъ Д. Кашикова подъ ред. прив.-доцента Моск. Унив. Н. К. Колцова. 80 стр. Цѣна 20 к.

Фостеръ. *Физиологія*. Перев. Д. Кашикова подъ редакц. прив.-доц. Н. К. Колцова. Съ 19 рис. 120 стр. Цѣна 30 к.

Гетте. *Зоологія* (съ рисунками). М.; цѣна 40 к.

Склады изданія: въ Москвѣ: Нн-во С. Дороватовскаго и А. Чарушникова, — Воздвиженка, 6; въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Моховая. въ С.-Петербургѣ — книж. маг. „Провинція“, Стременная, 6; Н. П. Карбасникова, Гостин. дворъ: „Родной Мірѣ“ — Невскій, 110. Въ Одессѣ: „Родное Слово“, Енатерининская, 18, Саратовѣ — „Основа“. Самарѣ — „Волжанинъ“, Баку — „Сотрудникъ“. Въ Варшавѣ и Вильнѣ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова.

Выписывающіе изъ склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 коп.

